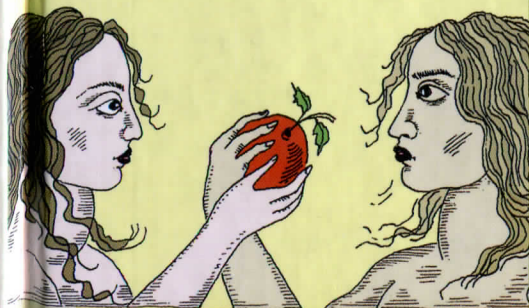

история/география/этнография

Олег Ивик

История сексуальных запретов и предписаний

История сексуальных
запретов и предписаний

Олег Ивик

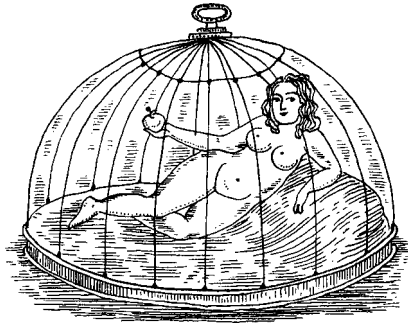

ЛомоносовЪ

Олег Ивик

История
сексуальных
запретов
и предписаний

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 392
ББК 63.3(0)
И17

Иллюстрации И. Тибиловой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-083-3

© О. Ивик, 2011

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2011

От авторов

История человечества — это история сексуальных запретов, разрешений и предписаний. Жрецы, священники и законодатели ломали копья и изводили тонны глины, папируса, пергамента и бумаги, пытаясь объяснить народам, как, с кем, когда, зачем и в каких условиях можно или нельзя заниматься сексом. Причем то, что считалось нравственным у одних народов, объявлялось категорически неприемлемым у других. В то время как в Вавилоне жрицы Милитты во славу своей богини торговали собой, в двух тысячах километров от них римляне живьем зарывали в землю жриц Весты, осмелившихся нарушить обет девственности. Особо раскрепощенные римские императоры могли вступать в бесчисленные связи, в том числе с родными сестрами, и играть гомосексуальные свадьбы с мальчиками-отпущенниками, а их китайские коллеги предавались любовным утехам лишь

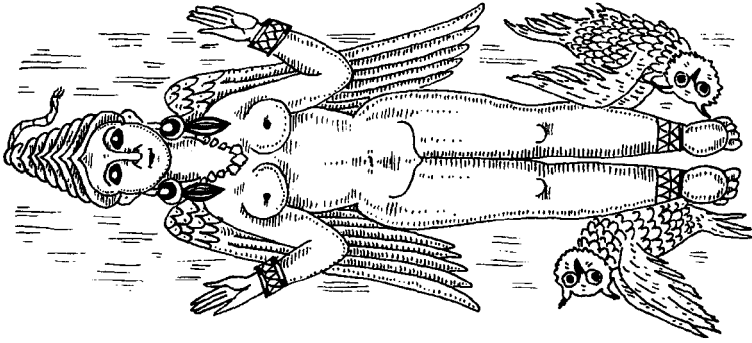
в рамках гарема, под строгим контролем евнухов и не больше, чем позволялось ритуалом.

Об истории сексуальных запретов и предписаний в разные времена и у разных народов рассказывает книга двух авторов, работающих под общим псевдонимом Олег Ивик. Книга эта написана для широкого круга читателей, поэтому авторы намеренно упрощали специальные вопросы, а из законов по охране нравственности, которые у разных народов нередко были очень похожи, выбирали только самое, с их точки зрения, интересное, опуская бесчисленные повторы. Любую из глав этой книги можно было бы превратить в отдельный и достаточно толстый том. Но такие тома, написанные специалистами, уже существуют, и к ним авторы отсылают тех, кто хочет получить исчерпывающую информацию, — в конце книги есть список использованной литературы.

При цитировании исторических документов авторы намеренно убрали скобки, которыми отмечены сомнительные или темные для перевода места, — таким образом текст, без изменения его смысла, стал легче читаться. Авторы надеются, что эти и другие подобные упрощения не вызовут нареканий со стороны читателей, которым они хотели дать общее, достаточно поверхностное, но по возможности интересное представление о том, что считали дозволенным и недозванным некоторые жители Евразии.

Клинописные запреты

Древний Ближний Восток

Междуречье

Существует версия, что сексуальная история человечества началась в междуречье Тигра и Евфрата. Ведь именно здесь, на равнине, ограниченной двумя великими реками, Армянским нагорьем и Персидским заливом, располагался, по мнению большинства богословов, Земной рай. И именно здесь прародителям человечества еще до их грехопадения был дан завет: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...» Это были первые слова, которые Бог обратил к первым людям земли. Правда, у христиан вопрос о том, когда Адам впервые познал жену свою, Еву, — в раю или после изгнания из него, — остается дискуссионным (авторы настоящей книги еще вернутся к нему в главе, посвященной христианству). Но даже если это случилось за пределами рая, маловероятно, чтобы пешие прародители человечества успели далеко отойти от райских врат перед тем, как стали исполнять божественную заповедь. Что же касается иудаизма, то в нем этот вопрос решается однозначно — согласно еврейской традиции, Адам и Ева не только вступили в брачный союз непосредственно в раю, но и успели родить там старшего сына, Каина. В Пятикнижии дается немало запретов, прямых и косвенных, на различные

виды сексуальных отношений, но все они были сформулированы позже. Что же касается жителей Земного рая, то никаких запретов они, судя по всему, не получали и в простоте и невинности вступили в первый на свете брачный союз.

А позднее на этих же землях далекими потомками Адама и Евы были записаны первые в мире законы (по крайней мере, первые, дошедшие до наших дней), регулирующие взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Правда, вопрос о том, являлись ли древние законодатели, жившие в Междуречье на рубеже третьего и второго тысячелетий до н.э., потомками Адама и Евы, можно считать в достаточной мере спорным. Ведь у шумеров — а именно они в основном населяли эти места — была на сей счет своя точка зрения. Впрочем, первые шумеры, как и первые иудеи или христиане, тоже были созданы из глины и тоже получили заповедь размножаться. Бог Энки, «владыка земли», слепил их в ответ на просьбу своей матери:

О мой сын, поднимись с ложа... мудрое сделай,
Сотвори богам слуг, да порождает себе подобных.

Кем бы ни было дано руководящее указание, люди его выполнили и стали размножаться, а потом и регулировать этот процесс. Первые брачные (и «внебрачные») законы Междуречья были записаны на глиняных табличках в царстве Ларсы и в царстве Эшнунны почти одновременно, в двадцатом веке до н.э. Сохранилось от них не так уж и много. Во всяком случае, известно, что в царстве Ларсы женам в законодательном порядке было запрещено ненавидеть своих мужей и отречься от них. Что касается мужей, вопрос об их любви или ненависти к женам в законе не прописан, но свободу от надоевшей супруги можно было купить за деньги (точнее, за весовое серебро, ибо денег тогда еще не изобрели):

«Если жена возненавидит своего мужа и скажет ему: “ты не мой муж”, то ее следует предать реке.

Если муж скажет своей жене: “ты не моя жена”, то он должен отвесить 1/2 мины серебра».

В царстве Эшнунны похитителей чужих невест карали смертью, брачные соглашения заключали в письменном ви-

де, а замужня женщина, застигнутая с любовником, подлежала смертной казни:

«Если человек принесет выкуп за дочь человека, но другой, не спросив ее отца и ее матери, похитит ее и принудит ее к сожительству, то это — дело о жизни, и он должен умереть.

Если человек возьмет в жены дочь человека, не спросив ее отца и ее матери, а также не заключит с ее отцом и ее матерью соглашения и письменного договора, то даже если она проживет в его доме с год времени, она не жена.

Если же, напротив, он заключит с ее отцом и ее матерью соглашение и письменный договор и затем возьмет ее в жены, то она — жена; когда ее захватят в лоне человека, она должна умереть, не должна остаться в живых».

К мужьям-изменникам законы Эшнунны были не столь суровы, хотя и не потворствовали им. Человек, бросивший мать своих детей ради другой женщины, «должен быть изгнан из дома и от всего, что бы ни было», а имущество его переходит к оставленной супруге. Если же муж исчез из дома не потому, что увлекся другой женщиной, а потому, что был в военном походе или плену, то его права на жену сохранялись, даже если она вторично вышла замуж в его отсутствие:

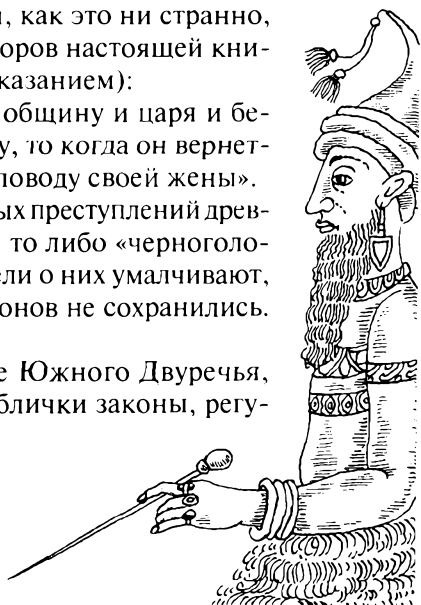
«Если человек пропадет в походе во время набега или поражения, или же будет захвачен в добычу и, пока он живет в чужой стране, другой возьмет в жены его жену и она родит ребенка, то когда он вернется, он может забрать свою жену».

Оговаривается в законе не только супружеская измена, но и измена родине, которая карается, как это ни странно, потерей жены (что с точки зрения авторов настоящей книги далеко не всегда можно считать наказанием):

«Если человек возненавидит свою общину и царя и бежит, и другой возьмет в жены его жену, то когда он вернется, он не может предъявлять иска по поводу своей жены».

Что касается других, более изысканных преступлений древних шумеров против нравственности, то либо «черноголовые» ими не грешили, либо законодатели о них умалчивают, либо соответствующие параграфы законов не сохранились.

Примерно столетием позже в центре Южного Двуречья, в царстве Исин, были занесены на таблички законы, регу-

лирующие отношения мужчины с его женами и «блудницами с улицы». Вопрос с женами решался достаточно просто к удовлетворению всех сторон: если муж «отвращал свое лицо от супруги», а таковое «отвращение» брачным договором предусмотрено не было, жена могла не дать развода. Правда, муж имел право привести в дом еще одну жену. Но новобрачным надлежало помнить, что «другая его жена, которую он взял за себя как любимую жену, — вторая жена». А первая супруга оставалась первой, и муж обязан был содержать ее до конца дней.

Продажная любовь не возбранялась, хотя и ограничивалась; при этом падшие женщины тоже имели свои, хотя и скромные, права:

«Если человеку его жена не родила детей, а блудница с улицы родила ему детей, то он должен давать этой блуднице содержание хлебом, маслом и одеждой. Дети, которых родила ему блудница, — его наследники, но пока его жена жива, блудница не должна жить в доме вместе с супругой».

«Если юноша, имеющий жену, возьмет за себя блудницу с улицы, и судьи скажут ему, чтобы он не возвращался к этой блуднице, но затем он покинет свою супругу, то разводную плату он должен отвесить вдвое».

В середине восемнадцатого века до н.э. вавилонский царь Хаммурапи, который, по его собственным словам, был призван богами «для благоденствия населения», объединил Междуречье под своей властью. Теперь уже трудно сказать, насколько население действительно благоденствовало под властью этого «ярого буйвола, бодающего врагов», «сокрушителя четырех стран света» и «дракона среди царей», как сам себя без ложной скромности именовал владыка Месопотамии. Но законы, которые Хаммурапи дал своим подданным, кажутся весьма продуманными и охватывают самые разнообразные стороны жизни.

Здесь предусмотрено решительно все: и как поступать со лжесвидетелями и неправедными судьями; и как наказать приемного сына евнуха, который «ушел в дом родного отца»; и какая кара причитается лекарю, который «сделал человеку тяжелую операцию бронзовым ножом и убил этого

человека»; и сколько платить за нанятого для молотьбы осла; и кто виновен, «если бык при своем хождении по улице забодал человека»; и что делать, «если человек нанял вола и сломал ему рог, отрезал ему хвост или же повредил ему морду»...

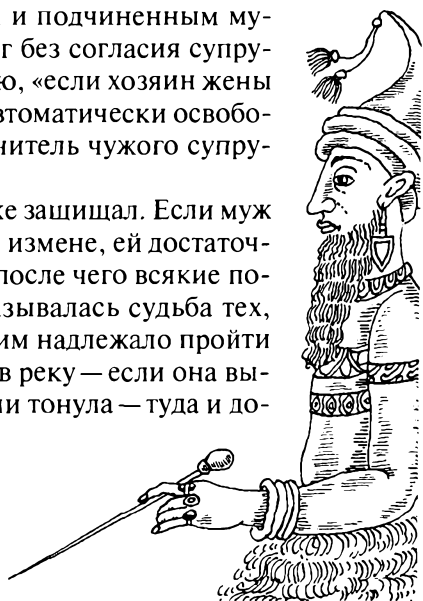
Законы эти, снабженные пышными восхвалениями самого «пастыря людей» и «солнца Вавилона», были выбиты на столбе из черного базальта и поэтому благополучно и почти без утрат дошли до наших дней (а то, что все-таки было утрачено, в основном восстановлено по копиям на глиняных табличках). Многие из этих законов касаются брачных и внебрачных отношений, в которые вступали подданные «заботливого князя, просветлившего лик богини Иштар». Причем несмотря на то, что богиня Иштар сама по себе отнюдь не была скромницей, олицетворяла плотскую любовь и покровительствовала, кроме всего прочего, проституции и гомосексуализму, Хаммурапи, «деяния которого нравятся богине Иштар», был поборником нравственности (хотя и утверждал, что своими законами не только «вложил в уста страны истину и справедливость», но и «ублаготворил плоть людей»).

Законы Хаммурапи хранят честь мужей и позволяют им расправляться с неверными женами и их соблазнителями:

«Если жена человека была схвачена лежащей с другим мужчиной, то их должно связать и бросить в воду...»

Но при этом женщина, с точки зрения вавилонян, была существом настолько бесправным и подчиненным мужу, что даже покарать ее закон не мог без согласия супруга. Изменница попадала под амнистию, «если хозяин жены пощадит свою жену». В этом случае автоматически освобождался от ответственности и осквернитель чужого супружеского ложа.

Впрочем, честь женщины закон тоже защищал. Если муж бездоказательно обвинял свою жену в измене, ей достаточно было «произнести клятву богом», после чего всякие подозрения с нее снимались. Хуже оказывалась судьба тех, кого обвиняли посторонние люди, — им надлежало пройти испытание водой. Женщину бросали в реку — если она выплывала, значит, была невиновна, если тонула — туда и до-

рога преступной жене. Такую разницу в судопроизводстве в зависимости от того, кто выдвинул обвинение, современные комментаторы объясняют очень просто. Муж в порыве ревности может обвинить свою жену без веских оснований, и, если бросать в реку всех жен, имеющих ревнивых мужей, страна может обезлюдеть. Что же касается посторонних людей, то к их обвинениям стоит прислушаться.

Еще несколько законов были направлены против кровосмешения и внутрисемейных связей:

«Если человек познал свою дочь, то его должны изгнать из его общины.

Если человек выбрал своему сыну невесту, и его сын познал ее, а затем он сам возлежал на ее лоне, и его схватили, то этого человека должны связать и бросить его в воду.

Если человек выбрал своему сыну невесту, и его сын еще не познал ее, а он сам возлежал на ее лоне, то он должен отвесить ей 1/2 мины серебра и возместить все, что она принесла из дома своего отца, а затем ее может взять в жены муж, который ей по сердцу».

Интересно, что в этих случаях женщина вообще не несла уголовной ответственности, а согрешившая невеста даже могла благополучно выйти замуж, хотя, казалось бы, если уж закон преследует жен-изменниц, то женщина, изменившая с собственным свекром, виновна вдвойне. Да и дочь, согрешившая со своим отцом, представляется современному человеку существом не слишком высоконравственным. Но у шумерских законотворцев была иная, не лишенная логики точка зрения на этот вопрос. Заведя роман на стороне, женщина нарушала свой долг перед родичами. А отдаваясь отцу или свекру, она, напротив, исполняла долг послушания перед старшим мужчиной в семье. Женское дело — не рассуждать о законах, а слушаться мужчин: отца, свекра и мужа.

Связь сына с матерью каралась особенно строго, причем оба нарушителя отвечали в равной мере. Это могло быть вызвано как тем, что мать не была подчинена своему сыну, так и тем, что эта связь нарушала мировую гармонию и могла быть чревата самыми серьезными сакральными последствиями. Поэтому законодатель был суров:

«Если человек возлежал на лоне своей матери после смерти отца, то их обоих должно сжечь».

Связь с мачехой каралась мягче, поскольку кровосмешением в прямом смысле не являлась, а значит, и сакральных последствий не вызывала:

«Если человек после смерти своего отца был схвачен на лоне своей мачехи, родившей детей, то этот человек должен быть изгнан из дома отца».

Интересно, что изнасилование женщины упомянуто в законах Хаммурапи только один раз:

«Если человек насильно овладел женою другого человека, которая еще не познала мужчину и которая еще проживала в доме своего отца, и возлежал на ее лоне, и его схватили, то этот человек должен быть убит, а женщина должна быть оправдана».

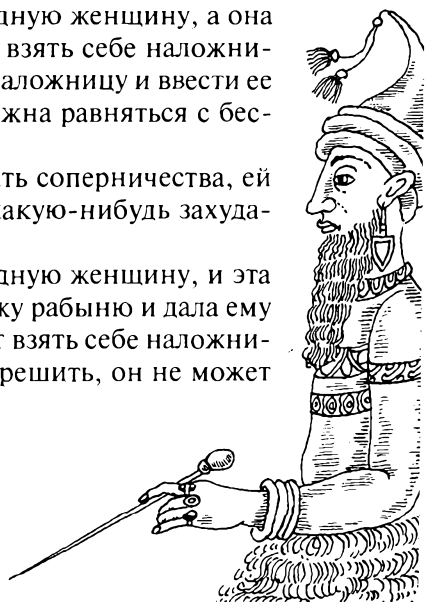
По-видимому, если девица еще не была просватана, то насильника попросту заставляли жениться на ней (хотя закон об этом и умалчивает). А вот как поступать с насильником, покусившимся на жену, которая уже познала мужчину, из кодекса не понятно.

Многоженства Хаммурапи не одобрял, и даже связи с наложницами его подданным возбранялись. Во всяком случае, заводить их для удовольствия было запрещено, ввести в дом одну-единственную наложницу разрешалось лишь для рождения сыновей, если законная жена была бесплодна:

«Если человек взял в жены бесплодную женщину, а она не дала ему иметь сына и он захочет взять себе наложницу, то этот человек может взять себе наложницу и ввести ее в свой дом, но эта наложница не должна равняться с бесплодной женой».

Впрочем, если жена хотела избежать соперничества, ей достаточно было предложить мужу какую-нибудь захудалую, но плодовитую рабыню:

«Если человек взял в жены бесплодную женщину, и эта бесплодная женщина дала своему мужу рабыню и дала ему иметь сыновей, а этот человек захочет взять себе наложницу, то этому человеку не должны разрешить, он не может взять себе наложницу».

Но, отказывая мужу в праве наслаждаться любовью на стороне, жена была обязана удовлетворять его сама. Хаммурапи подробно разъясняет, что надлежит делать с женщинами, которые отказывают в близости своим мужьям:

«Если женщина возненавидела своего мужа и сказала: „Не бери меня“, то дело ее должно быть рассмотрено в ее квартале, и, если она блюла себя и греха не совершила, а ее муж гулял и очень ее унижал, то эта женщина не имеет вины: она может забрать свое приданое и уйти в дом своего отца... Если она не блюла себя, была гулящей, дом свой разоряла и унижала своего мужа, эту женщину должны бросить в воду».

В воду надлежало бросить и женщину, которая повторно вышла замуж, пока ее муж находился в плену. Исключение делалось лишь для тех жен, которые не могли обеспечить себя пропитанием. Но и им, после возвращения первого мужа, надлежало вернуться в лоно прежней семьи. И лишь жены изменников родины, как и в царстве Эшнунны, могли наслаждаться повторным супружеством:

«Если человек бросил свое поселение и убежал, и после него его жена вступила в дом другого, то если этот человек вернулся и захотел взять свою жену, то так как он презрел свое поселение и убежал, жена беглеца не должна вернуться к своему мужу».

Законы Хаммурапи содержат 282 статьи, четверть из них посвящены семейному законодательству, в том числе различным преступлениям против нравственности. Вавилоняне очень серьезно относились к институту брака.

Примерно через пятьсот лет после Хаммурапи в Ассирийском царстве, возникшем вокруг города Ашшур в Северном Двуречье, были изданы законы, вошедшие в историю как «среднеассирийские». Видимо, за прошедшие после Хаммурапи столетия нравственные требования в Месопотамии ужесточились. Новые законодатели ввели ответственность даже за поцелуй:

«Если человек поднял руку на замужнюю женщину и ее потискал, и его в этом обвинили и уличили, ему должно от-

резать палец. А если он поцеловал ее, нужно притянуть его нижнюю губу к лезвию топора и отрезать ее».

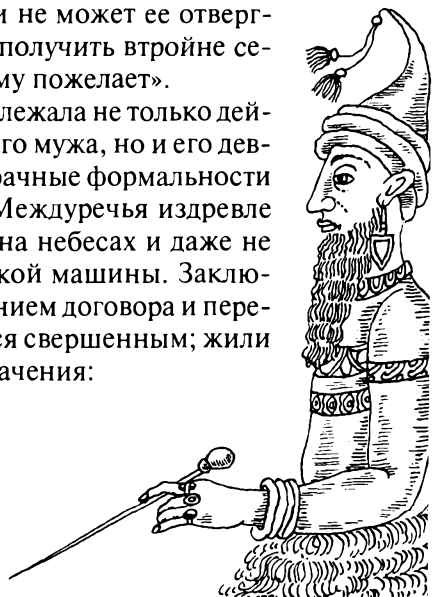
За изнасилование замужней женщины традиционно полагалась смертная казнь:

«Если замужняя женщина шла по улице и мужчина схватил ее и сказал ей: “Познаю-ка я тебя!” — то если она не согласилась, оборонялась, но он взял ее силой и познал ее, и его застигли на замужней женщине, либо же свидетели уличили его в том, что он познал эту женщину (насильно) — то его должно убить, а женщине наказания нет».

Впрочем, существовала ситуация, когда закон прямо предписывал мужчине изнасиловать чужую жену. Так надлежало поступить отцу изнасилованной дочери с женой обидчика.

«Если человек дочь человека, которая живет в доме своего отца и которую еще не сватали у отца, которую не лишили невинности, не взяли замуж и по поводу которой истец не предъявлял требований к роду ее отца, — если человек, будь то в поселении либо вне его, будь то ночью на улице, будь то в амбаре, будь то во время праздника в поселении, силой принудил девушку и обесчестил ее, отец девушки может взять жену человека, обесчестившего девушку, и предать ее бесчестию. Он не обязан возвращать ее мужу, может ее забрать. Отец может отдать в жены свою обесчещенную дочь обесчестившему ее. Если жены у него нет, обесчестивший должен уплатить тройне серебро — цену девушки; обесчестивший ее должен взять ее в жены и не может ее отвергнуть. Если отец не желает, он может получить тройне серебро — цену девушки и отдать ее, кому пожелает».

Интересно, что изнасилованию подлежала не только действительная жена излишне похотливого мужа, но и его девственная невеста в том случае, если брачные формальности уже были совершены. Ведь жители Междуречья издревле считали, что браки совершаются не на небесах и даже не в постелях, а в недрах бюрократической машины. Заключение брака сопровождалось подписанием договора и передачей подарков, после чего он считался свершенным; жили супруги вместе или нет — не имело значения:

«Если женщина еще живет в доме своего отца и если подарки ей уже даны, то, принята ли она в дом своего свекра, или не принята, она должна отвечать за долги, преступления и преступления своего мужа».

Таким образом, «первую брачную ночь» женщина могла провести с посторонним мужчиной по решению суда и под надзором членов суда и жреца — их обязательное присутствие при любых наказаниях женщин оговорено в законе. Что же касается самого насильника чужих дочерей, кара для него не отличалась особой строгостью: ведь он мог таким образом, не нарушая буквы закона, обменять старую жену на новую, не понеся никакого дополнительного наказания. Впрочем, для того, чтобы отослать надоевшую жену, ассирийцу не обязательно было насиловать юных девушек — это можно было сделать и просто так. Муж был вправе без всякой причины отвергнуть свою жену и выгнать ее из дома буквально в чем была. Один из параграфов закона гласит:

«Если человек отвергает свою жену, то, если он пожелает, он может дать ей что-нибудь; если не пожелает, может не давать ей ничего, она уйдет ни с чем».

Если же человек, изнасиловавший чужую дочь, не желал расставаться с собственной женой, ему было достаточно поклясться в том, что грехопадение совершилось по обоюдному согласию:

«Если девушка по своей воле отдалась человеку, человек должен в том поклясться и не должно трогать его жену. Обесчестивший девушку должен уплатить тройне серебром — цену девушки, а ее отец может поступить со своей дочерью как ему угодно».

Что касается полюбовных связей с замужней женщиной, они карались гораздо строже, причем «среднеассирийские» законы рассматривали самые разнообразные варианты таковых. Впрочем, в постель к нарушителям судьи не заглядывали и способ грехопадения их не интересовал. Но зато они отдельно рассматривали измену с предварительным умыслом и измену без такового. Выделялся случай, когда преступная жена заигрывала с посторонним мужчиной, но самому грехопадению противилась, хотя и безрезультатно. Различались казусы, при которых изменница сообщала со-

блзнителью, что она замужем, или же выдавала себя за незамужнюю, «сама пошла к мужчине туда, где он живет» или же встретила с ним на улице...

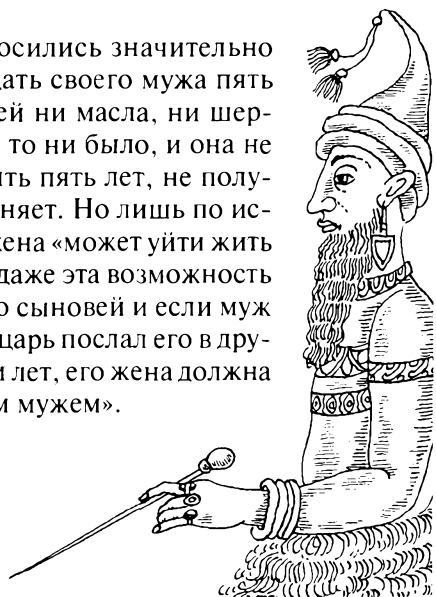
Но наказание при этом варьируется только для мужчины. Что же касается женщины, то, согрешила ли она с умыслом, без такового или еще как-нибудь — как правило, «муж может покарать свою жену, как ему угодно». Впрочем, чтобы мужу было легче выбрать вид казни, законодатели подсказывают ему два варианта, которые, видимо, считались в Ашшуре самыми удачными: предлагалось либо убить грешную жену, либо отрезать ей нос. Кроме того, отдельная статья закона возглашала:

«Сверх наказаний для жены человека, записанных в табличке, человек может бить свою жену, таскать за волосы, повреждать и прокалывать ее уши. Вины в том нет».

При этом жена, несмотря на такое обращение, не только не могла требовать развода, но даже отлучиться из дома без ведома мужа права не имела:

«Если замужняя женщина самовольно ушла от своего мужа и вошла в дом ашшурца в том же поселении, либо в другом, где ей предоставили жилье, поселилась с хозяйкой дома и переночевала там три-четыре раза, но хозяин дома не знал, что в его доме живет замужняя женщина, то, после того, как она была обнаружена, хозяин дома, чья жена самовольно его покинула, может ее изрезать и не забирать обратно к себе. Замужней же женщине, у которой жила его жена, должно отрезать уши».

К беглым мужьям ассирийцы относились значительно терпимее. Женщина должна была ждать своего мужа пять лет, если он «удалился и не оставил ей ни масла, ни шерсти, ни одежды, ни пищи, ни чего бы то ни было, и она не получает никакой пищи». Как прожить пять лет, не получая «никакой пищи», закон не разъясняет. Но лишь по истечении этого срока изголодавшаяся жена «может уйти жить с мужем, который ей угоден». Однако даже эта возможность допускалась, если у женщины не было сыновей и если муж отсутствовал самовольно. «А если это царь послал его в другую страну, и он задержался сверх пяти лет, его жена должна его ждать, она не может жить с другим мужем».

«Среднеассирийские» законы не обошли своим вниманием и гомосексуальные связи. Активное мужеложство каралось самым решительным образом:

«Если человек познал равного себе, и его клятвенно обвинили и уличили, должно познать его самого и осколоть его».

Правда, остается лишь гадать, кто должен был приводить приговор в исполнение: «потерпевший», палач или специально назначенный судебный исполнитель. Неясно и другое: что делать с человеком, «познавшим» вышестоящего или нижестоящего. Второй участник акта, судя по всему, избегал наказания. Правда, современные комментаторы считают, что пассивный гомосексуализм тоже карался, но лишь в том случае, если «преступник» занимался им достаточно регулярно — так, что про него можно было обобщенно сказать «Тебя имеют». Во всяком случае, предполагалось, что человека могли в этом обвинить. Один из параграфов гласит:

«Если человек тайно оклеветал равного себе, сказав: “Его имеют”, или во время ссоры публично сказал ему: “Тебя имеют”, и еще так: “Я сам клятвенно обвиню тебя”, но не обвинил и не уличил, должно дать этому человеку 50 палочных ударов, он будет в течение месяца выполнять царскую работу, должно его заклеить, и он должен уплатить 1 талант олова».

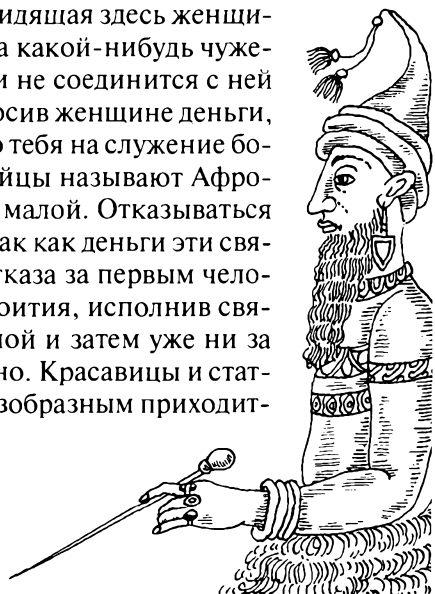
Но поскольку в законах нет ни слова о том, как должно покарать человека в случае, если действительно «его имеют», то трактовка, высказанная современными комментаторами, представляется авторам настоящей книги несколько вольной. Быть может, клеветник подвергался столь суровому наказанию вовсе не потому, что хотел подвести человека «под статью», а потому, что его высказывание было оскорбительно для потерпевшего? Ведь и впрямь, множество людей по сей день считает, что трудно нанести человеку большее оскорбление и что пятьдесят палочных ударов вкупе с месяцем принудительных работ — не слишком много за такую обиду...

Интересно, что такая же точно обида, нанесенная женщине, каралась чуть-чуть мягче: вместо 50 ударов оскорбитель получал 40.

«Если человек сказал равному себе, будь то по секрету, будь то публично во время ссоры: “Твою жену все имеют”, и еще: “Я сам клятвенно обвиню ее”, но не обвинил и не уличил, должно дать этому человеку 40 палочных ударов; он будет в течение месяца выполнять царскую работу; его должно заклеить, и он должен уплатить один талант олова».

При том, что жители древней Месопотамии стояли на страже нравственности, к проституции они относились более чем терпимо. А участие в храмовой проституции было даже обязательным по крайней мере для некоторых женщин, призванных на служение богине Иштар. Этот обычай в пятом веке до н.э. описывал знаменитый историк Геродот (называя Иштар именем греческой богини Афродиты):

«Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться за деньги чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с толпой остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: “Призываю тебя на служение богине Милитте!” Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходит-

ся долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре».

Правда, кое-что Геродот, вероятно, перепутал. Историки утверждают, что правом продать свое тело с богоугодными целями пользовались не все вавилонянки, а только девушки-жрицы из наиболее знатных семей. Впрочем, девушки попроще тоже могли отдаваться иностранцам за деньги — проституция в Вавилоне была очень распространена и не слишком осуждалась. Тем не менее, по сообщению римского историка Страбона, у вавилонян существовал специальный государственный орган, который занимался рассмотрением жалоб о прелюбодеянии, — одно из трех высших судебных учреждений.

Хетты

Законодатели древнего Междуречья не простирали свою сексуальную фантазию дальше банальных супружеских измен, изнасилований или, на крайний случай, мужеложства. Их соседи, хетты, — народ, создавший могущественное государство в Малой Азии в начале второго тысячелетия до н.э., отличались гораздо более раскованным воображением. Через три-четыре века после того, как Хаммурапи выбил свои законы на базальтовом столбе, хетты тоже издали подробный свод законов. Дошедшие до нас тексты сохранились на глиняных табличках в царском архиве в Хаттусе, столице хеттской державы.

Законодатели из Хаттусы предусмотрели самые невероятные варианты грехопадений, которые хетты могли совершать со своими согражданами, родственниками и домашними животными. И даже возраст половой зрелости скота в законе оговорен: «...бык, баран, козел могут быть заводителями в 3 года».

Но об этом — позже, ибо в основе сексуальной жизни хеттов, как, впрочем, и большинства народов, все-таки лежал законный брак. И в таковой брак все жители хеттского цар-

ства могли вступать с кем угодно, вне зависимости от своей социальной принадлежности (что в древнем мире было большой редкостью). Причем такая свобода была для хеттов чем-то само собой разумеющимся, не стоящим упоминания в своде законов, поэтому мы знаем о ней лишь благодаря параграфам, посвященным разводам. Некоторые из них начинаются так:

«Если свободный мужчина и рабыня полюбовно сойдутся, и он возьмет ее в жены, и они заведут себе дом и детей, а затем они поссорятся...»

«Если раб возьмет себе в жены свободную женщину...»

«Если раб возьмет себе в жены рабыню...»

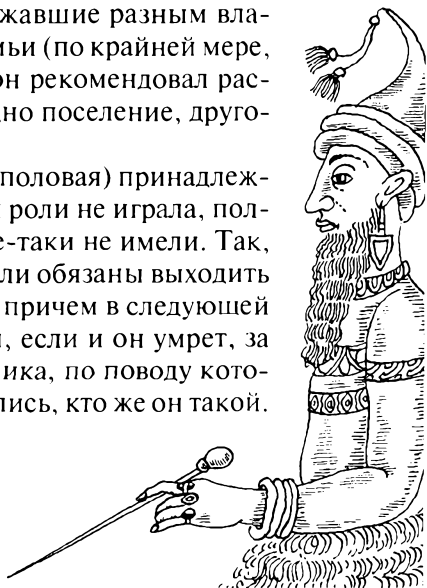
Хетты были настолько толерантны, что один из параграфов начинается даже словами:

«Если раб отдаст выкуп за свободного юношу и захочет взять его в мужа...»

По поводу этого, последнего параграфа современные ученые до сих пор не знают, что и думать. Либо сексуальная революция в хеттском царстве одержала полную победу на три с половиной тысячи лет раньше, чем в Европе, и речь идет о гомосексуальной свадьбе (но в таком случае не ясно, почему раб уплачивает выкуп за свободного, а не наоборот), либо, как считают более стыдливые комментаторы, раб таким образом приобретает мужа для своей дочери. Но опять-таки не понятно, почему раб покупает свободного. Дальнейший текст этого закона не вносит ясности в ситуацию.

И лишь рабы и рабыни, принадлежавшие разным владельцам, не имели права создавать семьи (по крайней мере, без согласия хозяев), более того, закон рекомендовал расселить преступную пару: «одного в одно поселение, другого в другое поселение».

Но хотя социальная (а возможно, и половая) принадлежность при вступлении в брак большой роли не играла, полной свободы хетты в этом вопросе все-таки не имели. Так, не было права выбора у вдов — они были обязаны выходить замуж за родственников своего мужа, причем в следующей очередности: сначала за брата, потом, если и он умрет, за отца и, наконец за некоего родственника, по поводу которого историки до сих пор не договорились, кто же он такой.

Женщинам возбранялось изменять своим мужьям:

«Если мужчина схватит женщину в горах, то вина на мужчине, и он должен умереть, если он схватит ее в самом доме, то провинилась женщина, и женщина должна умереть; если муж их найдет, то может их убить, его преступления не будет».

Впрочем, даже у распутницы, принимавшей любовника у себя в доме, оставались немалые шансы отделаться легким испугом. Особо гуманный муж мог привести и жену, и соблазнителя к воротам царского дворца и объявить: «Пусть моя жена не умрет!» — в таком случае автоматически дарилась жизнь и соблазнителю. Но даже если обманутый супруг жаждал крови, последнее слово оставалось за царем: «...тогда они получают наказание: либо царь убьет их, либо царь оставит его в живых». Непонятно, почему царь оставляет в живых именно «его»; возможно, это просто ошибка переписчика...

К романам с незамужними женщинами хетты относились достаточно лояльно. И даже связь родственников с одной и той же женщиной не считалась кровосмешением. Отцу и сыну позволялось спать с одной рабыней или блудницей: «...если отец и сын его лягут с рабыней или с блудницей, то это не преступление». Дозволялись даже связи с собственной овдовевшей мачехой или с вдовой брата. Впрочем, напомним, что на вдове брата законопослушный хетт в некоторых случаях попросту должен был жениться. Но при живых родственниках спать с их женами было нельзя.

«Если человек провинится с мачехой, то это не преступление, если же отец его жив, то должно быть наказание».

«Если мужчина ляжет с женой своего брата, а брат его жив, то должно быть наказание».

Кроме того, хеттским мужчинам категорически запрещалось вступать в связи со своими матерями, тещами, свояченицами, падчерицами, дочерьми и сыновьями. Кстати, сыновья упомянуты в общем списке без всяких особых оговорок, как будто для мужчины вступить в половую связь с собственным сыном столь же естественно (хотя и столь же незаконно), как с сестрой жены.

Впрочем, это далеко не самое экзотическое преступление против нравственности, упомянутое дотошными законодателями Хаттусы. Так, хеттам под страхом смертной казни было запрещено вступать в половую связь с быками (по крайней мере, выступать в активной роли):

«Если человек провинится с быком, то в наказание он должен умереть; его должно привести к воротам царя, и либо царь убьет его, либо царь оставит его в живых, но он не должен приближаться к царю».

Но для особых любителей быков в законе была оставлена лазейка:

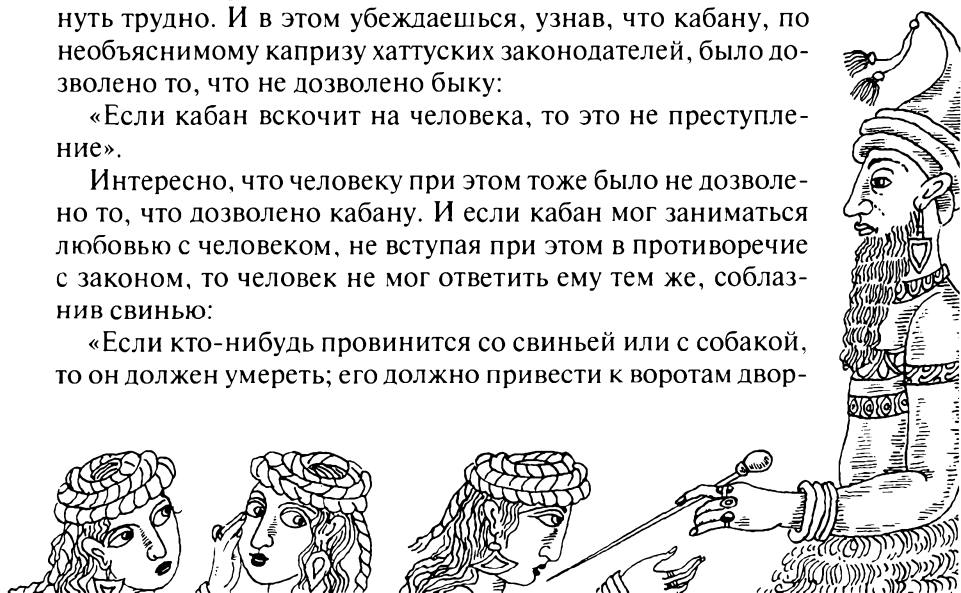
«Если бык вскочит на человека, то бык должен умереть, а человек не должен умереть; в замену человека должна быть пригнана 1 овца, и ее должны убить».

Авторам настоящей книги так и не удалось понять, что имели в виду законодатели, заставляя овцу расплачиваться за чужое любострастие и прощая самого преступного хетта. Чтобы представить себе быка, насилующего человека без его согласия, надо иметь крайне раскованное воображение. Вероятно, подразумевался все-таки полюбовный союз с быком (хотя и его нелегко представить). Но в таком случае непонятно, почему человек, соблазвивший быка на противоестественную связь (приведшую, кстати, к гибели юридически неграмотного животного), сам не нес никакой ответственности за случившееся. Но логику законов, составленных три с лишним тысячи лет тому назад, постигнуть трудно. И в этом убеждаешься, узнав, что кабану, по необъяснимому капризу хаттуских законодателей, было дозволено то, что не дозволено быку:

«Если кабан вскочит на человека, то это не преступление».

Интересно, что человеку при этом тоже было не дозволено то, что дозволено кабану. И если кабан мог заниматься любовью с человеком, не вступая при этом в противоречие с законом, то человек не мог ответить ему тем же, соблазвив свинью:

«Если кто-нибудь провинится со свиньей или с собакой, то он должен умереть; его должно привести к воротам двор-

ца, и либо царь их убьет, либо царь его оставит в живых, но он не должен приближаться к царю».

Но запрет на любовь со свиньями хетты могли совершенно легально компенсировать с лошадьми или мулами:

«Если человек провинится с лошастью или с мулом, то это не преступление, но он не может приближаться к царю и не может стать жрецом...»

Интересно, что тот же параграф закона, который разрешал хеттам заниматься любовью с мулами, разрешал и секс с чужестранцами:

«Если он ляжет с чужестранцем... то это не преступление».

Культ Кибелы

Помимо светских сексуальных запретов, действие которых простиралось на спальню и скотный двор, существовали в Малой Азии и запреты религиозные — носившие, впрочем, добровольный характер. У фригийцев, осевших в Малой Азии после падения Хеттской державы, был распространен культ богини, носившей имя Великой Матери, а позднее — Ма или Кибелы. Когда на малоазийских берегах появились греки, они быстро переняли культ Кибелы у новых соседей, и богиня начала свое победное шествие по Ойкумене. В 204 году до н.э. она покорила непобедимый Рим — здесь ее культ слился с культом богини посевов Опис и получил статус государственного. Кибеле были посвящены Мегалезийские игры, которые подробно описывает Овидий в своих «Фастах» — книге о календарных праздниках Рима. Рассказывает поэт и о том, как богиня плодородия по какому-то необъяснимому капризу потребовала от своего возлюбленного навеки отказаться от плотской любви.

Когда-то юный отрок, «обаятельный обликом Аттис», увлек Кибелу «чистой любовью». Богиня потребовала от юноши, чтобы он оставался при ней и «блюл святыни», а также поставила маловыполнимое условие «отроком быть

навсегда», то есть отказаться от плотской любви с кем бы то ни было.

Повиновался он ей и дал ей слово, поклявшись:
«Если солгу я в любви — больше не знать мне любви!»
Скоро солгал он в любви; и с Сагаритидою нимфой
Быть тем, кем был, перестал. Грозен богини был гнев...

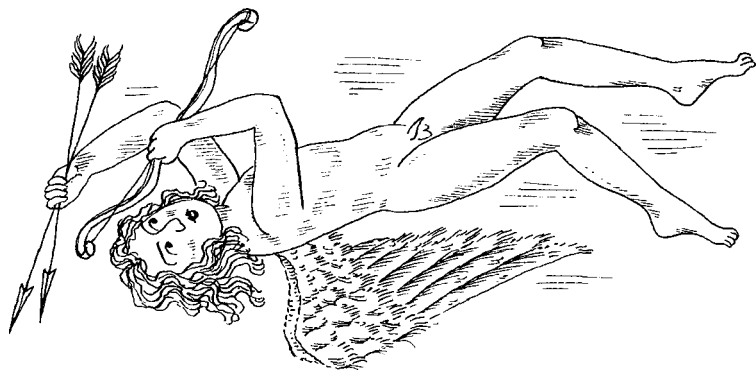
Ревнивая Кибела погубила соперницу, а на Аттиса насла-
ла безумие, и он сам оскотил себя острым камнем.

Он голосит: «Поделом! Искуплю я вину мою кровью!
Пусть погибают мои члены: они мне враги!
Пусть погибают!» Вскричал и от бремени пах облегчает,
И не осталось вдруг знаков мужских у него.
Это безумство вошло в обычай, и дряблые слуги,
Пряди волос растрепав, тело калечат себе...

С тех пор наиболее рьяные почитатели Кибелы оскоп-
ляли себя, чтобы уподобиться Аттису и выполнить за него
обет, который оказался не под силу фригийскому отроку.

Под властью Эроса
Древняя Греция

Греция в те далекие времена, когда ее населяли титаны, боги и герои, была страной если не полной, то, во всяком случае, немалой сексуальной свободы. Поскольку «поколение героев» (а если быть точными, то те несколько поколений, которые принято так называть) имеет, благодаря Троянской войне, самую четкую привязку ко времени, то и времена сексуальных свобод, царивших на Балканском полуострове и прилегающих островах, можно датировать достаточно точно. И даже если кто-то из особо шепетильных историков высказывает сомнение, что найденный Шлиманом город на Гиссарлыкском холме (а точнее, один из его археологических слоев, Троя-VIIa, погибший в пламени пожара на рубеже тринадцатого и двенадцатого веков до н.э.) совпадает с Троей Гомера, то ведь есть и другие способы датировки. Например, знаменитый древнегреческий астроном и математик Эратосфен, исходя из сроков правления спартанских царей и промежутка между началом их правлений и Троянской войной, датировал падение Трои 1183 или 1184 годом до н.э.

Так или иначе, воспетая Гомером осада Трои произошла в конце тринадцатого или начале двенадцатого века. А значит, и родители тех, кто сражался под ее стенами — знаменитые герои Геракл, Тесей, Ясон, Атрей, Эдип... — жи-

ли в тринадцатом веке. Их родители, деды и прадеды тоже, как правило, известны, и мы можем с уверенностью сказать, что все описанные в греческих героических мифах события происходили в тринадцатом—четырнадцатом веках до н.э.

С мифами о богах дело обстоит, конечно, сложнее. Боги живут долго, рожать могут в любом возрасте, а значит, подсчетом поколений тут ничего не добьешься. Во всяком случае, можно сказать, что все события, в том числе и сексуальные, отраженные в греческих мифах, имели место до середины двенадцатого века до н.э. Воспеты они были поэтами, прежде всего великими Гомером и Гесиодом, не позднее восьмого—седьмого веков до н.э. — и, конечно же, аэды, даже рассказывая о делах давно минувших дней, давали им свои нравственные оценки. А значит, знакомясь с этими поэмами (в том числе и с теми, которые до наших дней не дошли, но сохранились в пересказах более поздних авторов), можно составить достаточно ясное представление о нравственных законах, царивших на территории Ойкумены от начала времен и до первых веков первого тысячелетия до н.э.

Прежде всего, поговорим о богах. Конечно, латинская поговорка не зря гласит: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку», — и по тем свободам, которыми пользовались боги, не всегда можно судить о свободах людских. Но некоторые параллели все-таки неизбежны. Итак, боги.

История греческих богов (а точнее, первого поколения бессмертных и их детей-титанов) началась с того, что некоторые из них самозародились «во вселенной». Это были прежде всего Хаос, а следом за ним Гея (Земля), Тартар («в земных залегающий недрах глубоких») и «между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос». Эрос, таким образом, согласно Гесиоду, был одним из самых первых существ (или начал) во вселенной.

Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

После его появления боги прекратили самозарождаться. Правда, некоторое время они, не успев почувствовать всей власти Эроса, производили детей в одиночку, без участия вто-

рого партнера. Так из Хаоса вполне невинным образом родились Черная Ночь и угрюмый Эреб (тоже залегавший в земных недрах, но не столь глубоко, как Тартар). Но они положили начало новым веяниям, «в любви сочетавшись», — по-видимому, это был первый половой акт в греческой вселенной.

Поначалу боги не брезговали близкородственными связями, — впрочем, у них не было другого выхода. Гея, родив «ни к кому не всходивши на ложе, шумное море бесплодное» и нимф, позднее вступила в брак с одним из своих сыновей — Ураном (Звездным Небом), — который и стал отцом ее будущих детей. У этих детей, в том числе Крона и Реи, уже имелось немало возможных женихов и невест, ибо к тому времени боги, понукаемые Эросом, успели родить множество детей (рожавших в свою очередь). Тем не менее выбор Крона пал на его родную сестру, Рею. Их сын, Зевс, тоже избрал для законного брака свою же сестру Геру, а для любовной связи — другую сестру, Деметру. Дочь Зевса и Деметры, Персефона, в свою очередь стала жертвой, а потом и активной участницей инцеста. Сначала ее похитил (с разрешения отца) ее родной дядя (и по отцу, и по матери) Аид. А после того, как этот брак был узаконен, Персефону соблазнил ее же отец. Юная богиня родила от Зевса сына Диониса-Загрея (Сабасия). А потом, вступив с ним (собственным сыном, братом и племянником в одном лице) в кровосмесительную связь, родила Иакха-Диониса и Кору-Персефону...

Боги — существа, неподсудные обычным законам, а их брачные и любовные связи свершались на небесах (в крайнем случае на Олимпе) или в глубинах Эреба. Но и на земле близкородственными связями трудно было кого-то удивить. Гомер (устаами Одиссея) сообщает:

Вскоре приехали мы на остров Эолию. Жил там
Милый бессмертным богам Эол, Гиппотом рожденный.
Остров плавучий сго неприступною медной стеною
Был окружен, берега из обрывистых скал состояли.
В пышном дворце у Эола двенадцать детей родилися —
Шесть дочерей и шесть сыновей, цветущих здоровьем.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
Пищу вкушают они с отцом и с матерью доброй

В доме отца, и стоят перед ними несчетные яства,
Жареным пахнет в дому, голоса на дворе отдаются —
Днем. По ночам же они, со стыдливими женами рядом,
Под одеялами спят на своих просверленных кроватях.

Конечно, Эол не был простым человеком и имел к бессмертным богам самое прямое отношение. И все же комментаторы Гомера считают эти строки отголоском древней и вполне реальной традиции — отдавать девушек замуж за их родных братьев. И Одиссей, который на пиру рассказывает своим друзьям феакам о порядках, царивших в семье Эола, и феаки, и сам Гомер воспринимают такой необычный, с нашей точки зрения, матримониальный ход как должное. Кстати, позднее этот обычай стал осуждаться — Еврипид, противореча Гомеру, уже пишет о том, как Эол принуждает к самоубийству одну из своих дочерей, Канаку, ставшую любовницей собственного брата. Но великий драматург жил в пятом веке до н.э., к тому времени нравы стали значительно строже. А пока на земле царил вольный героический век, и вступать как в брачные, так и во внебрачные связи можно было кому угодно с кем угодно.

Пожалуй, единственным строгим запретом, который имелся на этот счет (и то лишь у людей — боги его не соблюдали), был запрет на брак или связь с собственными родителями. Нарушивший его (по незнанию) фиванский царь Эдип жестоко поплатился за инцест: боги поразили Фивы эпидемией и, через оракул, потребовали изгнать кровосмесителя. Приложив немало усилий, Эдип наконец узнал, что виновник бедствия — он сам. Кары богов ему показалось мало: узнав о своем преступлении, Эдип добровольно ослепил себя и ушел из города.

Жительница острова Лесбос Никтимена, вступившая в связь с родным отцом, от стыда превращается в сову. Позднее Овидий писал в «Метаморфозах» о нравственных страданиях бедной птицы, которые продолжались и после превращения:

...Она, — хоть и птица, — вину сознавая,
Взоров и света бежит и стыд скрывает во мраке,
И прогоняют ее все птицы в просторе небесном.

Что касается остальных возможных преступлений против нравственности, то люди героической эпохи не слишком обременяли себя покаянием. Широко известна история Пасифаи, жены критского царя Миноса, жившей за два поколения до Троянской войны. Пасифая страстно влюбилась в быка, которого послал ее мужу Посейдон, и, нимало не смущаясь, предложила ему себя, но бык, предпочитавший коров и телок, остался абсолютно равнодушен к заигрываниям царицы. Тогда Пасифая приказала придворному зодчему и художнику, Дедалу, изготовить полую деревянную корову, с помощью которой и обманула невинное животное. Плодом преступной страсти стал печально известный Минотавр. Но интересно, что и сам Минос, в семье которого разыгрался противоестественный адюльтер, и жители Крита совершенно спокойно отнеслись к этому нетривиальному событию. Минотавр остался жить в царском дворце и, вероятно, пользовался бы всеми правами родного сына, если бы не его обычай время от времени пожирать людей. Ребенка пришлось изолировать, но толерантный царь принял во внимание привычки и склонности пасынка — для его пропитания из Аттики регулярно доставляли дань: четырнадцать юношей и девушек. Ни сама царица, ни бык, ни Дедал не понесли никакой кары за случившееся, не пострадала и репутация царской семьи. Тесей, которого абсолютно не смутил моральный облик тещи, взял в жены дочь Пасифаи и Миноса, Ариадну. И даже если принять во внимание, что Ариадна навязалась ему сама и что Тесей вскоре от нее отказался, этими оговорками уже нельзя извинить последующий брак афинского царя: позднее он вновь прибыл на Крит в качестве жениха и взял за себя вторую дочь преступной Пасифаи — Федуру.

Еще одна история, напрямую связанная с зоофилией, произошла поколением позже на Пелопоннесе. Здесь Зевс, приняв облик лебедя, сошелся с Ледой, женой спартанского царя Тиндарея, после чего она родила дочь Елену и сына Полидевка (второго сына, Кастора, она родила, зачавши в ту же ночь от законного мужа, поэтому братья считались близнецами). Можно, конечно, допустить, что Леда, будучи высоконравственной замужней женщиной, противилась

объятиям царя богов и ему, чтобы овладеть ею, понадобилось прибегнуть к маскараду. Но совершенно непонятно, почему связь с лебедем показалась царице более пристойной, чем связь с «отцом богов и людей». Правда, Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» передает в качестве варианта версию о том, что Леда не рожала Елену от пернатого любовника, а всего лишь сберегла яйцо, отложенное богиней Немесидой. Но от кого бы ни родилась Елена, по поводу Полидевка сомнений, судя по всему, не имелось, а значит, и противоестественная связь Леды сомнений не вызывает. Что опять-таки несколько не испортило репутацию ее семейства — свататься к Елене прибыли все выдающиеся герои Греции.

Позднее, уже во вполне историческую эпоху, в начале пятого века до н.э., великий лирик Пиндар писал (и тоже без всякого осуждения) о городе Мендес в устье Нила:

Мендес у крутого морского утеса,
Крайний Нила рог, где с женами
Коз супруги — козлы сходятся.

Эти строки из несохранившегося гимна известны нам, поскольку их пятью веками позже цитирует римский географ Страбон. Он сообщает, что козлы, наравне с козлоногим богом Паном, были в Мендесе почитаемыми животными. Есть основания думать, что любовь с козлами не только не осуждалась богобоязненными жителями Мендеса, но и считалась занятием благочестивым.

Если женщины героической эпохи (и даже позднее) могли без особых проблем предаваться любви с четвероногими и пернатыми партнерами, уж тем более у них не было жестких ограничений на связи с мужчинами. Конечно, девственность невест была желательна. Но с другой стороны, фетиша из нее не делали. Царь Теспий, имевший пятьдесят незамужних дочерей, лично предложил их всех Гераклу, с тем чтобы, как пишет Аполлодор, «каждая из них родила ребенка». Правда, вопреки распространенному мнению, Аполлодор в «тринадцатый подвиг» не верит и утверждает, что Геракл гостил у Теспия достаточно долго. Но так или

иначе, отец, предлагающий невинность своих дочерей заезжему гостю, особого удивления или порицания ни у кого не вызывал.

История Елены Аргивской, похищенной Парисом у законного мужа, Менелая, известна всем. Менее известно, что Елену похищали дважды. Она была совсем еще юной девушкой, когда афинский царь Тесей и его ближайший друг, царь лапифов Пирифой, украли прекрасную спартанку, предварительно договорившись разыграть ее в кости. Для проигравшего было договорено добыть невесту по его выбору. Пирифой проиграл и потребовал богиню подземного царства Персефону. Тот факт, что дочь Деметры была замужем, не смутил сватов. Они отвезли Елену в Афины, передали матери Тесею — Эфре — и отправились в Аид. Пробыть там им пришлось значительно дольше, чем они рассчитывали, — Тесей в конце концов выбрался из загробного царства с помощью Геракла, а Пирифоя пришлось остаться там навсегда. Тем временем братья Елены, близнецы-Диоскуры (что значит «дети Зевса», хотя, собственно, сыном Зевса был лишь один из них), осадили Афины и освободили сестру... Вопрос о том, сохранила ли невинность девушка, похищенная двумя немолодыми авантюристами, один из которых собирался на ней жениться и уже поселил ее в своем доме, можно, конечно, считать открытым. Но для множества народов и культур этого было бы достаточно, чтобы Елена навсегда лишилась шансов на замужество. Что же касается греческих героев, то скандал, раздутый вокруг любимицы Афродиты, только придал ей очарования в их глазах. И не было среди ахейцев неженатого царя или царевича, который не приехал бы предложить руку и сердце несостоявшейся жене (но, возможно, состоявшейся любовнице) Тесею.

Замужние женщины героической эпохи себя тоже не слишком ограничивали. В крайнем случае, если рождался ребенок, а подсчеты показывали, что в день зачатия муж находился в отъезде, вину всегда можно было свалить на какого-нибудь бога. Если изучить генеалогию греков, стоявших под стенами Илиона, то выяснится, что у десятков из них либо мать, либо бабка рожали от богов, что нимало не смущало ни земных мужей, ни родившихся в результате «боже-

ственной» любви детей. А к особо добродетельным женщинам, которые не желали изменять мужу хотя бы и с богом, небожитель мог проникнуть, приняв облик ее супруга. Так случилось, например, с матерью Геракла — Алкменой, которую Зевс навестил под видом отсутствующего Амфитриона.

Можно, конечно, отнести такие истории за счет наивности мифических ахейских мужей. Но уже во вполне историческое время, в пятом веке до н.э., похожая история произошла в Спарте. Здесь правил царь Аристон, о котором было известно, что он бездетен, — по крайней мере, ни одна из двух его жен родить не могла. Царь, видимо, и сам не был уверен в своих мужских достоинствах, потому что, когда у него от третьей жены наконец родился сын, названный Демаратом, Аристон некоторое время колебался, признавать ли ему свое отцовство. Правда, в конце концов он признал ребенка, и после смерти царя Демарат взшел на спартанский трон. Но теперь по поводу его происхождения вновь поползли разноречивые слухи, и спартанцы запросили пифию, чтобы убедиться в легитимности нового властителя. Подкупленная пифия объявила, что Демарат — не сын Аристона. Царь был низложен и должен был жить в Спарте как частный человек. Тогда его мать, не смея спорить с оракулом, заявила, что в ту ночь, когда был зачат наследник, в ее опочивальню под видом супруга проник из находившегося неподалеку святилища призрак божественного героя Атрабака, а после призрака свои супружеские обязанности исполнил и сам Аристон. Даже если царь и был бесплоден, то никаких оснований обвинять в бесплодии призрак героя не имелось. А родившийся в результате ребенок, был ли он сыном смертного или героя, во всяком случае имел право на спартанский трон... Правда, такое объяснение не всех удовлетворило, но оно, видимо, устроило персидского царя Дария I, который сделал изгнанного из Спарты Демарата своим гостем и советником.

Но вернемся ко временам героическим. Супружеская измена жены (в том случае, когда соблазнителем был простой смертный), конечно же, не одобрялась патриархально настроенными греками. Однако и несмываемым пятном на репутацию женщины не ложилась. Разводы и измены бы-

ли в порядке вещей и на земле, и на Олимпе. В «Одиссее» подробно описано, как Афродита, бывшая замужем за Гефестом, изменяла мужу с богом войны Аресом. Гефест, заподозривший неладное, поймал любовников золотой сетью, в то время, когда они лежали в его супружеской постели, и «завопил во весь голос, богов созывая бессмертных»:

Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Вот посмотрите на это смешное и гнусное дело, —
Как постоянно бесчестит меня, хромонокого, Зевса
Дочь, Афродита-жена, как бесстыдного любит Ареса!

Боги сбежались в дом кузнеца-рогоносца («что до богинь, то они из стыдливости дома остались»), но ни гнева, ни презрения к преступным любовникам никто не проявил. Все посмеялись, Аполлон и Гермес обменялись мнениями в том смысле, что с такой красавицей, как Афродита, приятно лежать даже под золотой сеткой. Оскорбленный муж пытался было потребовать развода и возврата брачных даров, но Посейдон предложил решить дело миром. Он поручился, что Арес заплатит Гефесту пеню за оскорбление, на чем все и примирились. Афродита же осталась уважаемой богиней и законной супругой... Судя по всему, подобным образом разрешались такие неурядицы и у людей.

Елена, бывшая законной женой Менелая и имевшая от него дочь, прибыла в Трою в качестве столь же законной жены Париса. Репутация ее если и пострадала, то не от измены мужу, а вследствие десятилетней войны, которую она навлекла на головы ахейцев и троянцев. Менелай, отвовав жену (уже не у Париса, а у его брата Деифоба, за которого овдовевшая Елена вышла на десятом году осады), привез ее обратно, и она вновь стала хозяйкой дома и царицей Спарты. Позднее греческие мифографы почтительно поместят прекрасную изменницу в Елисейские поля — блаженное отделение загробного мира, которое выделено из неудобного Аида на рубеже второго—первого тысячелетий до н.э.

Клитемнестру, которая вступила в связь с Эгисфом, пока ее муж Агамемнон воевал под стенами Трои, греки, ко-

нечно, осуждали. Но главной причиной осуждения была не измена как таковая, а тот действительно не вполне лицеприятный факт, что по возвращении законного супруга Клитемнестра заколола и его, и всех, кто оказался рядом (включая вывезенную из Трои Кассандру). Но даже и после этого и преступная царица, и ее новый муж мирно правили в Микенах, не вызывая особого протеста со стороны подданных, пока Орест, сын Клитемнестры от Агамемнона, не убил обоих.

Верность Пенелопы, конечно же, вызывала восхищение и у современников, и у потомков. Но быть может, потому дочь Икария и прославилась в веках, что была редким исключением на фоне вседозволенности героической эпохи. Кстати, вопрос о ее верности тоже остается открытым — достаточно внимательно перечитать «Одиссею». Замуж ни за кого из своих многочисленных женихов Пенелопа действительно выходить не хочет и порицает их за непрерывные пиры, которые они устраивают в ее доме. Но возникает очень простой вопрос: а почему она попросту не приказала рабам закрыть дверь и не принимать назойливых гостей? Гомер подробно описывает, как слуги Пенелопы готовили пир для женихов, как «вино наливали в кратеры, мешая с водою» и обмывали столы «ноздrevатую губкой». По чьему приказанию это делалось, аэд умалчивает, но кто же еще мог распоряжаться царскими рабами в царском доме, кроме самой царицы? Тем временем ее пастухи гнали к царскому двору свиней и коз. Одиссей, возвращавшийся к себе домой под видом нищего, встретил по дороге царского пастуха Меланфия.

Коз он гнал женихам на обед, между козами всеми
Самых отборных. И два пастуха ему гнать помогали.

Меланфий позднее будет разоблачен Одиссеем как предатель. Но ведь коз из царского стада он — раб Пенелопы — мог гнать во дворец только по ее приказу. Точно так же поступал, несмотря на всю свою преданность исчезнувшему господину, и «богоравный Эвмей» — раб, пасший свиней царицы.

...На пиры женихов боговидных
Сколько уж было зарезано их! Свинопас ежедневно
Самого лучшего им доставлял кабана из жирнейших.

Богоравный свинопас в присутствии не узнанного им Одиссея отдает приказание одному из своих подручных

В город к надменным пойти женихам и свинью привести им,
Чтобы, ее заколов, насытили дух они мясом.

Трудно представить, что такие приказы могли отдаваться против воли хозяйки — владелицы и стад, и самих пастухов... Авторы настоящей книги далеки от мысли огульно обвинять царицу Итаки в любовных связях с ее многочисленными женихами — в постель к ней никто не заглядывал. Однако надо признать, что молодые люди, наводнившие дворец Пенелопы (136 женихов), привечались царицей весьма благосклонно.

Такие же мысли, несмотря на сложившийся стереотип, посещали и некоторых древних авторов. Аполлодор, добросовестно приводящий в своей «Мифологической библиотеке» все известные ему варианты мифов, пишет: «Некоторые же сообщают, что Пенелопу, соблазненную Антиноем, Одиссеей отослал к ее отцу Икарию; когда Пенелопа прибыла в аркадскую Мантинию, она родила там Пана от Гермеса. Другие же говорят, что Пенелопа была убита Одиссеем и причиной ее гибели было то, что Амфином ее соблазнил».

Возможное убийство неверной жены, вызванное ревностью, исключить, конечно, трудно. Но законы эпохи его если и не осуждали, то и не предписывали. Традиционным решением вопроса было — простить преступную жену или в крайнем случае отослать ее к отцу... Еще более свободно вели себя мужчины героического века. Для них верность в любви и браке нравственным кодексом вообще не предусматривалась. Измены, частая смена жен и любовниц были делом обычным. Достаточно обычными были и гомосексуальные связи (хотя они и не приняли еще того размаха, который им придали греки времен афинской демократии).

Начало однополой любви положил сам Зевс, похитив приглянувшегося ему юношу Ганимеда (брата Ила, основателя Трои) и передав троянскому царю в качестве выкупа замечательных коней. Чтобы успокоить ревнивую Геру, Ганимеду (вместе с бессмертием) присвоили почетный титул божественного виночерпия, после чего он стал законным жителем Олимпа.

Не чуждался однополых связей и великий Геракл. Позднее Плутарх писал: «Говорят, что Иолай, возлюбленный Геракла, помогал ему в трудах и битвах. Аристотель сообщает, что даже в его время влюбленные перед могилой Иолая приносили друг другу клятву в верности». Другим возлюбленным Геракла, согласно Аполлодору, был Гилас, сын Тейодаманта. Вместе с героем он участвовал в походе аргонавтов, но во время стоянки в Мисии, «отправившись за водой, был похищен нимфами из-за своей красоты». Геракл так увлекся поисками красавца, что отстал от корабля и не доплыл до Колхиды — аргонавты продолжали свое путешествие без него.

Знаменитый Орфей, отчаявшись вызволить жену из загробного царства, стал избегать женщин и положил начало однополой любви во Фракии. По крайней мере, именно так пишет о нем Овидий:

...Орфей избегал неуклонно
Женской любви. Оттого ль, что к ней он желанье утратил
Или же верность хранил — но во многих пылала охота
Соединиться с певцом, и отвергнутых много страдало.
Стал он виной, что за ним и народы фракийские тоже,
Перенеся на юнцов незрелых любовное чувство,
Краткую жизни весну, первины цветов обрывают.

Аристотель в своем трактате «Политика» уверяет, что гомосексуализм на Крите был введен еще знаменитым царем Миносом (мужем скандально известной Пасифаи). Причем, по мнению философа, сделано это было с самыми чистыми экономическими и демографическими целями:

«Законодатель придумал много мер к тому, чтобы критяне для своей же пользы ели мало; также в целях отделе-

ния женщин от мужчин, чтобы не рожали много детей, он ввел сожителство мужчин с мужчинами; дурное ли это дело или не дурное — обсудить это представится другой подходящей случай».

Попутно отметим, что демографическая политика Афинского государства была, по сообщению Диогена Лаэртского, прямо противоположной. Диоген писал: «...Афиняне, желая возместить убыль населения, постановили, чтобы каждый гражданин мог жениться на одной женщине, а иметь детей также от другой, — так поступил и Сократ». Впрочем, историки (как древние, так и современные) не согласны с Диогеном и уверяют, что афиняне, напротив, могли иметь законных детей только от законных жен, прочие же дети никакими правами не пользовались и во внимание не принимались.

Но, как бы то ни было, в историческое время практически по всей Греции однополая любовь (по крайней мере, для мужчин) была узаконена. Платон в «Пире» дает ей вполне рационалистическое объяснение:

«Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, — мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, — андрогины, и из него видно, что они сочетали в себе вид и наименование обоих полов — мужского и женского. Тогда у каждого человека тело было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано... Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов...»

И тогда боги, испугавшись андрогинов и решив ослабить их, разрезали каждого на две части, «как разрезают перед засолкой ягоды рябины или как режут яйцо волоском». Правда, сначала операция не вполне удалась, но после некоторых перестановок боги остались довольны, а люди приняли такой вид, какой они имеют сегодня.

«Итак, каждый из нас — это половинка человека, расчлененного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогинном, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения ладки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и из юношей, ибо они от природы самые мужественные. Некоторые, правда, называют их бесстыдными, но это заблуждение: ведут они себя так не по своему бесстыдству, а по своей смелости, мужественности и храбрости, из пристрастия к собственному подобию. Тому есть убедительное доказательство: в зрелые годы только такие мужчины обращаются к государственной деятельности. Возмужав, они любят мальчиков, и у них нет природной склонности к деторождению и браку; к тому и другому их принуждает обычай, а сами они вполне довольствовались бы сожительством друг с другом без жен. Питая всегда пристрастие к родственному, такой человек непременно становится любителем юношей и другом влюбленных в него».

В Коринфе в седьмом веке до н.э. существовал обычай, по которому инициация мальчика начиналась с его похищения взрослым мужчиной. Старший друг вводил подростка в мужской союз и обучал воинскому мастерству. Когда срок обучения заканчивался, молодой воин получал от старшего ритуальные подарки: воинское снаряжение, кубок и быка. Отношения между юношей и его наставником носили хотя и сексуальный (в том числе), но почетный характер.

В греческом городе Фивы (том самом, где некогда правил Эдип) существовал так называемый «Священный от-

ряд», в который входили триста отборных воинов. Плутарх писал о нем:

«Некоторые утверждают, что отряд был составлен из любовников и возлюбленных... Ведь родичи и единоплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга. И это не удивительно, если вспомнить, что такие люди даже перед отсутствующим любимым страшатся опозориться в большей мере, нежели перед чужим человеком, находящимся рядом, — как, например, тот раненый воин, который, видя, что враг готов его добить, молил: “Рази в грудь, чтобы моему возлюбленному не пришлось краснеть, видя меня убитым ударом в спину”... Существует рассказ, что вплоть до битвы при Херонее он оставался непобедимым; когда же после битвы Филипп (македонский царь, отец Александра Великого. — *О. И.*), осматривая трупы, оказался на том месте, где в полном вооружении, грудью встретив удары македонских копий, лежали все триста мужей, и на его вопрос ему ответили, что это отряд любовников и возлюбленных, он заплакал и промолвил: “Да погибнут злою смертью подозревающие их в том, что они были виновниками или соучастниками чего бы то ни было позорного”».

Впрочем, мало кто из греков считал, что в однополюсной любви можно хотя бы заподозрить что-то позорное. Платон в своем «Пире» устами одного из героев, Федра, говорит: «Я, по крайней мере, не знаю большего блага для юноши, чем достойный влюбленный, а для влюбленного — чем достойный возлюбленный... И если бы возможно было образовать из влюбленных и их возлюбленных государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного и соревнуясь друг с другом; а сражаясь вместе, такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюбленному легче при ком угодно, чем при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору; а уж бросить возлюбленного на произвол судьбы или не помочь ему, когда он в опасности, — да разве найдет-

ся на свете такой трус, в которого сам Эрот не вдохнул бы доблесть, уподобив его прирожденному храбрцу?»

Другой участник платоновского диалога, Павсаний, подхватывает тему и убедительно объясняет собравшимся, что любовь бывает двух видов и «Эротов, сопутствующих обеим Афродитам, надо именовать соответственно небесным и пошлым». Выясняется, что «пошлый» Эрот внушает «любовь, которой любят люди ничтожные». Это именно те люди, которые «любят женщин...не меньше, чем юношей» (мысль о том, что можно любить одних лишь женщин, видимо, в голову Павсания не приходит). «Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, — недаром это любовь к юношам, — а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости. Потому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено большим умом».

Надо отметить, что секс сексом, но многие греки действительно пытались видеть в однополой любви прежде всего ее духовную составляющую, и чем бы ни занимались влюбленные в частном порядке, публичный разговор обычно шел о любви духовной (хотя и внушенной Эросом).

Кроме того, афинский обычай считал недопустимой связь мужчины с маленькими мальчиками — достойной признавалась только любовь к юношам. Мужская проституция в Афинах существовала, были и специальные публичные дома, но по закону свободнорожденный афинянин не мог заниматься подобным ремеслом, в каких бы стесненных обстоятельствах он ни находился, — это было уделом иностранцев и метеков. Мужчина, уличенный в том, что он вступил в половую связь за деньги или какие-либо жизненные блага, по законам Солона лишался права говорить в народном собрании.

И даже Платон под конец жизни в своих «Законах» высказал точку зрения о том, что «мужчины не должны сходиться с юношами, как с женщинами, для любовных утех», потому что «это противоречит природе». Ничего не имея против любви между мужчинами, он тем не менее предлагает им «всегда хранить чистоту вместе с таким же чистым

своим возлюбленным» и ратует за «тот вид влечения, который сопряжен с добродетелью и заставляет юношу стремиться к достижению высшего совершенства».

Впрочем, в этом произведении великий философ вообще увлечен идеей насильственной добродетели, и предложенные им меры по ее установлению, равно как и стиль самих «Законов», напоминают передовицы времен борьбы за социалистическую нравственность. Он пишет:

«...Мы, весьма возможно, принудим соблюдать в любви одно из двух: либо пусть гражданин не смеет касаться никого из благородных и свободнорожденных людей, кроме своей законной жены; пусть он не расточает своего семени в незаконных, не освященных религией связях с наложницами, а также в протiwоестественных и бесплодных связях с мужчинами. Или же мы совершенно исключим связи с мужчинами, а что касается связей с женщинами, то если кто помимо жены, вступившей в его дом с ведома богов, путем священного брака, станет жить с другими женщинами, купленными или приобретенными иным каким-либо способом, причем это явно обнаружится перед всеми мужами и женами, то мы как законодатели, думается мне, правильно сделаем, лишив его всех почетных гражданских отличий как человека, действительно чуждого нашему государству».

Но к счастью для греков (и любовников, и философов), платоновские «Законы» так и остались на бумаге (точнее, папирусе), — что дало и тем и другим возможность продолжать свои изыскания в данной области. Позднее, уже во втором веке н.э., Лукиан Самосатский продолжает ту же тему. В его диалоге «Две любви» собеседники обсуждают, какая любовь — к юношам или к женщинам — добродетельнее и приятнее, исследуя это вопрос «в пристойном порядке, как подобает людям просвещенным». Споры по поводу приятности не имеют прямого отношения к теме данной книги, что же касается добродетели, то по этому вопросу звучали разные точки зрения. Так, один из собеседников считал любовь между мужчинами недостойной, ибо она противоречит природе и не известна у животных, в частности у львов. На что последовало не лишнее логики воз-

ражение: «Да, львы не любят львов, но ведь на то они и не философы...»

Впрочем, мужская любовь тоже рассматривалась Лукианом с разных точек зрения; один из собеседников уверял, что «любовь философа к юноше вызывается высоким величием души» и «относится всецело к философии». Он предлагал любить юношей, «как Сократ — Алкивиада, с которым он отцовски вкушал сон под одним плащом». Другой собеседник высказывал сомнения в том, что любовь великого философа носила столь высокодуховный характер, и уверял, что Алкивиад, полежав под одним покрывалом с Сократом, «встал не без урона для себя». Но каким бы утехам — духовным или плотским — ни предавались идеальные любовники, оба эти вида любви были, с точки зрения автора диалога, допустимы и во всяком случае превосходили женскую любовь, нужную только как «средство обеспечения необходимой преемственности рода человеческого».

Интересно, что в произведениях Лукиана затрагивается и довольно редкая для греческих авторов тема женской однополой любви. Конечно, греки чтили поэтессу Сапфо, которая в начале шестого века до н.э. воспела страсть между представительницами прекрасного пола. Но Сапфо была существом исключительным, «десятой музой», и к ней не были применимы обычные мерки. Кроме того, женщины острова Лесбос пользовались большой свободой, чего нельзя было сказать об остальных регионах Греции (кроме разве что Спарты). Греческие женщины получали самое поверхностное образование, вели затворнический образ жизни, и мужчины не слишком интересовались ими, делая исключение лишь для гетер. Поэтому и сексуальная жизнь женщин выпала из поля зрения греческих авторов. Лукиан был одним из немногих писателей, который попытался как-то заполнить этот пробел. В «Диалогах гетер» его героини делятся друг с другом тайнами лесбийской любви, но о самом интересном умалчивают: «Ведь это так неприлично!» Было ли это только неприлично или же наказуемо законом и традицией, «Диалоги гетер» не сообщают, и читателям остается только догадываться, как обстояло дело.

Но в диалоге «Две любви» тот же Лукиан несколько проясняет ситуацию. Один из его героев, протестуя против любви между мужчинами, говорит:

«Если... по-твоему, пристойно мужчине разделять ложе с мужчиной, то дозволим впредь и женщинам любить друг друга. Да, да, сын нынешнего века, законоположник неслыханных наслаждений, ты придумал новые пути для мужской утехы, так обрадуй и женщин: подари им такую же возможность, пусть одна другой заменяет мужа! Пусть, надев на себя изобретенное бесстыдное орудие, заменяющее данное природой, — чудовищная загадка пашни, не знающей посева, женщина с женщиной, как муж с женой, встречаются на ложе! Пусть наименование разврата, редко достигающее слуха, — мне стыдно даже произносить это слово, — имя трибады впредь выступает гордо, без стеснений!»

С точки зрения авторов настоящей книги, герой диалога несколько погорячился, считая, что идея однополый любви между женщинами так уж нова — со времен Сапфо прошло уже более восьми сотен лет. Во всяком случае, из его слов видно, что любовь эта считалась греками чем-то не слишком приличным, но в то же время «бесстыдные орудия» для нее были известны и, видимо, вполне доступны. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что Лукиан, хотя и был греком и работал в рамках греческой литературной традиции, жил все-таки уже во втором веке, когда былые сексуальные вольности, равно как и запреты, распространявшиеся на его соотечественников, испытали сильное влияние римских имперских нравов. Но к римлянам авторы настоящей книги еще обратятся, а пока что вернемся в Грецию, а именно — в Спарту, которая имела свою, отличную от остальной Эллады точку зрения на то, что хорошо и что плохо — в том числе в любви и в постели.

Спартанские нравы сформировались под влиянием полумифического законодателя Ликурга, жившего, вероятно, между десятым и восьмым веком до н.э. Ликург дал спартанцам законы, после чего спросил оракула, достаточно ли они хороши, чтобы «привести город к благоденствию и нравственному совершенству». Ответ гласил, что «город

пребудет на вершине славы», что оказалось правдой, ибо нравы спартанцев действительно очень скоро стали притчей во языцех по всей Ойкумене. Позднее преемники Ликурга лишь слегка модернизировали данные им законы, и к середине шестого века до н.э. в Спарте сложилось действительно уникальное сообщество, в котором строгости «военного коммунизма» и жесточайший контроль за личной, в том числе половой, жизнью граждан сочетались с редкостной сексуальной свободой.

Служение отечеству было главной целью жизни каждого спартанца. А поскольку таковое служение следовало продолжить в детях и внуках, каждому спартанцу в обязательном порядке надлежало жениться и произвести потомство. Плутарх пишет, что в качестве «средства побуждения к браку» спартанцы использовали шествия, песни, пляски и состязания нагих девушек в присутствии юношей. Что же касается тех юношей, которые не прельстились видом обнаженных соотечественниц и оставались холостяками, для них Ликург установил позорные наказания: «... Их не пускали на гимнопедии (праздник Аполлона. — *О. И.*), зимою, по приказу властей, они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор (в песне говорилось, что они терпят справедливое возмездие за неповиновение законам), и наконец они были лишены тех почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим».

Надо отметить, что помимо обнаженных тел спартанские невесты могли привлечь женихов разве что духовными качествами — давать за ними приданое Ликург строго воспретил, дабы девушки неимущие не остались в старых девах, а девушки богатые не получили алчных мужей. Ограничил Ликург и брачный возраст, «чтобы от цветущих родителей происходили здоровые дети».

Сам брак в представлении спартанцев сильно отличался от брака в представлении других греков. И семейная, в том числе и сексуальная, жизнь супругов проходила весьма оригинально. Вот как описывает это Плутарх:

«Невест брали уводом, но не слишком юных, недостижных брачного возраста, а цветущих и созревших. Похищенную принимала так называемая подружка, коротко стригла

ей волосы и, нарядив в мужской плащ, обув на ноги сандалии, укладывала одну в темной комнате на подстилке из листьев. Жених, не пьяный, не размякший, но трезвый и как всегда пообедавший за общим столом, входил, распуская ей пояс и, взявши на руки, переносил на ложе. Пробыв с нею недолгое время, он скромно удалялся, чтобы, по обыкновению, лечь спать вместе с прочими юношами. И впредь он поступал не иначе, проводя день и отдыхая среди сверстников, а к молодой жене навещаясь тайно, с опаскою, как бы кто-нибудь в доме его не увидел. Со своей стороны и женщина прилагала усилия к тому, чтобы они могли сходиться, улучив минуту, никем не замеченные. Так тянулось довольно долго: у иных уже дети рождались, а муж все еще не видел жены при дневном свете. Такая связь была не только упражнением в воздержности и здравомыслии — тело благодаря ей всегда испытывало готовность к соитию, страсть оставалась новой и свежей, не пресыщенной и не ослабленной беспрепятственными встречами; молодые люди всякий раз оставляли друг в друге какую-то искру вожеления».

Лишь после того, как спартанцу исполнялось тридцать лет, он мог покинуть военный лагерь, где жил с семилетнего возраста, и поселиться в собственном доме с собственной женой. Впрочем, жена эта была не совсем собственной, поскольку Ликург не без оснований считал, что все спартанцы, в том числе и женщины, прежде всего должны принадлежать не семье, а отечеству.

«Внеся в заключение браков такой порядок, такую стыдливость и сдержанность, Ликург с немалым успехом изгнал пустое, бабье чувство ревности: он считал разумным и правильным, чтобы, очистив брак от всякой разнузданности, спартанцы предоставили право каждому достойному гражданину вступать в связь с женщинами ради произведения на свет потомства, и научил сограждан смеяться над теми, кто мстит за подобные действия убийством и войною, видя в супружестве собственность, не терпящую ни разделения, ни соучастия. Теперь муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опо-

чивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим. С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодовитая и целомудренная, он мог попросить ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан. Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству, и потому желал, чтобы граждане рождались не от кого попало, а от лучших отцов и матерей. В касающихся брака установлениях других законодателей он усматривал глупость и пустую спесь. Те самые люди, рассуждал он, что стараются случить сук и кобылиц с лучшими припускными самцами, суля их хозяевам и благодарность и деньги, жен своих караулят и держат под замком, требуя, чтобы те рожали только от них самих, хотя бы сами они были безмозглы, ветхи годами, недужны! Словно не им первым, главам семьи и кормильцам, предстоит испытать на себе последствия того, что дети вырастают дурными, коль скоро рождаются от дурных, и, напротив, хорошими, коль скоро происхождение их хорошо».

Ликург уверял, что у спартанцев «общие чувства к одному лицу» отнюдь не вызывали ревности, а «становились началом и источником взаимной дружбы влюбленных, которые объединяли свои усилия в стремлении привести любимого к совершенству».

При этом сами женщины считали зазорным вступать во внебрачные связи без разрешения мужа. Тот же Плутарх, собравший «Изречения спартанских женщин», описывает, как один человек предложил спартанке вступить с ним в связь. Она отвечала: «Еще девочкой я научилась слушаться отца и так и поступала всегда; став женщиной, я повинуюсь мужу; если этот человек делает мне честное предложение, пускай обратится с ним сперва к моему мужу».

Но если ложиться в постель с посторонними мужчинами спартанки должны были с разрешения супруга, то любить женщин им позволялось и без такового разрешения. Плутарх сообщает: «...У спартанцев допускалась такая свобода в любви, что даже достойные и благородные женщины любили молодых девушек...»

Что же касается мальчиков, то и они не чуждались радостей однополой любви, причем начальный возраст для этого был определен традицией — двенадцать лет. «И добрую славу и бесчестье мальчиков разделяли с ними их возлюбленные, — пишет Плутарх в биографии Ликурга. — Рассказывают, что когда однажды какой-то мальчик, схватившись с товарищем, вдруг испугался и вскрикнул, власти наложили штраф на его возлюбленного».

Правда, тот же Плутарх в другой своей книге, «Древние обычаи спартанцев», особо оговаривает, что любовь к мальчикам носила у жителей Лакедемона сугубо духовный характер: «У спартанцев допускалось влюбляться в честных душой мальчиков, но вступать с ними в связь считалось позором, ибо такая страсть была бы телесной, а не духовной. Человек, обвиненный в позорной связи с мальчиком, на всю жизнь лишался гражданских прав».

Об этом же сообщает и римский писатель третьего века н.э. Клавдий Элиан, описывающий взаимоотношения спартанских юношей: «...Эта любовь не содержит ничего постыдного. Если же мальчик посмеет допустить по отношению к себе нескромность или влюбленный на нее отважится, обоим небезопасно оставаться в Спарте: их приговорят к изгнанию, а в иных случаях даже к смерти».

Впрочем, плотская или платоническая, любовь к мальчикам, во-первых, должна была быть бескорыстной, а во-вторых, предписывалась законом в качестве обязательной. Элиан пишет:

«Когда кто-то из тамошних красавцев предпочел бедному, но честному вздыхателю богача, они приговорили юношу к штрафу, карая, мне кажется, слабость к деньгам денежным наказанием. Другого, человека во всех отношениях порядочного, но не испытывавшего любви к благородным юношам, они тоже наказали за то, что, обладая душевными совершенствами, он никому не дарит свою любовь; эфоры были уверены, что такой человек может сделать своего возлюбленного или какого-нибудь другого юношу подобным себе. Ведь привязанность любящих, если они добродетельны, способна воспитать в их любимцах добрые качества».

Знаменитый афинский законодатель Солон, живший в начале шестого века до н.э., тоже не чуждался однополой любви и ставил любовь к мальчикам, согласно свидетельству Плутарха, «в число благородных, почтенных занятий». Поэтому он законодательно запретил это занятие рабам «и некоторым образом призывал людей достойных к тому, от чего отстранял недостойных». Сам Солон «не был равнодушен к красавцам и не имел мужества вступить в борьбу с любовью, “как борец в палестре”, это можно видеть из его стихотворений».

Тем не менее, блюдя государственные интересы, Солон сделал немало и для распространения любви разнополой. По преданию, он создал в Афинах сеть публичных домов (диктерионов) и разместил их в районе, где они были не только удобны для посетителей (окрестности порта), но и имели идеологическую поддержку (недалеко от храма Афродиты). Учреждения эти были поставлены под контроль государства, причем Солон позаботился об их штате, закупив для этого азиатских рабынь. Сводничество Солон запретил, предложив карать его штрафом в сто драхм (436 граммов серебра), — единственное исключение было сделано для гетер. Такой же штраф был назначен за изнасилование свободной женщины. Мужчинам было запрещено торговать своими дочерьми и сестрами, но и здесь имелось исключение: если девушка уже была уличена в преступной связи с мужчиной, продать ее не возбранялось. Если же с любовником была застигнута замужняя женщина, то оскорбленный супруг имел право убить любовника на месте преступления. Плутарх считал этот последний закон нелепым, поскольку изнасилование той же замужней женщины каралось меньше чем полукилограммом серебра. Но возможно, Солон считал изнасилование менее тяжким преступлением, чем соблазнение, поскольку при этом страдало только тело потерпевшей, а при ее соблазнении преступник губил и нравственность, и доброе имя, и душу женщины (представление о душе и загробном воздаянии за грехи во времена Солона уже зарождалось).

Солон, несмотря на свое пристрастие к мальчикам и заботы о публичных домах, немало трудов посвятил законо-

устройству обычного гетеросексуального брака. По сообщению Плутарха, «Солон уничтожил обычай давать приданое и разрешил невесте приносить с собою только три гиматия (верхняя одежда. — *О. И.*) и вещи из домашней обстановки небольшой ценности — больше ничего. По его мысли, брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь».

Что же касается осиротевших невест, которые унаследовали от своих родителей состояние и были богаты без всякого приданого, о них Солон позаботился особо. Законодатель не без оснований опасался, что деньги одиноких девушек могут привлечь к ним мужчин, по возрасту уже неспособных к брачной жизни. Поэтому он издал закон, по которому «муж богатой сироты должен иметь свидание с нею по крайней мере три раза в месяц». Плутарх писал: «Если даже и не родятся от этого дети, то все-таки это со стороны мужа по отношению к целомудренной жене есть знак уважения и любви; это рассеивает многие неудовольствия, постоянно накапливающиеся, и не дает ей совершенно охладеть к мужу из-за ссор с ним».

Для того чтобы мужьям было легче исполнять свои предписанные законом обязанности, им на подмогу был издан еще один закон, согласно которому «невесте перед тем, как запереть ее с женихом, давали поесть айвы». Айва действительно издревле считается афродизиаком, вот только непонятно, почему закон предписывал давать ее только невесте, а не обоим супругам.

Если же айва не помогала, женщина (но не всякая, а именно богатая сирота) «получала право вступить в связь с кем-либо из ближайших родственников мужа». Плутарх считал, что этот закон направлен «против мужчин, не способных к брачному сожителству, но женящихся на богатых сиротах из-за денег и на основании закона производящих насилие над природой». «Мужчина, видя, что такая жена отдается, кому хочет, или откажется от брака с нею, или, оставаясь в браке, будет терпеть позор, неся наказание за свою жадность и наглость». Правда, богатой сироте «было дано право выбирать себе любовником не всякого, а только од-

ного из родственников мужа, чтобы ребенок был близок по крови ее мужу и происходил из одного с ним рода».

Надо сказать, что афиняне далеко не все и не сразу оценили полезность новых законов — по свидетельству Плутарха, «к Солону каждый день приходили люди: то хвалили, то бранили, то советовали вставить что-либо в текст или выбросить». Но Солон ничего менять не стал и, заявив: «Трудно в великих делах сразу же всем угодить», уплыл в Египет. Кстати, в пути и он, и его спутники, вероятно, соблюдали полное воздержание, поскольку греки считали, что «корабли должны быть чисты от дел Афродиты» — по крайней мере, так утверждал позднее Ахилл Татий в своем знаменитом романе «Левкиппа и Клитофонт»... Как бы то ни было, законодатель покинул Афины. А законы остались — Солон предписал не менять их в течение по крайней мере ста лет.

Между Вестой и Венерой Древний Рим

«**D**ura lex sed lex, — говорили римляне. — Закон суров, но это закон». Действительно, в Древнем Риме писаные и неписаные законы по соблюдению нравственности были весьма суровы и весьма многочисленны. Они касались супружеских измен и разводов, проституции и мужеложства, брачных ночей и оргиастических культов... Они требовали от римлян обязательного вступления в законный брак и столь же обязательного деторождения. Их постоянно издавали, редактировали, отменяли, принимали снова... Юристы ломали головы, сенат заседал, императоры подписывали указы... А нравственность в Риме тем временем неуклонно продолжала падать.

Впрочем, поначалу все было не так уж и плохо. Первые высочайшие указы, касавшийся личной жизни римлян, были, согласно античному историку Дионисию Галикарнасскому, объявлены основателем города Ромулом в устной форме, сексуальную свободу квиритов не ограничивали, а в каком-то смысле даже расширяли, но при этом и распущенности не поощряли. Поскольку обитатели окрестных земель не желали выдавать своих дочек замуж за «сброд из неимущих и подозрительных людей, не внушавших никому ни малейшего уважения», как называл сподвижников Ромула Плутарх (по мнению Дионисия, дело было в том,

что «римляне не сильны богатством и не проявили себя ни в каком славном подвиге»), «Ромул возымел замысел, к которому склонился и дед его Нумитор, — устроить взаимные браки всеобщим похищением девушек». После чего царь вынес свое предложение «на собрание старейшин». Старейшины идею с похищением одобрили, и в городе был устроен праздник, на который Ромул пригласил соседей из многочисленного племени сабинцев. Дионисий пишет:

«...Он отдал своим юношам приказ, как только сам подаст знак, хватать присутствующих на зрелище девушек, какая каждому из них попадется, и хранить их в ту ночь неприкосновенными, а на следующий день привести их к нему. И в самом деле, когда юноши, смешавшись со скопищем людей, увидели поданный знак, они бросились похищать девушек, а среди гостей тотчас же поднялось смятение и началось бегство, потому что те заподозрили еще большее зло. На следующий день девы были приведены к Ромулу, и тот смягчил их отчаяние, уверив, что похищение совершилось не для насилия, а ради брака. Объявив обычай эллинским, старинным и наиболее известным из всех способом, которым заключаются браки с женщинами, он потребовал возлюбить данных им судьбой мужей. И, насчитав после этого дев в количестве шестисот восьмидесяти трех, Ромул со своей стороны отобрал из неженатых равное им число мужчин и обручил их согласно обычаям страны каждой девушки, основав брак на совместном пользовании огнем и водой, как это делается вплоть до наших дней».

Таким образом, приказ о похищении девушек с сохранением их невинности и приказ о том, что невесты должны «возлюбить данных им судьбой мужей», стали первыми законодательными актами, регулирующими сексуальную жизнь квиритов. Интересно, что оба эти приказа, которые современному европейцу могут показаться несколько странными, были выполнены вполне буквально, причем второй — не менее успешно, чем первый. Когда сабинцы после долгих сборов в конце концов выставили объединенные силы и пошли войной на римлян, женщины уже не жаждали свободы и возвращения под отчий кров — они хотели остаться с любимыми мужьями. Правда, размышлениям о том, ко-

го они больше любят, мужей или родину, сабинские женщины предавались довольно долго, и война уже шла вовсю. Но в конце концов они отправились к своим бывшим соотечественникам с посольством, «чтобы таким образом действовать в пользу объединения народов в дружбе».

Договор о дружбе действительно был заключен, а сабинцы убедились, что не только римские жены, послушные приказу, «возлюбили мужей», но и мужья, по словам Плутарха, «относятся к женам с предупредительностью, любовью и полным уважением». Несмотря на такую победу любви, Ромул решил все-таки издать несколько законов о семье и нравственности. Квиритам было предписано относиться к женщинам почтительно, уступать им дорогу и беречь их стыдливость. Мужчинам запрещалось сквернословить и обнажаться в их присутствии. Плутарх пишет:

«Ромул издал также несколько законов, среди которых особо строгостью отличается один, возбраняющий жене оставлять мужа, но дающий право мужу прогнать жену, уличенную в отравительстве, подмене детей или прелюбодеянии. Если же кто разведется по какой-либо иной причине, того закон обязывает часть имущества отдать жене, а другую часть посвятить в дар Церере. А продавший жену должен быть принесен в жертву подземным богам».

Правда, тот же Плутарх пишет, что Ромул запретил привлекать женщин к суду по обвинению в убийстве, поэтому не вполне понятно, как мог муж прогнать жену, «уличенную в отравительстве». Дионисий же сообщает, что «Ромул не дал возможности мужу обвинять жену в том, что она изменяет». Поэтому реального повода к изгнанию провинившихся жен мужья не получили. Но и жены были поставлены в условия, в которых им было не слишком интересно доводить мужей до крайности: Дионисий пишет, что первый римский царь «не издал законов относительно возврата приданого, вообще не касаясь ничего в тому подобных делах», и тем самым побудил женщин «к благоразумию и полной благопристойности».

В качестве единственной формы брака Ромул ввел нерасторжимый брак — «конфарреацию», обряд которого освящался главным жрецом Юпитера (фламином) и сопровождался жертвоприношениями. Дионисий сообщает: «Этот

закон вынуждал замужних женщин жить, как бы не имея никакого другого выхода, не иначе как в браке, а мужьям — обладать женами как необходимой и неотчуждаемой собственностью».

Существовал лишь один повод к расторжению браконфарреации: в случае преступления жены, за которое семейный суд решал покарать ее смертью (например, за измену или за употребление спиртных напитков, что женщинам категорически возбранялось законодательством Ромула), перед казнью преступницы проводился обряд, разрывающий ее брачные узы. Вообще говоря, судить преступную жену и подвергнуть ее любой казни, вплоть до смертной, муж мог и самостоятельно. Но это считалось не вполне приличным, и обычно супругу приходилось созывать семейный суд — в первые века существования Рима государство предоставляло таким судам право самостоятельно разрешать любые внутрисемейные проблемы.

Хороши или плохи были законы Ромула, но, по словам Дионисия, «в течение пятисот двадцати лет в Риме не был расторгнут ни один брак». Это наводит на мысли, что все эти годы римские женщины либо не пили вина и не изменяли мужьям, либо делали это в строжайшей тайне. Единственная скандальная история, повествующая об адюльтере, связана со знаменитой Лукрецией, женой Тарквиния Коллатина, — об этом подробно пишет крупнейший историк Рима, Тит Ливий.

Секст Тарквиний, сын последнего римского царя, прельщенный не столько красотой, сколько «несомненной добродетелью» женщины, проник к ней в спальню с мечом в руке. «Видя, что Лукреция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устроить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де, мертвой, в постель он подбросит, прирезав, нагого раба — пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие». Лукреция уступила домогательствам царевича, но потом немедленно послала за отцом, мужем и ближайшими друзьями. Когда все они собрались в ее спальне, на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» — она ответила: «Как нельзя хуже. Что хорошего остается в женщи-

не с потерей целомудрия?» Авторам настоящей книги, вопреки знаменитой героине, хочется верить, что в Лукреции, как, и в других римских женщинах, помимо целомудрия, имелись и другие достоинства. Но сама жертва Тарквиния придерживалась другого мнения и была непреклонна. Она заявила: «...Себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни!» После чего пронзила себя ножом.

Видимо, это произвело на римлянок серьезное впечатление, и первые века существования Вечного города не были омрачены супружескими изменами жен, по крайней мере, авторам настоящей книги таковые не известны (что касается мужей, то их маленькие радости с рабынями и проститутками, естественно, в расчет не принимались). И даже первые два развода, всколыхнувшие римское общество в конце четвертого — начале третьего века до н.э., вопреки древнему законодательству Ромула, не были обусловлены ни прелюбодеянием, ни какой-либо иной провинностью жены.

Но тем не менее ранняя история города сохранила память о судебных разбирательствах, посвященных прелюбодеяниям. Только подсудимыми были не жены, а незамужние весталки.

Предание гласит, что культ Весты — богини семейного очага и жертвенного огня — был введен в Риме легендарным царем-мудрецом Нумой Помпилием. Он же воздвиг храм богини (круглый, что символизировало вселенную) и, по словам Плутарха, «поручил чистую и нетленную сущность огня заботам тела непорочного и незапятнанного, или, быть может, находил нечто общее между бесплодием пламени и девством». Но каковы бы ни были мотивы знаменитого царя, жрицы Весты должны были сохранять девственность все долгие годы своего служения.

«Царь назначил священным девам тридцатилетний срок целомудрия: первое десятилетие они учатся тому, что должны делать, второе — делают то, чему выучились, третье — сами учат других. По истечении этого срока им разрешено выходить замуж и жить, как вздумается, сложив с себя жрецеский сан. Не многие, однако, воспользовались этим правом, те же, что воспользовались, не были счастливы, но весь

остаток жизни мучились и раскаивались; пример их поверг остальных в суеверный ужас, и они до старости, до самой смерти твердо блюли обет девства».

Но блюли его тем не менее не все. Хуже всего приходилось тем, кто нарушал обет девственности в течение тридцатилетнего срока служения, а случалось это не так уж и редко. В весталки посвящали девочек из знатных семей в возрасте от шести до десяти лет, — таким образом, служение их прекращалось, когда им было под сорок. Возраст этот считался в Риме вполне пригодным для замужества, поскольку браки вдов, а позднее и разведенных женщин были приняты в любом возрасте. Например, женой Апулея (автора знаменитого «Золотого осла» и, кстати, состоятельного и красивого молодого человека) стала мать его друга, почтенная вдова, которой к тому времени было, по словам самого Апулея, «немногим более сорока лет». Таким образом, весталка, оставив службу, могла наслаждаться счастливым замужеством со всеми его плотскими радостями. Но для этого ей надо было пройти через долгие годы воздержания. А это, судя по сообщениям римских историков, удавалось далеко не всем. Поскольку считалось, что нарушение весталкой обета девственности может привести к самым трагическим последствиям для всего государства, ее преступление карали жесточайшим образом. Плутарх писал:

«...Потерявшую девство зарывают живьем в землю подле так называемых Коллинских ворот. Там, в пределах города, есть холм, сильно вытянутый в длину... В склоне холма устраивают подземное помещение небольших размеров с входом сверху; в нем ставят ложе с постелью, горящий светильник и скудный запас необходимых для поддержания жизни продуктов — хлеб, воду в кувшине, молоко, масло: римляне как бы желают снять с себя обвинение в том, что уморили голодом причастницу величайших таинств. Осужденную сажают на носилки, снаружи так тщательно закрытые и забранные ременными переплетами, что даже голос ее невозможно услышать, и несут через форум. Все молча расступаются и следуют за носилками — не произнося ни звука, в глубочайшем унынии. Нет зрелища ужаснее, нет дня, который был бы для Рима мрачнее этого. Наконец

носилки у цели. Служители распускают ремни, и глава жрецов, тайно сотворив какие-то молитвы и простерши перед страшным деянием руки к богам, выводит закутанную с головой женщину и ставит ее на лестницу, ведущую в подземный покой, а сам вместе с остальными жрецами обращается вспять. Когда осужденная сойдет вниз, лестницу поднимают и вход заваливают, засыпая яму землей до тех пор, пока поверхность холма окончательно не выровняется. Так карают нарушительницу священного девства».

Но даже угроза такой страшной казни не могла удержать некоторых весталок от нарушения обета. Тит Ливий сообщает, что в первой половине пятого века до н.э. Рим сотрясали войны и гражданские усобицы, к которым прибавились и неблагоприятные небесные знамения. «...Прорицатели, гадая то по внутренностям животных, то по полету птиц, возвещали государству и частным лицам, что единственная причина такого беспокойства богов — нарушение порядка в священнодействиях. Страхи эти разрешились тем, что весталку Оппию осудили за блуд и казнили».

В 420 году до н.э. такое же обвинение было выдвинуто против весталки Постумии, «сильное подозрение против которой внушили изысканность нарядов и слишком независимый для девушки нрав». Жрица была оправдана, однако «получила от великого понтифика предписание воздерживаться от развлечений, выглядеть не миловидной, но благочестивой». Избавилась ли Постумия от миловидности, не известно, но ее коллеги не сделали должных выводов, и в 337 году до н.э. весталка Минуция была осуждена и казнена, — все началось с того, что она вызвала подозрение «своим неподобающим шегольством».

В 217 году до н.э., когда Рим терпел поражение за поражением от Карфагена и Ганнибал стоял уже почти под стенами Вечного города, римляне вновь были напуганы страшными предзнаменованиями, и виновные были найдены. На этот раз их оказалось сразу несколько (у разных авторов цифра разнится). Плутарх пишет: «...Три весталки — Эмилия, Лициния и Марция — были соvrашены и долгое время находились в преступном союзе с мужчинами... Весталки были изобличены и казнены...»

Впрочем, к этому времени римские нравы уже не отличались прежней суровостью и грешили не только весталки. Традиционный брак-конфарреация, в котором жена полностью находилась под властью мужа, понемногу сменялся более либеральными формами, в одной из которых (брак «sine manu») жена вообще не подчинялась мужу, а оставалась под властью отца или опекуна. Семейные суды тоже потеряли былое влияние, и теперь наказание преступных жен взяло на себя государство. Как правило, смерть за измену им уже не грозила.

Тит Ливий сообщает, что в начале третьего века до н.э. суд оштрафовал «нескольких матрон, обвиненных перед народом в прелюбодеянии». Интересно, что взысканные средства были употреблены «на постройку храма Венеры», что говорит как о своеобразном чувстве юмора у римских магистратов, так и о значимости материальных потерь, которые пришлось понести матронам на фронтах незаконной любви.

Передача штрафных денег для храма Венеры вызывает тем большее удивление, что в Риме существовало святилище, напрямую относящееся к женской нравственности, — святилище «Скромности Патрицианской», где добродетельные патрицианки могли справлять свои обряды. А в тот самый год, когда распутные римлянки были оштрафованы в пользу Венеры, обнаружилась явственная нужда в строительстве второго святилища Скромности, но для плебеек. Дело в том, что плебейским женщинам, сколь бы добродетельны они ни были, вход в святилище «Скромности Патрицианской» возбранялся. И однажды матроны не допустили к обрядам некую Вергинию, поскольку она, будучи патрицианкой, вышла замуж за плебея. Возмущенная Вергиния, нимало не смущаясь тем, что находится в храме Скромности, в процессе «яростного противоборства» заявила, что она вошла сюда «и как патрицианка, и как скромница, и как жена единственного мужа, за которого ее выдали девицею». После чего организовала у себя дома собственный храм. Созвав замужних плебеек, Вергиния объявила: «Этот алтарь я посвящаю Плебейской Скромности и призываю вас, матроны, так же состязаться меж собою в скромности, как му-

жи нашего государства — в долблести; постарайтесь же, если это возможно, чтобы этот алтарь славился перед тем и святостью большею, и почитательницами чистейшими».

Ливий сообщает, что поначалу «алтарь этот чтился почти по тому же чину, что и первый, более древний: только матрона, признанная безупречно скромной и единобрачной, имела право приносить на нем жертвы. Но потом нечестивые служители сделали это богослужение общедоступным, причем не только для матрон, но для женщин всякого звания, и наконец оно пришло в упадок».

Впрочем, в упадок пришли не только храмы, посвященные Скромности. Сама скромность римских женщин тоже постепенно приходила в упадок. Ливий сообщает, что в дни войны с Ганнибалом, в первой половине третьего века до н.э., римским магистратам вновь пришлось принимать меры против женщин, обвиненных в разврате. Но если раньше матроны отделялись штрафами, то теперь их осудили на ссылку.

Впрочем, так или иначе, наказания матрон за измену были по законам того времени достаточно невелики (с точки зрения самих римлян), поэтому тех, кого обвиняли в адюльтере, иногда заодно обвиняли и в покушении на отравление мужа. Квинтилиан в своем учебнике ораторского искусства приводит слова Катона, который утверждал, что «каждая изменница готова стать и отравительницей».

Квинтилиан, к сожалению, не уточняет, какого именно Катона он имел в виду. Но заметим попутно, что знаменитый Марк Порций Катон Старший, вошедший в историю под прозвищем Цензор, хотя и прославился борьбой за чистоту нравов, подрабатывал на ниве продажной любви, за деньги разрешая своим рабам сходить с его же рабынями. Что, впрочем, не мешало ему с ораторской трибуны обличать своих сограждан, уверяя, «что городу потребно великое очищение», и изгнать из сената некоего Манилия за то, «что тот среди бела дня, в присутствии дочери, поцеловал жену». Сам же Катон, по его словам, донесенным до нас Плутархом, «лишь во время сильной грозы позволял жене обнимать его». Видимо, грозы были редки в Италии, потому что от двух жен Катон имел всего лишь двоих детей.

Но другие современницы Катона Старшего, несмотря на его цензорскую деятельность, уже не могли похвастаться старинной чистотой нравов. В 186 году до н.э. были подвергнуты суровому наказанию римлянки, которые, по сообщению Валерия Максима (труд которого «Изречения и дела достопамятные» зачастую приходится цитировать в переводе восемнадцатого века — за неимением полного современного), «во время отправления торжества Бахусова недозволенное смешение имели». Максим пишет, что консулы провели расследование и изобличили многочисленных преступниц, после чего «оня в домах своих от своих же кровных наказаны были: и распространившееся безобразие мерзости строгостью казни исправлено было». Максим с удовлетворением сообщает: «...Сколько стыда те непотребные женщины нашему гражданству причинили, столько похвалы женским своим наказанием принесли оному».

Максим умалчивает о том, какая именно казнь была назначена преступницам и в чем конкретно заключалось «недозволенное смешение». Значительно подробнее эту историю описывает Ливий. Он сообщает о том, что в роще Стимулы, которую римляне отождествляли с Семелой, матерью Вакха, посвященные справляли вакхические таинства.

«Сперва в эти таинства были посвящены лишь немногие, но затем, наряду с мужчинами, к ним были допущены женщины, а чтобы привлечь еще больше желающих, обряды стали сопровождать хмельными застольями. После того, как вино подогрело страсти, а ночное смешение женщин с мужчинами и подростков со взрослыми окончательно подавило чувство стыдливости, стал набирать силу всевозможный разврат, ибо каждый имел под рукой возможность удовлетворить тот порок, к которому больше всего склонялся».

Посвященные хранили свои секреты, и правда о вакханалиях стала известна должностным лицам достаточно случайно. Теперь уже трудно с уверенностью сказать, что именно происходило в злополучной роще Стимулы. Перепуганные консулы при первых же сведениях о творящихся у них под боком оргиях расставили по городу караулы и созвали народное собрание. Сенат в спешке принял ряд по-

становлений, пообещав награду каждому, «кто сумеет схватить и привести к ним хотя бы одного заговорщика, или, по крайней мере, сообщит его имя». Доносчики спешили оговорить друг друга. По городу прокатилась волна самоубийств. Запуганные свидетели и соучастники сообщали властям все более живописные картины разврата, творившегося под эгидой божества. Выяснилось, что обряды, которые было положено справлять три дня в году, справляются «пять раз в течение месяца», что во время оргий «нет недостатка ни в каких пороках и гнусностях», что «больше мерзостей мужчины творят с мужчинами, нежели с женщинами», что «тех, кто противится насилию или уклоняется от насилия над другими, закаляют как жертвенных животных». Более того, «последние два года стало правилом, чтобы в таинства посвящали лиц моложе двадцати лет, ибо таких легче увлечь на путь разврата и преступлений».

Рим был залит кровью. «Женщин, осужденных на смерть, передавали их родственникам или опекунам, чтобы те казнили их приватно; если же не находилось подходящего исполнителя казни, то их казнили публично».

«Затем консулам было поручено уничтожить капища Вакха сначала в Риме, а потом и всюду в Италии, за исключением тех, где имелся старинный алтарь или культовая статуя этого божества. Наконец, был принят сенатский указ, запрещающий впредь отправлять таинства Вакха где-либо в Риме или в Италии. Кто считает для себя этот культ обязательным и не может от него отречься, не совершив святотатственного греха, тот должен заявить об этом городскому претору, который, в свою очередь, обязан поставить в известность сенат...»

Что же касается главной осведомительницы, по навету которой и начался этот процесс, то ей выплатили большое денежное вознаграждение и предоставили целый ряд дополнительных прав, которые ей, как вольноотпущеннице и куртизанке, не полагались. В частности, ее, несмотря на то что она промышляла своим телом, объявляли честной женщиной и предлагали ей «выйти замуж за человека свободнорожденного, без ущерба репутации и бесчестия для него».

Таинства в роще Стимулы были разгромлены в том числе и за то, что там имели место гомосексуальные связи. Консул Спурий Постумий Альбин в своей речи перед народом яростно обличал юношей — участников оргий: «Им ли, прошедшим школу разврата, вы захотите доверить оружие? Неужели, покрытые своим и чужим позором, на поле брани они будут отстаивать честь ваших жен и детей?»

Римляне относились к гомосексуализму отнюдь не так демократично, как греки. Еще со времен Второй Пунической войны квиристы запомнили знаменитый процесс по обвинению в одной лишь попытке мужеложства. История эта так на шумела в Риме, что закон по охране нравственности с тех пор называли по имени одного из ее участников — закон Скантиния (или, иногда, Скатиния). Правда, вина народного трибуна Гая Скантиния Капитолина была доказана, мягко говоря, странным образом.

Плутарх пишет, как некто Марк Клавдий Марцелл узнал от своего сына, «мальчика поразительной красоты, славившегося в Риме и своей наружностью и, не в меньшей мере, скромностью и хорошим воспитанием», что Скантиний Капитолин «сделал ему грязное предложение». Мальчик «сначала сам ответил отказом, а когда Капитолин повторил свое предложение, открыл все отцу, и Марцелл в негодовании обратился с жалобой в сенат». Дальнейший ход событий, по крайней мере в изложении Плутарха, выглядит несколько странно. Дело, несмотря на отсутствие свидетелей (да, собственно, и отсутствие самого грехопадения), было принято в производство, и бедному Капитолину пришлось защищаться, хотя презумпция невиновности была прекрасно известна римскому праву. Плутарх сообщает: «Перепробовав множество всяческих уверток и отписок, Капитолин апеллировал к народным трибунам, но те не приняли его апелляцию, и тогда он прибегнул к отрицанию обвинения в целом. А так как разговор его с младшим Марцеллом происходил без свидетелей, сенат решил вызвать самого мальчика. Видя его смущение, слезы и смешанный с неподдельным гневом стыд, сенаторы, не требуя никаких иных доказательств, признали Капитолина виновным и присудили его к денежному штрафу; на эти деньги

Марцелл заказал серебряные сосуды для возлияний и посвятил их богам»...

Впрочем, нельзя исключить, что бедный Скантиний пострадал, поскольку отец «потерпевшего» был курульным эдилом — одним из высших должностных лиц государства.

Эту же историю рассказывает и Валерий Максим. Ко времени его жизни (первый век н.э.) знаменитая попытка соблазнения сына эдила стала уже достаточно далекой древностью, и автор, нимало не смущаясь, сообщает, что Гай Скантиний Капитолин склонил к разврату не чужого, а «своего сына» (впрочем, это могло быть и ошибкой переписчиков). Но так или иначе, Максим тоже пишет, что «вызванный в качестве ответчика, Скантиний был обвинен на основе единственного свидетельства соблазненного». Свидетельство же это заключалось в том, что «юноша, приведенный к роstrам, упорно молчал, потупив взор в землю, но этим стыдливым молчанием он убедил большинство в виновности Скантиния».

Значительно более печальной оказалась судьба двух других обвиненных в мужеложстве римлян, о которых пишет тот же Валерий Максим. Один из них, центурион Гай Корнелий, был арестован за то, что «со свободнорожденным юношей имел развратную связь». Гай самого факта прелюбодения не отрицал, но уверял, что его вины здесь нет, ибо его любовник «открыто и не таясь промышлял своим телом». Обвиняемый был уважаемым человеком, имевшим четыре награды от полководцев-императоров, но плебейские трибуны, к которым он пытался апеллировать, не приняли во внимание заслуги воина, и он умер в тюрьме, не дождавшись завершения дела. Что, с точки зрения добродетельного Валерия Максима, было правильно, поскольку не должно государство «позволять храбрым мужам стяжать домашние утехы внешними опасностями».

Столь же печально окончил свою жизнь и центурион Марк Леторий Мерг — его не спасло даже звание военного трибуна. Марк Леторий был обвинен «в домогательстве в отношении к подчиненному солдату». Гордый римлянин «не стерпел огласки своего дела и прежде времени суда сам наказал себя сначала бегством, а затем и смертью»,

после чего был посмертно «признан виновным в порочном преступлении решением всего плебса». Об этом нарушителе нравственности строгий Максим тоже пишет без сочувствия, «ибо тот, кто достоинства должен был быть примером, оказался благочестия осквернителем».

К самому концу второго века до н. э. относится и сообщенная Валерием Максимом история о том, как цензор Фабий Максим Сервилиан наказал своего сына за то, что он «в рассуждении своей чистоты был сумнителен». В каком именно грехе обвинял сына суровый цензор, историк не сообщает. Он пишет лишь о наказании, постигшем юношу, — тот должен был «добровольно удаляясь, лишаться взора своего родителя». Но от других авторов мы знаем, что ссылкой дело не ограничилось, — в конце концов Фабий воспользовался правом отцовской власти и казнил сына за аморальную жизнь. Впрочем, римляне сочли такую строгость чрезмерной и привлекли не в меру ретивого цензора к ответственности. Он в свою очередь был осужден и отправлен в изгнание.

А «Скантиниев закон» продолжал действовать и ломать судьбы. Позднее римские юристы научились бойко пользоваться им в качестве подсобного средства при любых других обвинениях, потому что, даже если мужеложство и не было доказано, на обвиняемого так или иначе ложилось пятно, что склоняло чашу весов Фемиды не в его пользу...

Марк Целий Руф, политик и народный трибун, сообщает в своем письме Цицерону о событиях, случившихся в те дни, когда он устраивал игры для народа: «Наглейшие люди в разгар цирковых представлений, моих представлений, стараются привлечь меня на основании Скантиниева закона. Едва Пола вымолвил это, как я привлек цензора Аппия на основании того же закона. Ничего более удачного я не видел; ибо это было так одобрено народом, и не только низшими слоями, что молва причинила Аппию более сильную скорбь, чем привлечение к суду».

Впрочем, мужеложство само по себе римляне отнюдь не считали преступлением. Гордые квириты лишь считали унижительной пассивную роль в этом деле. А потому и человек, который силой, посулами или любовью побуждал

к ней римского гражданина, был преступником. Но вступать в половые связи с рабами или любыми неполноправными людьми можно было без всякого стеснения. По словам Сенеки-старшего, отца знаменитого философа, для свободного мужчины пассивная роль — позор, для вольноотпущенника — добровольная моральная обязанность по отношению к патрону, а для раба — безусловный долг перед господином.

Валерий Максим описывает случай, когда некий Каллидий Бононец, «пойман будучи ночью от некоторого мужа в его спальне, должен был по сему случаю в суде в прелюбодеей оправдаться». Злополучного Каллидия обвиняли отнюдь не в мужеложстве, а в том, что он проник в супружескую спальню в попытке соблазнить чужую жену. Подозрению способствовали как репутация самой жены, так почему-то и молодость Каллидия. Однако юноша не растерялся и построил свою защиту на том, что пробрался в дом из любви к одному из служащих там мальчиков. Таковая любовь под статью не попадала; судьи поверили Каллидию, и «признание безрассудного поступка в рассуждении любви к мальчику его оправдало».

Дозволяя однополые связи, римляне, в отличие от греков, никогда не считали их способствующими гражданской доблести и не придавали им педагогического значения. Сам же римлянин должен был, во всяком случае, выступать в однополом союзе в активной роли. Гай Юлий Цезарь в ранней юности совершил промах, став пассивным любовником вифинского царя Никомеда, — римляне попрекали его этим и насмехались над владыкой мира до самой его смерти.

Биограф первых императоров Светоний писал о Цезаре: «На целомудрии его единственным пятном было сожительство с Никомедом, но это был позор тяжкий и несмываемый, навлекавший на него всеобщее поношение». Лициний Кальва сочинял о Гае Юлии издевательские стихи, Долабелла в своих речах называл его «царевой подстилкой» и «царицыным разлучником», а Курион-старший — «злачным местом Никомеда» и «вифинским блудилищем». Бибул, избранный консулом вместе с Цезарем, в своих эдиктах обзывал коллегу «вифинской царицей». Цицерон в письмах

подробно рассказывал, как царские служители отвели Цезаря в опочивальню, как он в пурпурном одеянии возлег на золотом ложе и как «растлен был в Вифинии цвет юности этого потомка Венеры». Во время галльского триумфа воины Цезаря, шагая за колесницей, среди других насмешливых песен о триумфаторе (такая вольность предписывалась обычаем) пели:

Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию, —
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря.

Впрочем, гетеросексуальные подвиги своего полководца солдаты тоже не обошли вниманием:

Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии.

Это слегка исправляло подпорченную Никомедом репутацию императора. Гай Юлий действительно славился бесчисленными связями с женщинами, в том числе знатными римлянками. Курион-старший в одной из речей называл его «мужем всех жен и женою всех мужей». Светоний писал, что у народного трибуна Гельвия Цинны был написан и подготовлен законопроект, который Цезарь приказал провести в его отсутствие: «по этому закону Цезарю позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников» — неслыханное новшество в государстве, где брак всегда был строго моногамным. Пожалуй, еще столетие назад человек с такой репутацией не мог сделать в Риме политическую карьеру. Но к этому времени — середине первого века до н.э. — нравы в Риме уже радикально отличались от аскетических обычаев древности.

Показательна в этом смысле речь Цицерона, произнесенная в 56 году до н.э. в защиту Марка Целия Руфа — того самого, который позднее писал Марку Туллию о своих проблемах со Скантиниевым законом. Пока что у Марка Целия были другие неприятности: его обвиняли в мятеже, в избие-

нии приехавших из Александрии послов, в попытке отравить главу посольства, в подкупе рабов с помощью золота, взятого у скандально известной римлянки Клодии (сестры знаменитого народного трибуна), и, наконец, в попытке отравить и саму Клодию. По-видимому, такого букета обвинений врагам Марка Целия показалось мало, так как они присовокупили к ним и нравственные характеристики, нарисовав перед судьями облик аморального юноши, склонного к греховным, с их точки зрения, наслаждениям.

Цицерон не стал спорить с обвинителями о том, совершал ли его друг и ученик те преступления против нравственности, в которых его обвиняли, или нет. Он поставил вопрос иначе: можно ли в нынешнее просвещенное время считать аморальными те скромные радости, которым предавался Марк Целий? Единственное обвинение, которое Цицерон посчитал серьезным (речь идет о преступлениях против нравственности, а не об отравлении послов), — это обвинение в мужеложстве. Но адвокат отвергает его с негодованием: «Ведь насколько юный возраст Марка Целия мог дать повод для подобных подозрений, настолько же он был огражден и его собственным чувством чести, и заботливым отцовским воспитанием». Что же касается всего остального, Цицерон не считает, что поведение Марка Целия чем-либо отличалось от общепринятого и дозволенного:

«Ведь этому возрасту с всеобщего согласия позволяются кое-какие любовные забавы, и сама природа щедро наделяет молодость страстями. Если они вырываются наружу, не губя ничьей жизни, не разоряя чужого дома, их обычно считают допустимыми и терпимыми... Но если кто-нибудь думает, что юношеству запрещены также и любовные ласки продажных женщин, то он, конечно, человек очень строгих нравов — не могу этого отрицать — и при этом далек не только от вольностей нынешнего века, но даже от обычаев наших предков и от того, что было дозволено в их время. И в самом деле, когда же этого не было? Когда это осуждалось, когда не допускалось, когда, наконец, существовало положение, чтобы не было разрешено то, что разрешено?»

Цицерон не обходит вниманием и конкретных женщин, с которыми имел дело его подзащитный, бросая камень

в огород его бывшей любовницы Клодии (она же воспетая Катуллом «Лесбия»), в отравлении которой он теперь подзревался:

«Если какая-нибудь незамужняя женщина откроет свой дом для страстных вожделений любого мужчины и у всех на глазах станет вести распутную жизнь, если она привыкнет посещать пиры совершенно посторонних для нее мужчин, если она так будет поступать в Риме, в загородных садах, (...) если это, наконец, будет проявляться не только в ее поведении, но и в ее наряде и в выборе ею спутников, не только в блеске ее глаз и в вольности ее беседы, но также и в объятиях и поцелуях, в пребывании на морском берегу, в участии в морских прогулках и пирах, так что она будет казаться, не говорю уже — распутницей, но даже распутницей наглой и бесстыдной, то что подумаешь ты (...) о каком-нибудь молодом человеке, если он когда-нибудь проведет время вместе с ней?»

Цицерон увлеченно живописует пороки злополучной Клодии: она «всем отдавалась», в ее дом «с полным основанием стремились все развратники», «она даже содержала юношей», «как вдова она жила свободно, держала себя бесстыдно и вызывающе», «будучи развращенной, вела себя как продажная женщина». «Неужели я мог бы признать развратником человека, который при встрече приветствовал бы ее несколько вольно?» — восклицает оратор.

Увлеченный Цицерон дошел до того, что связал моральный, а точнее, аморальный облик Клодии с известным римским магистратом Аппием Клавдием Слепым, жившим на три сотни лет раньше и не имевшим к матроне никакого отношения. От его имени он вопрошает Клодию: «Для того ли расстроил я заключение мира с Пирром, чтобы ты изо дня в день заключала союзы позорнейшей любви? Для того ли провел я воду, чтобы ты пользовалась ею в своем разврате? Для того ли проложил я дорогу, чтобы ты разъезжала по ней в сопровождении посторонних мужчин?»

Обрисованное Цицероном поведение Клодии было в те времена уже достаточно типичным, но еще недостаточно привычным для людей старой закалки. Человек, покусившийся на такую женщину, не мог считаться коварным рас-

лителем невинных матрон. Нравственный облик подзащитного был спасен, после чего никто уже не хотел ставить ему в вину ни мятеж, ни покушение на посла, ни тем более покушение на самую злосчастную Клодию. И Марк Целий был полностью оправдан.

С точки зрения наших сегодняшних представлений о юриспруденции вопрос о том, отравил Марк Целий посла или нет, не столь тесно связан с тем, пользовалась ли его бывшая любовница «в своем разврате» водой, проведенной в город тремястами годами ранее. Но вольные нравы своей эпохи Марк Туллий обрисовал достаточно точно.

В середине второго века до н.э. римляне окончательно покорили балканскую Грецию. Еще век спустя границы Римской державы расширились на восток до Евфрата. Завоеватели мира в свою очередь были завоеваны роскошью и изнеженными нравами Востока. Измены не только мужей, но и жен стали делом обычным. Обычным делом стали и разводы. Теперь одному из супругов достаточно было произнести традиционную формулу развода (муж говорил: «Возьми с собой твои вещи», а жена: «Имей у себя твои вещи»), и брак считался расторгнутым. Жене, собиравшейся на встречу с любовником, достаточно было объявить мужу о разводе, чтобы избежать судебного преследования за прелюбодеяние. А по возвращении домой можно было столь же легко брак восстановить.

Холостяцкая жизнь римлянам была невыгодна — в государстве существовали законы, предписывающие гражданам обязательное супружество, а к уклонявшимся от семейной жизни применяли экономические санкции. Еще в 403 году до н.э. цензоры Камилл и Постумий, по сообщению Валерия Максима, «известную сумму денег в наказание таких, которые до старости прожили холостыми, платить принуждали». Причем цензоры объясняли свою позицию следующим образом: «Естество вам закон предписывает, как рождаться, так и рождаться... К тому же вы по состоянию своему имели времени довольно сей долг исправить. Но вы между тем лета свои истощили, не имея имени супругов и родителей. Итак, подите, платите крепко хранимые вами деньги...»

Но далеко не все римляне, несмотря на увещевания цензоров, хотели вступать в брак. В конце второго века до нашей эры цензор Квинт Метелл принял очередной закон против холостяков. В ответ народный трибун Гай Атиний Лабен приказал сбросить цензора со скалы (впрочем, у него имелись к Метеллу и более серьезные претензии). Граждане цензора отстояли, однако закон его исполняли вяло, и в конце первого века до нашей эры императору Августу пришлось этот закон реанимировать и дополнить. По указанию императора все римские мужчины, кроме солдат, должны были состоять в браке с 25 до 60 лет, а женщины — с 20 до 50 лет. Но император не учел коварства холостяков и, не подумав, приравнял сговор к законному браку. Тогда холостяки стали обручаться с маленькими девочками и получали желанную свободу на много лет вперед. В ответ император издал закон, которым запрещал сговор с невестой моложе десяти лет. А срок между сговором и браком ограничил двумя годами.

Разведенные римляне по требованию Августа должны были вступить в новый брак в течение восемнадцати месяцев. Для вдов и вдовцов этот срок увеличивался, но и они обязаны были обрести новое счастье в течение двух лет после смерти предыдущего супруга. Положение вдов при этом оказывалось весьма щепетильным, ведь для них существовал и другой закон, а именно: не выходить замуж в течение десяти месяцев со дня смерти мужа. Таким образом, на устройство новой семейной жизни вдовам отводилось чуть больше года. Для законопослушных граждан предусматривались различные льготы, а тех, кто закона не исполнял, ограничивали в праве принимать наследство по завещанию.

Регулировал император Август и количество детей в семьях. Гражданам предписывалось иметь их не менее трех, а вольноотпущенникам — не менее четырех. Впрочем, для мужчин делались послабления, и они могли обойтись одним ребенком. Но к женщинам требования применялись по полной программе, и они, не нарожав необходимого количества детей, не могли получить более половины завещанного им имущества.

Римляне в браки вступали, детей рожали, но с вмешательством магистратов и императоров в свою личную жизнь тем не менее боролись. В итоге при Константине, в первой половине четвертого века, эти законы стали понемногу упразднять, а Юстиниан I, правивший в середине шестого века, окончательно отменил их.

Но, требуя от своих граждан обязательного вступления в брак, римские магистраты далеко не всем парам это разрешали. Так, в древности в Риме существовал закон, запрещающий браки между патрициями и плебеями. Правда, его при большом желании можно было обойти, потому что существовал и другой закон, согласно которому, если некое движимое имущество в течение года находилось в чьем-либо фактическом пользовании, оно становилось его собственностью. К этому и прибегали пары, относившиеся к разным сословиям. Женщине достаточно было в течение года находиться «в пользовании» у своего жениха (жить в его доме), чтобы она становилась его неотчуждаемой собственностью. А сам факт того, что жена является «собственностью» и «движимым имуществом», у римлян никакого сомнения не вызывал.

Впрочем, в 445 году до н.э. закон, ограничивающий браки плебеев и патрициев, отменили. Но на рубеже эр был принят так называемый «закон Юлия и Папия-Поппея». По нему лицам высших сословий запрещалось жениться на вольноотпущенницах, а остальным римским гражданам — на женщинах с дурной репутацией. Таким образом, женщина, уличенная в проституции, навсегда лишалась права на семейную жизнь.

Кроме того, вплоть до второй половины третьего века н.э. римским солдатам вообще было запрещено вступать в брак с кем бы то ни было. Сотни тысяч мужчин сидели по гарнизонам, разбросанным от Гибралтара до Евфрата и от Нильских порогов до нынешней Шотландии, не имея возможности обзавестись семьей. Правда, они нередко заводили сожительниц из числа местных уроженок или рабынь, и командование смотрело на это сквозь пальцы. Однако вступать в законные браки и жить с семьями за пределами военного лагеря солдатам разрешили только императоры династии Северов.

Мы уже упомянули законы Августа, направленные на умножение браков. Но он же издал и законы, направленные на их укрепление, например слегка усложнил процедуру развода. Теперь формулы развода, брошенной друг другу в лицо во время ссоры, было недостаточно. Для того чтобы разорвать брачные узы, по законодательству Августа надо было созвать семерых свидетелей и написать разводное письмо. Впрочем, сделать это можно было и в отсутствие второго супруга, причем брак считался расторгнутым в момент подписания письма, и, если отвергнутый супруг был в отъезде, он мог еще некоторое время не знать о том, что уже не связан брачными узами.

Кроме того, Август ввел ответственность не только для жен-прелюбодеек (она существовала и ранее), но и для мужей, которые закрывали глаза на их измены. Муж обязан был развестись с преступной женой, и она лишалась права на повторный брак с кем бы то ни было.

Запретил император и любые внебрачные связи — от наказания освобождались только зарегистрированные проститутки и их клиенты. Однако борец за нравственность не учел свободолюбия (или любвеобильности) римских женщин. Матроны стали массово записываться в проститутки, дабы под видом исполнения профессиональных обязанностей предаваться свободной любви. Немного позднее, уже в правление Тиберия, в Риме разразился страшный скандал, когда проституткой объявила себя Вистилия, дочь претора и жена высокопоставленного мужа, занимавшего в разное время должности претора и наместника Нарбоннской Галлии. Позиция Вистилии была неузвима, а действия абсолютно законны, поскольку проститутки в Риме не карались, а только регистрировались. Тацит писал, что «достаточной карою для продажных женщин почиталось их собственное признание в своем позоре». Но в имперские времена нравы римлян уже были таковы, что никакого позора Вистилия не ощущала. Правда, жениться на проститутках было нельзя, но Вистилия избрала себе профессию уже после выхода замуж. Возмущенный сенат решил исправить ситуацию и специальным постановлением запретил заниматься проституцией женщинам, происходившим из сословия всадни-

ков. Применительно к Вистилии, закон был издан задним числом, и она, во всяком случае, не подлежала наказанию, но это не остановило разгневанных сенаторов. Они издали еще одно постановление, специально по ее поводу, и незадачливую проститутку сослали на остров Сериф.

Император Тиберий, наследник Августа, продолжил законодательные инициативы своего предшественника по улучшению нравов. Светоний пишет: «Развратных матрон, на которых не находилось общественного обвинителя, он велел по обычаю предков судить близким родственникам. Римского всадника, который дал когда-то клятву никогда не разводиться с женой, а потом застал ее в прелюбодеянии с зятем, он освободил от клятвы». Кроме того, Тиберий запретил целый ряд чужеземных восточных культов, служители которых подозревались в сексуальных излишествах. Об этом, а также о «позорных поступках жрецов храма Исиды» подробно пишет Иосиф Флавий.

В годы правления Тиберия в Риме жила некая знатная матрона, по имени Паулина, которая «вела образцовый образ жизни». Паулина была замужем за неким Сатурнином, «который был так же порядочен, как и она». Но на горе как самой супружеской пары, так и последователей восточных культов в эту женщину влюбился некий Деций Мунд. Зная о прославленной добродетели матроны, он не стал мелочиться и сразу предложил своей возлюбленной 200 000 аттических драхм — чуть меньше тонны серебра. Однако Паулина, то ли ввиду своей добродетели, то ли опасаясь законов о нравственности, «не склонилась и на такое щедрое вознаграждение».

Тогда Деций, «не будучи далее в силах переносить муки неудовлетворенной любви», решил уморить себя голодом. «Решив это, он не откладывал исполнения этого решения в долгий ящик и сейчас же приступил к нему», но судьба юноши вызвала сочувствие у вольноотпущенницы его отца, некой Иды, которую несправедливый Флавий аттестовал как «женщину, способную на всякие гнусности». Зная, что Паулина была последовательницей культа Исиды, Ида подкупила жрецов, и те, «побужденные громадностью суммы, обещали свое содействие». Старший из них объявил на-

ивной римлянке, что явился к ней в качестве посланца от самого бога Анубиса, «который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе». Паулина, как и надлежит добродетельной жене, сообщила мужу, «что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе». Как это ни удивительно, но муж оказался столь же наивен в вопросах культа и «не воспротивился этому, зная скромность жены своей».

Паулина отправилась в храм, и все дальнейшее нетрудно предугадать. Поутру богомольная матрона вернулась к мужу и «рассказала ему о том, как к ней явился Анубис и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог». Домочадцы, включая и мужа, были немало удивлены высочайшим вниманием, которого удостоилась простая, хотя и достойная матрона, но не могли усомниться в ее правдивости, «тем более что знали целомудрие и порядочность Паулины». И история Рима могла бы украситься еще одним чудом, а храм Исиды приобрести многочисленных новых почитателей, но произошло непоправимое: Деций Мунд не удержался и сообщил зазнавшейся матроне, чьи именно ласки она вкушала на божеском ложе. После чего Паулина «разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление».

Прозревший муж, утративший веру в Исиду, но не в правосудие, кинулся к императору. Гнев Тиберия превзошел все ожидания. «Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиберий приговорил к пригвождению к кресту их и Иду, которая была виновницею всего этого преступления, совершенного столь гнусно над женщиною. Затем он велел разрушить храм Исиды, а изображение богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию, полагая, что наказал его таким образом достаточно за его любовное увлечение».

Законодатели изводили восковые таблички и папирус, карали неверных жен, ограничивали проституцию и искореняли восточные культы, но нравы, несмотря на все их старания, продолжали падать. Римлянки, которые теперь лишились права и на свободную любовь, и на проституцию,

и на храмовые радости, стали массово разводиться и вступать в повторные браки, дабы этим удовлетворить зов плоти и стремление к новизне. Сатирик Марциал сообщает о некой Телесине, которая «пошла замуж в десятый уж раз». Он пишет: «Меньше б я был возмущен, будь она шлюхой, как есть». Но быть просто «шлюхой» законопослушная Телесина уже не имела права.

Сенека писал в середине первого века н.э.: «...женщины из благородных и знатных семейств считают годы не по числу консулов, а по числу мужей. Они разводятся, чтобы выйти замуж, и выходят замуж, чтобы развестись».

Впрочем, не все женщины были так законопослушны. Знаменитая Мессалина, жена императора Клавдия, в свободное от протокольных обязанностей императрицы время подрабатывала проституткой, посещая притоны. Ее муж тоже не ограничивался собственно императорской деятельностью — он по совместительству был цензором и надзирал за чистотой римских нравов. Но это не мешало счастливой супружеской жизни венценосной пары до тех пор, пока Мессалина в отсутствие мужа не развелась с императором и не вышла замуж за своего очередного любовника Гая Силия...

Мессалина плохо кончила: ее обвинили в заговоре и попытке свержения власти. На процессе римляне неожиданно вспомнили, что императрица им досталась не самая высоконравственная, и заодно привлекли к ответственности ее многочисленных любовников и их пособников. В числе последних выступали префект пожарной части и начальник императорской гладиаторской школы, что говорило как о немалом размахе, так и крайнем демократизме высокопоставленной матроны. Впрочем, до конца процесса она не дождала — ее закололи до того, как она начала давать показания.

Поскольку речь зашла об императоре Клавдии, нельзя не упомянуть один запрет, который был смягчен в его правление. Раньше римская традиция и законодательство запрещали браки между близкими родственниками, в том числе между дядями и племянницами. Считалось, что за инцест боги могут покарать народ голодом, поэтому если уж беззаконие свершалось, то древний римский закон, восходя-

ший к середине седьмого века до н.э., к легендарному царю Туллу Гостилию, предписывал принести искупительную жертву богине плодородия. Но после развода с Мессалиной и ее казни Клавдий полюбил Агриппину, дочь своего брата Германика. Внебрачную связь с племянницей народ, утомленный бесчинствами Калигулы, насилувавшего чужих жен и жившего с тремя своими родными сестрами, может быть, Клавдию и простил бы. Но Агриппина хотела замуж. Она к этому времени успела дважды овдоветь, репутация ее была небезупречна (про второго ее мужа ходили слухи, что он отравлен женой), и Агриппина стремилась упрочить свое положение, а заодно и положение своего сына Нерона, которого мечтала увидеть на троне после Клавдия. Клавдий к Нерону прямого отношения не имел, однако на ласки племянницы сдался. Чтобы дело выглядело прилично, он, по свидетельству Светония, «нашел людей, которые на ближайшем заседании предложили сенату обязать Клавдия жениться на Агриппине, якобы для высшего блага государства, и дозволить подобные браки для всех, хотя до той поры они считались кровосмесительными». Новый закон был принят, император женился, но чувствовал себя, видимо, неловко. Поэтому, когда у него нашлись последователи, женившиеся на своих племянницах (Светоний пишет, что их оказалось только двое), свадьбу одного из них «он с Агриппиною сам почтил своим присутствием». А закон, разрешающий браки с племянницами, просуществовал до 342 года н.э.

Впрочем, император был вскоре наказан за своеволие — он отравился грибами сразу после того, как назначил пасынка своим преемником. И существует весьма небезосновательная версия о том, что эти грибы были поданы императору любящей супругой и племянницей...

Но вернемся к проституции, в развитие которой внесла свой вклад предыдущая жена Клавдия. Не только императрицы, но и императоры не брезговали деньгами, полученными от торговли своим и чужим телом. Гай Калигула обложил жриц любви налогом — они должны были ежегодно платить в казну цену одного сношения. Светоний писал про Калигулу: «...Чтобы не упустить никакой наживы,

он устроил на Палатине лупанар: в бесчисленных комнатах, отведенных и обставленных с блеском, достойным дворца, предлагали себя замужние женщины и свободнорожденные юноши, а по рынкам и базиликам были посланы глашатаи, чтобы стар и млад шел искать наслаждений; посетителям предоставлялись деньги под проценты, и специальные слуги записывали для общего сведения имена тех, кто умножает доходы Цезаря».

Римские проститутки, поддерживаемые в своих начинаниях высочайшими особами, имели свой профессиональный праздник — Виналии, 23 апреля. Этот же день был посвящен и Юпитеру, а заодно, в результате сложной исторической ассоциации, и виноделию. Но прежде всего это был день проституток. Овидий в своих «Фастах» — книге, посвященной римским календарным праздникам, — писал в соответствующей главе:

Девы доступные, празднуйте праздник во славу Венеры!
Держит Венераина власть много прибытку для вас.

Позднее, по мере того как римские нравы становились все свободнее, Виналии стали отмечать и торгующие собой мужчины. Соответственно менялось и отношение к мужеложству. То, за что раньше суровые цензоры выносили обвинительные приговоры, теперь открыто совершалось в императорских дворцах. Из двенадцати цезарей, биографии которых составил Светоний, только два, согласно историку, не имели скандально известных связей с мужчинами. Причем некоторые из «властелинов мира», не удовлетворяясь активной ролью (с которой римляне худо-бедно мирились и раньше), демонстративно принимали роль пассивную.

Так, император Нерон, помимо трех законных жен (по очереди, поскольку моногамность римляне всегда блюли достаточно строго), имел еще одного законного мальчика-жену и одного столь же законного мужа. Светоний сообщает, что Нерон женился на мальчишке по имени Спор, «которого он сделал евнухом». Император «справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с же-

ной...». Когда же очередная жена прискучила Нерону, он решил выйти замуж, избрав в мужа вольноотпущенника Дорифора (или, по другим сведениям, Пифагора). Продвинутый император, на две с лишним тысячи лет опередив по толерантности остальных европейцев, сыграл свадьбу по всем правилам. Тацит пишет, что на «невесте» было «огненно-красное брачное покрывало, присутствовали присланные женихом распорядители; тут можно было увидеть приданое, брачное ложе, свадебные факелы, наконец, все, что прикрывает ночная тьма и в любовных утехах с женщиной». А Светоний сообщает, что в свою первую брачную ночь с молодым супругом император «кричал и вопил, как насилуемая девушка».

Примеру Нерона последовал правивший полутора веками позже Гелиогабал. За свою недолгую восемнадцатилетнюю жизнь он успел не только сменить пять жен (на одной из которых он, разведясь, женился вторично) и обесчестить весталку, но и «вышел замуж» за некоего Зотика, превзойдя своей толерантностью даже Нерона — «жених» Гелиогабала был сыном повара, но император стал выше сословных предрассудков.

Весьма терпимо Гелиогабал относился и к продажной любви. Неизвестный римский автор «Жизнеописаний августов» пишет: «Из цирка, из театра, из стадиона, из бань он собрал в общественное здание всех блудниц и, словно на солдатской сходке, произнес перед ними речь, называя их соратниками; он рассуждал о разного рода положениях тела и наслаждениях. Потом он созвал на такую же сходку собранных отовсюду сводников, продажных мужчин и самых развращенных мальчиков и молодых людей. К блудницам он вышел в женском уборе, обнажив одну грудь, а к продажным мужчинам — в одежде мальчиков, занимающихся проституцией; после речи он объявил им, словно это были воины, о денежном подарке по три золотых и просил их молить богов о том, чтобы у него были и другие воины, достойные их похвалы».

Авторы настоящей книги так увлеклись описанием пороков и безобразий, которым предавались наиболее распущенные

римляне на протяжении своей долгой истории, что совсем забыли о порядочных женщинах и их верных мужьях. А ведь такие в Риме тоже имелись, и в своей сексуальной жизни они тоже должны были руководствоваться какими-то предписаниями и запретами, кроме запрета на супружескую измену. Кое-какие сведения об этом сохранились.

В постели римские мужья и жены, в общем, делали то, что им нравилось и никакими ограничениями себя не стесняли. Правда, Сенека возмущался некоторыми интимными подробностями из жизни своих сограждан. Он, например, писал о современных ему женщинах: «И в похоти они не уступают другому полу: рожденные терпеть, они (чтоб их погубили все боги и богини!) придумали такой извращенный род распутства, что сами спят с мужчинами, как мужчины».

Но что бы ни имел в виду знаменитый стоик, эти протесты оставались его личным делом, и, несмотря на близость Сенеки к императорскому двору, никаких мер по ним римские магистраты не принимали. Каковую позицию (магистратов) авторы настоящей книги полностью одобряют, ибо в вопросах нравственности не слишком резонно прислушиваться к мнению стойка, бывшего одним из самых богатых людей Рима, гуманиста, посещавшего гладиаторские игры, и, наконец, наставника, венцом педагогических усилий которого стал император Нерон.

Что касается других литераторов, то они не только лояльно, но и с полным пониманием относились к стремлению римлян к разнообразию в постели. Правда, Публий Овидий Назон, на рубеже эр превративший страсть в науку, предостерегал римлянок от бездумной погони за новизной. Он писал:

Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится —
 Позу сумеите найти телосложению под стать.
 Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись навзничь;
 Та, что красива спиной, спину подставь напоказ.
 Меланионовых плеч Аталанта касалась ногами —
 Вы, чьи ноги стройны, можете брать с них пример.
 Всадницей быть — невеличке к лицу, а рослой —
нисколько:

Гектор не был конем для Андромахи своей.
 Если приятно для глаз очертание плавного бока —
 Встань на колени в постель и запрокинься лицом.
 Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна —
 Ляг на постель поперек, друга поставь над собой...

Советы не ограничивались эстетической стороной дела. Тит Лукреций Кар, бывший поколением старше Овидия, прямо рекомендовал римлянкам, в какой позе следует начинать детей:

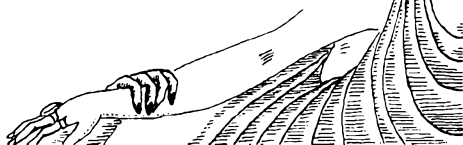
Также и способ, каким предаются любовным утехам,
 Очень существен, затем, что считается часто, что жены
 Могут удобней зачать по способу четвероногих,
 Или зверей, потому что тогда достигают до нужных
 Мест семена, коль опущена грудь и приподняты чресла.

Но не все подданные Римской империи были столь толерантны. Артемидор из Далдиса, автор известного сонника, посвятивший обширный раздел снам «о половом соединении», особо оговаривает, что «людям присуща одна только поза, лицом к лицу, остальные же выдуманы от изощренности и разнузданности».

Современные ученые, проведя анализ античных письменных источников (55 греческих и 115 римских), обратили внимание, что ни греки, ни римляне не использовали в любовном акте позу «на боку». Связано ли это с ее табуированностью или с чем-то другим, авторам настоящей книги не известно. Зато этот анализ показал интересную закономерность. Греки предпочитали ту позу, которую рекомендовал римлянам Тит Лукреций Кар, — у эллинов она зафиксирована в 41,8 процента источников. Римляне, несмотря на советы автора поэмы «О природе вещей», применяли ее лишь в 15,5 процента случаев. Зато поза «женщина сверху» (не та ли, которая так возмутила наставника Нерона?) использовалась соответственно в 20 процентах случаев против 40,5.

Т. Н. Крупа в статье «Женщина в свете античной эротики: традиционные взгляды и реальность» отмечает, что в Греции «подавляющее большинство составляют примеры эро-

тических поз, в которых женщине отведено подчиненное положение». Совсем иная ситуация сложилась в Риме. «Зарубежные исследователи объясняют это результатом более значимого, в социально-экономическом плане, положения женщины в древнеримском обществе. Юридическая защищенность римской матроны соответственно сказывалась и на ее степени сексуальной свободы».

Семейных, в том числе сексуальных, традиций и запретов касается Плутарх в своих «Римских вопросах» — книге, состоящей из вопросов автора по поводу римских нравов и обычаев и пространных ответов, которые он же попытался на них дать в форме новых риторических вопросов.

Один из вопросов сформулирован так: «Почему не принято жениться в мае?» И хотя многочисленные варианты ответов не проливают света на причины, факт остается фактом: жениться в мае у римлян было не принято.

Но тех, кто уже женился (в каком бы месяце это ни произошло), касался другой вопрос Плутарха: «Почему новобрачная и ее супруг соединяются в первый раз не на свету, а в темноте?» Ответ историка выглядит следующим образом:

«Стыд ли это перед супругой, которую муж до этого соединения с нею считает еще чужой? Или этот обычай учит быть стыдливым и перед собственной женой? А может быть, как Солон велел новобрачной перед входом в спальню мужа съесть кидонское яблоко (айву), чтобы первые ласки не были отталкивающими и неприятными, так и римский законодатель хотел, чтобы изъяны и недостатки в сложении невесты в темноте не были заметны? Или же в этом обычае заключено осуждение незаконных утех, раз и в законной любви присутствует нечто такое, чего следует стыдиться?»

Еще один вопрос, точнее, ответ на него проливает свет на запрет близкородственных браков: «Почему женщины, здороваясь с родственниками, целуют их?»

В числе прочих вариантов ответа историк предлагает и следующий:

«...Или же, так как родственникам не дозволено было вступать в брак, любовь у них простиралась лишь до поцелуя, и он остался знаком общности рода? Ведь в старину нельзя было жениться на кровных родственниках, как и те-

перь — на тетках и сестрах; лишь позднее даже двоюродным родственникам позволено было вступать в брак, и вот по какому случаю. Один человек, бедный, но весьма достойный и уважаемый народом не менее, чем всякий другой гражданин, взял в жены, как утверждали, двоюродную сестру — наследницу и благодаря этому разбогател; на него за это подали в суд, но народ, не разбирая дела, освободил его от обвинения и принял постановление, разрешавшее вступать в брак всем родственникам до второго колена, но не ближе».

И наконец, со слов Плутарха, в Риме существовал обычай, согласно которому, «когда мужья возвращаются из деревни или из путешествия, они посылают предупредить жен о своем прибытии». Наивный историк, в попытке найти объяснение этому обычаю, высказывает разные соображения:

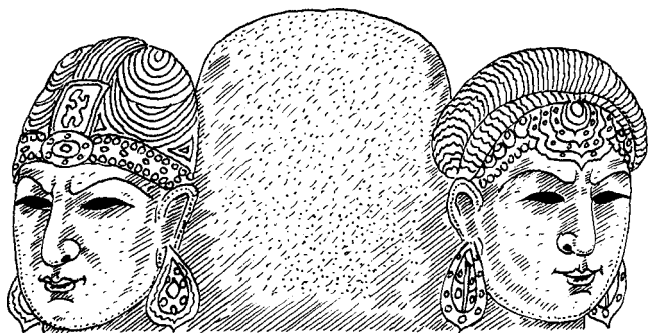
«Может быть, это показывает, что муж не подозревает жену ни в каком легкомыслии, тогда как внезапное и неожиданное появление было бы похоже на попытку застичь ее врасплох? Или мужья спешат обрадовать доброй вестью о себе жен, которые тоскуют о них и ждут? Или, скорее, они сами жаждут узнать, живы ли дома их жены и тоскуют ли они о мужьях? Или, может быть, так как у жен в отсутствие мужей бывает много дел и забот по дому, много хлопот и беготни, оттого их и предупреждают, чтобы они, оставив все это, приняли возвращающегося мужа ласково и без суматохи?»

Но авторы настоящей книги позволяют себе предложить другой ответ на этот вопрос. Видимо, римские мужья все-таки допускали, что их жены пользуются значительными свободами, но предпочитали закрывать глаза на их поведение. Недаром римская пословица гласила: «Qui vult decipi, decipiatur» — «Желающий быть обманутым да будет обманут».

Под эгидой «Камасутры»

Индия

Индия — страна противоречивая. С одной стороны, это страна, где скульптуры, изображающие самые немислимые виды совокуплений, выставлены для всеобщего обозрения в храмах, дабы смиренные богомольцы, взирая на них, приобщались к духовной жизни. Это страна, где существует культ лингама. Это страна, давшая миру «Камасутру». Страна, где, как и в Китае, мудрецы писали для своих неопытных учеников трактаты о сексуальных практиках. Причем если китайские наставники прежде всего сводили свои поучения к тому, как экономить сперму и как зачинать благополучных детей, то наставники индийские были немало озабочены тем, как получить максимум удовольствия от самого процесса. Если даосы не задавались вопросом, где найдет их ученик рекомендуемое количество женщин (подразумевалось, что они могут быть его законными наложницами или, на крайний случай, гетерами), то знаменитый Малланага Ватсьяна, написавший «Камасутру» (предположительно в третьем—четвертом веках н.э.), уделяет немало внимания вопросу о том, как соблазнить чужих жен и проникать в чужие гаремы.

Может показаться, что Индия — это страна полной вседозволенности, и в книге о сексуальных ограничениях и запретах для нее не найдется места — разве что для маленькой главки, и та не о запретах, а о предписаниях... Но это совсем

не так. Потому что, с другой стороны, Индия — это страна, где по сей день, несмотря на победное шествие по миру сексуальной революции, торжествуют семейные ценности. Торжествуют не столько под сенью религиозных запретов или строгих государственных законов, а сами по себе, в результате своей собственной значимости в глазах индийцев. Не только девушки, но даже юноши в Индии в основном сохраняют невинность до брака. Студенты и студентки в мегаполисах свободно общаются между собой, но во внебрачные связи не вступают. Они ждут человека, с которым соединят свою судьбу раз и навсегда. Человека этого, скорее всего, найдут для них родители, причем жених и невеста часто знакомятся только в день свадьбы. Правда, в наши дни, в эпоху торжества свободы личности и европейских ценностей, молодым людям обычно позволяют взглянуть друг на друга заранее, перед сговором. Они могут часок побеседовать под присмотром родственников, и если не покажутся друг другу уж очень противны, то свадьбе быть. И быть семье — нерасторжимой, ибо развод даже в современной Индии — величайшая редкость.

Этнограф Н. Гусева в своей книге «Многоликая Индия» пишет об индианках: «Они любят красиво одеться — для мужа. Они холят свою кожу, свои волосы, сурмят глаза, окрашивают красной краской пробор в волосах, надевают украшения — для мужа. Они учатся петь и танцевать — для мужа. И если муж жив и здоров, если он предан семье — а это правило, исключения из которого очень редки, — женщина счастлива, она ничего больше не желает, ни к чему не стремится».

А «Камасутра» для того и нужна, чтобы неопытные новобрачные знали, как подойти к делу, а потом могли доставлять как можно больше удовольствия друг другу — и только друг другу, что бы ни писал автор о проникновении в чужие гаремы. Тем более что, подробно объяснив, как соблазнять чужих жен, Ватсьяна далее скромно заключает: «Поскольку сказанное здесь применимо лишь в отдельных случаях, связано с очевидными опасностями и противоречит дхарме и артхе, пусть мужчина не общается с чужою женой».

Кстати, Ватсьяна известен не только своим знаменитым пособием, но и тем, что был продвинутым аскетом и мол-

чальником — в глазах индийцев аскеза и сексуальное просвещение отнюдь не противоречили друг другу.

Поскольку для индийцев секс — это прежде всего законный брак, то с него и начнут речь авторы настоящей книги. Тем более что запретов брачных в Индии всегда было значительно больше, чем собственно сексуальных (хотя и последних хватало). Брачные запреты были, помимо всего прочего, связаны с тем, что в стране в течение по крайней мере трех тысячелетий существовала жесткая система варн и каст, накладывавшая самые строгие ограничения на вступление в брак.

Варн в Индии четыре, они делят по горизонтали все индийское общество: это брахманы (священнослужители), кшатрии (воины), вайшьи (торговцы и земледельцы) и шудры (слуги и разнорабочие). Кроме того, есть еще группа «неприкасаемых», которые тоже считаются членами кастового общества и имеют в нем свое место. На самом дне, еще ниже неприкасаемых, находятся немногочисленные люди, исключенные из каст и тем самым полностью лишённые социальных связей. Итого шесть основных групп.

Кроме того, имеется множество каст (не менее трех тысяч, не считая подкаст). Касты, как правило, привязаны к какой-то местности. Например, торговцы из разных регионов Индии, относясь к одной варне вайшьев, будут принадлежать к разным кастам. Жесткое требование всегда гласило, что муж и жена должны принадлежать как минимум к одной варне. В крайнем случае муж может стоять на социальной лестнице на одну ступень выше жены (но ни в коем случае не наоборот). Помимо этого существовало дополнительное, хотя и менее строгое, правило, по которому родители традиционно выбирали своим детям брачного партнера из своей же касты. В этом был определенный резон: семьи, принадлежащие к одной касте, имеют близкие взгляды, традиции, образ жизни. Поэтому жених и невеста, которые впервые встречаются в день свадьбы, хотя бы знают, чего им можно ждать друг от друга.

Сегодня кастовая дискриминация запрещена индийским законом, а в брачных объявлениях все чаще можно видеть

слова «каста безразлична». Тем не менее большинство индийцев женятся и выходят замуж в пределах своей касты или, по крайней мере, варны. Это не имеет никакого отношения к дискриминации, ведь и в европейских странах когда-то родители, а теперь и сами молодые стараются подыскать брачного партнера из своего круга — никакой закон не может этого запретить. Естественно, что в Индии даже люди, выступающие за равноправие каст, предпочитают соединять судьбу со «своими».

И даже сексуально раскованный аскет Ватсьяна рекомендует мужчинам иметь дело прежде всего с женщинами своей варны: «...Согласная с предписаниями любовь к женщине той же варны, не выдававшейся раньше за другого, приносит сыновей, доставляет славу и приличествует мирским обычаям. Противоположна ей и запрещена любовь к женщинам более высокой варны или вышедшим замуж за другого. Любовь к женщинам, принадлежащим к более низкой варне, но не изгнанным из нее, к гетерам и к вдовам, вновь вышедшим замуж, ни рекомендована, ни запрещена, ибо служит лишь для удовольствия».

Впрочем, Ватсьяна велосипеда не изобрел (по крайней мере, в том, что касается социальных запретов) — они существовали задолго до него, еще в ведическое время (между серединой второго и серединой первого тысячелетий до н.э.), хотя поначалу и не носили такого категорического характера. В «Ригведе» говорится о мужчинах жреческого сословия, взявших в жены нижестоящих девушек из семей военной знати. А многие вполне почтенные персонажи этой книги даже были сыновьями матерей-рабынь или шудрян. В «Яджурведе» связь ария с шудрянкой была предметом не столько порицания, сколько шуток при дворе и в жреческих кругах. В индийских текстах упомянуты случаи связи между шудрой и арийской (то есть принадлежащей к одной из трех высших варн) женщиной. Упомянут даже семейный раб, который вполне законным образом женился на вдове своего господина.

Но примерно на рубеже эр так называемые законы Ману положили конец былым вольностям и подробнейшим образом разъяснили индийцам, кому и на ком можно и нель-

зя жениться, а также расписали все те сакральные последствия, которые ждут нарушителей.

Прежде всего предписания законов Ману касаются высших варн: «При первом браке дваждырожденному рекомендуется жена его варны». Правда, для тех, кто женится по любви, закон делает некоторое послабление: «Для шудры предписана жена шудрянки, для вайшия — шудрянка и своей варны, для кшатрия — те обе и своей варны, для брахмана — те три, а также своей варны». Но, разрешая брак с нижестоящей женщиной, закон предупреждает: «Дваждырожденные, берущие по глупости в жены низкорожденных женщин, быстро низводят семьи и потомков к положению шудры». Хуже того, «брахман, возведя шудрянку на ложе, после смерти низвергается в ад; произведя от нее сына, он лишается брахманства». Предки и боги не будут вкушать его приношения, «поэтому он не идет на небо».

По законам Ману люди, вступающие в связь с низкорожденными женщинами, могли после смерти стать так называемыми «претами», или «голодными духами». Судьба претов действительно незавидна, несмотря на то что у некоторых буддистов принято подкармливать «голодных духов», оставляя для них на земле жертвенную пищу. Но самим претам от этого проку очень мало: они остаются голодными, поскольку строение тела — большой живот, рот размером с игольное ушко и узкий пищевод — не дает им возможности насытиться. Преты живут в специально отведенном для них «мире голодных духов», но иногда выходят на землю, копаются в помойках и пугают прохожих жалобными криками, что весьма печально и крайне неприлично, особенно для бывших брахманов.

Чтобы избежать этой скорбной судьбы, закон предлагает нарушителю способ очиститься от греха, но он достаточно обременителен: «Что дваждырожденный совершает в продолжение одной ночи из-за общения с шудрянкой, то ему полагается искупать в течение трех лет, постоянно питаясь милостыней и повторяя священные тексты». Интересно, что если ночь с шудрянкой считается грехом хотя и тяжким, но не бесповоротным, то один лишь ее поцелуй не оставляет надежды на спасение: «Для целующего шудрянку, для

оскверненного ее дыханием, а также для породившего от нее потомство не предписывается искупления».

Понятно, что запуганные таким образом брахманы, как, впрочем, и представители других высших варн, пуше смерти избегали браков со злополучными шудрянками, не говоря уже о неприкасаемых или женщинах, стоящих вне каст.

Впрочем, связь с вышестоящими женщинами (о браке с ними речь в эту эпоху даже не шла) могла окончиться не лучше. Законы Ману гласят: «Шудра, сожительствующий с женщиной дваждырожденных варн, — охраняемую или неохраняемую, — лишается: если с неохраняемую — детородного члена и всего имущества, если с охраняемую — всего, даже жизни... Если вайший или кшатрий имеют связь с неохраняемой брахманкой, вайшия надо оштрафовать пятьюстами пан, а кшатрия — тысячью... Но если они оба согрешили с охраняемой брахманкой, они должны быть наказаны, как шудра, или сожжены на огне из сухой травы».

По поводу «охраняемых» женщин надо пояснить особо. Законы Ману предписывали мужчинам охранять подвластных им женщин (а других в Индии не было). Правда, те же законы особым параграфом признавали бессмысленность этого занятия: «Вследствие приверженности к мужчинам, непостоянства и природного бессердечия они в этом мире изменяют мужьям, даже тщательно охраняемые». Тем не менее уже следующий параграф гласит: «Зная такую их природу, созданную Праджapati, всякому человеку следует предпринимать крайнее старание к их охране»... Так или иначе, независимо от того, давало это плоды или нет, женщин было предписано охранять, что многие действительно и делали. Причем даже если сами женщины вследствие своего «непостоянства и природного бессердечия» и находили способ обмануть охрану, то их возможные партнеры должны были десять раз задуматься, стоит ли овчинка выделки, потому что наказание за связь с охраняемой женщиной всегда было намного строже.

Но это, естественно, касалось связей беззаконных. Что же касается законных браков, то индийцу возбранялось жениться не только на девушке из другой варны, но и на той, «у которой нет брата и отец неизвестен», поскольку она мог-

ла оказаться ролом из презируемой касты или же родственницей жениха (что тоже плохо). И если у китайцев в аналогичном случае можно было обратиться к гадалкам, которые помогали «установить» фамилию женщины, то индийцы предпочитали не рисковать.

Вообще говоря, в случае сомнений по поводу достоинств будущей невесты родители индийского жениха тоже могли прибегнуть к гаданию. Достаточно было взять восемь комьев земли, подобранных в разных местах: «с алтаря, с борозды, из пруда, из коровника, с перекрестка, с места для игры, с места сожжения трупов и с бесплодного участка», а девятый ком слепить из смешанной земли. По тому, какой ком выбирала невеста, можно было судить, насколько она подходит своему суженому. Но никому не пришло бы в голову предлагать этот выбор невесте из неподобающей варны или же той, чьи родители были неизвестны.

Правда, знаменитый римский географ Страбон, ссылаясь на слова греческого историка и дипломата Мегасфена, посетившего Индию в третьем веке до н.э., сообщает, что нарушать кастовые запреты было дозволено философам «ради их высоких достоинств». Но поскольку наряду с неподвластными закону философами Мегасфен, по словам того же Страбона, сообщает о живущих в Индии дикарях, у которых «пятки спереди, а ступни и пальцы сзади», о людях, питающихся одними лишь запахами, «так как вместо ртов у них лишь дыхательные отверстия», а также об «одноглазых с собачьими ушами, с глазом посреди лба», то авторы настоящей книги не стали бы слишком буквально воспринимать слова доверчивого дипломата. Судя по другим источникам, философы в Индии женились внутри своей варны, а то и касты, как и все прочие люди.

Но и внутри своей варны жениться было не так-то просто. Законы Ману сообщают, что при заключении брака надо избегать целого ряда семейств, «даже если они большие и богаты коровами, козами, овцами, деньгами и зерном». Среди них: «семейство, пренебрегающее исполнением обрядов, лишненное мужчин, в котором не изучается Веда, члены которого волосаты, подвержены геморрою, чахотке, плохому пищеварению, падучей, белой или черной прока-

зе». Кроме того, законодатели предостерегали индийцев от женщин, «имеющих лишний член» (к примеру, шестой палец), болезненных, безволосых, слишком волосатых, болтливых и красноглазых. В этот же список, к удивлению авторов настоящей книги, как и у китайцев, попали рыжие невесты.

Ватсьяна отдельно предупреждает о женщинах, с которыми он не рекомендует вступать не только в брачную, но даже и в любовную связь: «Вот женщины, с которыми не следует вступать в близость: прокаженная, безумная, изгнанная из своей касты, не хранящая тайн, соблазняющая на людях, та, чья молодость уже позади, слишком светлая, слишком темная, дурно пахнущая, родственница, подруга, странствующая монахиня, жена родственника, друга, просвещенного брахмана или царя». Кроме того, «Камасутра» предлагает избегать «носатых, сутулых и потливых» и, разумеется, тех, которые младше жениха «меньше, чем на три года», а также тех невест, чьи имена оканчиваются на «л» или «р».

В законах Ману тоже перечисляются не подходящие для невест имена: не рекомендовалось брать в жены девушку, «носящую имя созвездия, дерева, реки, название низшей касты, горы, птицы, змеи, слуги или устрашающее имя».

Под строжайшим запретом находились браки с родственниками, даже и достаточно дальними. Как и в случае с запретами кастовыми, в ведические времена на это смотрели проще — в одном из «дополнительных» гимнов «Ригведы» разрешается брак с дочерьми дяди по материнской линии и тетки по отцовской. Но законы Ману уже требуют покаяния от имевшего «сношение с дочерью сестры отца,.... дочерью сестры матери и родного брата матери». Закон говорит: «Благоразумному человеку не следует брать в качестве жены этих трех; они не должны браться в жены вследствие родства, ибо сочетающийся с ними низвергается в ад». Позднее индийская традиция запретила мужчине «жениться на девушке, которая является ему родственницей по мужской линии до седьмого колена, а по женской — до пятого». А жених из воинского сословия раджпудов к тому же не может брать жену из своего клана, из клана своей матери, из клана, в который он отдал замуж дочь, и т. д.

Отбраковав таким образом изрядное количество женщин, законодатели сообщают о том, какими качествами должна обладать подобающая невеста (естественно, подходящая по варне): «Надо брать в жены женщину, свободную от телесных недостатков, имеющую приятное имя, походку лебедя или слона, нежные волосы на теле и голове, красивые зубы, нежные члены».

Вероятно, авторы законов Ману наблюдали слонов несколько чаще, чем авторы настоящей книги, поэтому им виднее. Тем не менее последнее требование (в том, что касается походки) вызывает некоторое недоумение. И уже совсем трудно представить себе невесту, переваливающуюся с ноги на ногу, подобно лебедю (впрочем, встречаются же в европейской иконографии гусиные ноги царицы Савской!). Но если подобные сомнения и мучили когда-то индийских женихов, то со временем они исчезли по очень простой причине: невест стали сватать в том возрасте, когда они еще не могли ходить ни подобно лебедю, ни подобно слону — только ползать (а иногда и этого еще не умели).

Дело в том, что индийские брахманы были вообще склонны к написанию разного рода рекомендаций, в том числе брачных. Возможно, каждая из этих рекомендаций была хороша и полезна, но их количество росло, а требования ужесточались. Примерно на рубеже эр наступил момент, когда выполнить все запреты, касающиеся вступления в брак, стало почти невозможно. Особенно это сказывалось на судьбе невест: ведь если родители не успевали подыскать для них подходящего жениха, время уходило, и они рисковали остаться старыми девами. Теперь, когда в семье рождалась девочка, отец начинал искать для нее жениха не медленно, поскольку эта задача могла растянуться на многие годы. И если в поле зрения вдруг оказывался жених, чья семья подходила по касте и степени родства и к тому же была, как это требовалось, «известна в пяти поколениях с отцовской и с материнской стороны и славна своей ученостью и поведением», этого жениха упускать было нельзя, поскольку второго такого могло в будущем не найтись. И брачный возраст невест, а потом и женихов стал стремительно падать.

В этом смысле показательны составленные в третьем веке до н.э. законы Каутильи (Каутальи) — мудреца и политика, написавшего знаменитый политический трактат «Артхашастра», что в переводе означает «наука о достижении полезного». Каутилья предлагает своему другу и государю, основателю династии Маурьев императору Чандрагупте, а также и тем государям, которые придут после него, свод законов, в котором, помимо всего прочего, подробно рассмотрены преступления против нравственности: изнасилования и лишение девственности. Слостолюбцы, лишившие девственности маленьких девочек, караются достаточно строго:

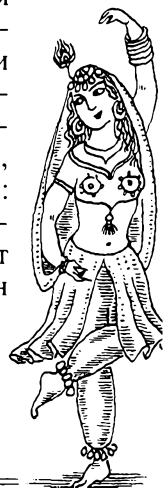
«За лишение девственности девочки одинаковой касты, у которой не начались месячные, отрубается рука или же следует штраф в 400 пана...»

Если у девушки уже начались месячные, то наказание резко уменьшается и правонарушителю предлагается жениться на потерпевшей, заплатив отцу соответствующий выкуп:

«Тому, кто лишает девственности такую, у которой начались месячные, отрубается средний и указательный пальцы, или же с него взыскивается штраф в 200 пана, и он обязан уплатить отцу откупную сумму. Если это произошло против желания девицы, то лишивший девственности не должен получить права за нее свататься. Если девица желала этого, то с него взыскивается штраф в 54 пана, а с девицы в половинном размере».

Кары для тех, кто лишил девственности зрелых невест, не предусмотрено. Если девушка уже целых семь месяцев, как созрела для брака, но до сих пор не нашла себе жениха, от правонарушителя хотят лишь одного: чтобы он женился (ибо в этом возрасте ни девушке, ни ее отцу уже не до шуток). Ну а что касается тех «старых дев», которые созрели больше трех лет назад и которым соответственно уже исполнилось тринадцать, а то и пятнадцать лет, мудрый Каутилья предлагает не только не карать их соблазнительей, но даже и не обращать внимания на их социальный статус:

«Лишивший девственности такую, которая имела 7 периодов месячных и после этого не нашла жениха, получает естественным образом право за нее свататься и не должен

платить возместительной суммы отцу. Ибо в таких случаях девица выходит из-под власти тех, кто препятствует ее оплодотворению. Если девица имела периоды месячных в течение 3 лет, то не возбраняется равному с ней по положению жить с ней. В случае если она не выходит замуж после указанного срока, хотя и сделалась невестой, то с ней может жить и неравный».

Уже законы Ману предписывают: «Тридцатилетний мужчина пусть берет нравящуюся ему двенадцатилетнюю девушку, двадцатичетырехлетний — восьмилетнюю». Примерно в это же время в «Махабхарате» появилась вставка, гласившая: «Отец пусть выдает дочь замуж подходящему мужу сразу после рождения. Выдавая дочь замуж в соответствующее время, он обретает религиозную заслугу». Позднее невест стали подразделять на пять классов: 1) нагника (буквально «голая»), 2) гаури (восьмилетняя), 3) рохини (девятилетняя), 4) канья (десятилетняя), 5) раджасвала (после десяти лет). Лучшей невестой считалась нагника, а шансы раджасвалы были невелики.

Конечно, новорожденных девочек никто не укладывал в постель к их мужьям, тем более что сами мужья нередко были ненамного старше. Обычно после свадьбы дети отправлялись обратно, каждый к своим родителям, чтобы дорасти до подходящего возраста. Но этот подходящий, с точки зрения индийцев, возраст оставался, по нашим меркам, очень невысоким, тем более что мужья, как правило, все-таки были постарше жен и зрелось у них наступала раньше.

Только под давлением английских завоевателей в 1860 году в Индии был законодательно ограничен возраст для вступления в половую связь (будь то в браке или вне его). Для женщин минимальным «возрастом согласия на половую связь» сочли десять лет. Десятилетних девочек можно было укладывать в постель, не опасаясь преследования закона. Потом этот возраст последовательно повышали до двенадцати и четырнадцати лет, хотя на практике никто, конечно, не контролировал половые связи «законных супругов». А поскольку обязательной регистрации брака не существовало (и не существует по сей день) и все обряды совершались в кругу родственников и близких, то ограни-

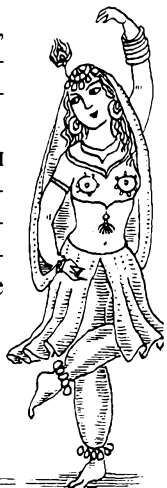
читать возраст «молодых» тоже было невозможно, как бы ни старались законодатели.

Перепись 1921 года выявила в Индии тысячи замужних «женщин», которым не исполнилось и года. После чего Махатма Ганди поручил известному юристу Хаар Биласу Шарде поработать над этой проблемой. Сам юрист был женат с девяти лет, однако к поручению отнесся добросовестно, и в 1929 году в Индии был принят так называемый «Закон Шарды», направленный против детских браков. Однако древние законы оказались сильнее, и жители Индии, во всяком случае те, кто считал себя индуистами, предпочитали ориентироваться на них. Правительство планомерно повышало возраст вступления в брак (до 18 лет для женщин и до 21 года для мужчин), но строгость законов искупалась полной необязательностью их исполнения. Перепись 2001 года показала, что три миллиона индианок стали матерями до того, как им исполнилось пятнадцать лет.

Но вернемся к древним законам, под сенью которых индийцы вступали в брачные и внебрачные связи в течение почти двух тысячелетий. После свадьбы, даже если муж и жена достигли возраста зрелости, традиция не торопит их с исполнением супружеского долга. В «Параскара-грихьясутре» говорится: «В течение трех суток пусть не едят соленой пищи, пусть спят на земле, пусть воздерживаются от половых сношений в течение года, двенадцати дней, или шести ночей, или, по крайней мере, трех ночей». Автор «Камасутры» на годе воздержания не настаивает, но и торопиться не советует:

«Первые три ночи новобрачные спят на полу, соблюдают целомудрие и воздерживаются от пищи с сахаром или солью. Затем в течение семи дней они совершают омовение, развлекаются музыкой и пением, наряжаются, вместе принимают пищу, посещают зрелища и оказывают почет родственникам. Это — правило для всех варн».

Только после этого мужу разрешается приближаться к жене. Но и здесь Ватсьяяна советует не спешить. Правда, он цитирует своего предшественника, другого теоретика любви, по имени Бабхравья Панчала, который рекомендовал по истечении этих десяти дней приближаться к жене

«с нежными словами». Но Ватсьяяна, не оспаривая такой возможности, сопровождает ее оговорками: «Если девушка видит в течение трех последующих ночей, что мужчина безмолвствует и словно окоченел, она испытывает отвращение и презирает его, как евнуха, — так учит Бабхравья. Пусть поэтому он приближается и пробуждает доверие, но не нарушает целомудрия, — так учит Ватсьяяна. И приближаясь, пусть ничего не делает силой. Ибо женщины подобны цветам и требуют очень нежного обхождения».

Ватсьяяна шаг за шагом расписывает первые брачные ночи, во время которых молодой муж в основном падает жене в ноги, протягивает ей из губ в губы бетель или беседует со специально приглашенной в спальню подружкой. Объятия дозволяются, но далеко не сразу. «Кто не проявляет внимания к девушке, считая, что она чрезмерно стыдлива, тот не понимает ее намерений и достоин презрения, подобно скоту». Особую деликатность теоретик любви рекомендует в случае, если невеста еще не вступила в возраст зрелости или если она незнакома со своим мужем (и то и другое было делом обычным): «Достигшую зрелости и еще прежде знакомую обнимают при свете светильника, девочку и незнакомую — в темноте».

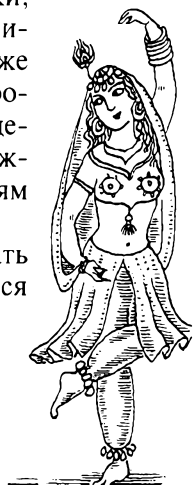
Впоследствии супружеская жизнь молодой пары будет определяться календарем, приведенным в законах Ману. Календарь сообщает, какие дни являются разрешенными и какие запретными для любви. Причем мужу не просто разрешается, но и настоятельно рекомендуется в соответствующие ночи входить к жене, в противном случае он «достоин порицания». Запретными считаются четыре ночи полнолуния и четыре — новолуния и шесть суток женского цикла (первые четверо, одиннадцатые и тринадцатые). Календарь предлагает для любви всего лишь десять ночей из двадцати восьми. Но если супруги хотят зачать сына, то из десяти дозволенных ночей им остаются только пять четных — в нечетные ночи по законам Ману зачинают девочек.

Признаться, авторам настоящей книги не вполне понятно, как могли индийцы, повиновавшиеся законам Ману, заниматься любовью в нечетные ночи. Ведь судя по тем же законам, женщины являются существами настолько зло-

вредными, что рожать их — значит умножать скорбь и внести в этот мир ложь и разлад. Прародитель Ману «оставил на долю женщин ложе, сиденье, украшение, похоть, гнев, подлость, зловредность характера и дурное поведение». «Женщины немощны, лишены права изучать мантры, они — воплощенная ложь: таково положение вещей». Женщины стоят настолько ниже мужчин, что «...муж, даже чуждый добродетели, распутный или лишенный добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем, как бог»... Тем не менее женщины в Индии все же рождались. То ли законы Ману были не в ладу с биологией, то ли супругам трудно было ограничить себя пятью ночами в месяц...

Впрочем, индийские сексуальные наставники видели счастье не в количестве ночей, а в их качестве и разнообразии, каковое разнообразие было тщательно прописано в соответствующих наставлениях («Камасутра» — лишь самое известное из многих). Правда, Ватсьяна сам признает, что в любви «настолько лишь простирается действие наук, насколько слабо чувство в людях; когда же колесо страсти пришло в движение, то нет уже ни науки, ни порядка». Тем не менее любовную науку он излагает подробно, нередко вступая в обоснованный спор со своими предшественниками. Так, некоторые, устаревшие, с точки зрения Ватсьяны, теоретики считают, что поцелуи, царапины и укусы «применяются перед любовным соединением». Ватсьяна же учит, «что все они применимы во всякое время». Но «при первом наслаждении... пусть применяют их не слишком явно и чередуя. Затем же — с великой быстротой и в особых сочетаниях...». При этом автор «Камасутры» ограничивает область приложения поцелуев: «Целуют в лоб, локоны, щеки, грудь, соски, губы, внутреннюю часть рта». Правда, он признает, что в некоторых регионах принято целовать также «в место соединения бедер, подмышки, низ живота». Кроме того «в силу влечения и местных обычаев бывают поцелуи в те или иные места, но их не должен применять каждый... Пусть обращаются с женщиной сообразно обычаям местности», — учит знаменитый аскет.

Что касается царапин, Ватсьяна советует использовать их по возможности многообразно, но при этом полагаться

не только на страсть, но и на изучение теории вопроса. Он не согласен с маловерными, которые в сомнении восклицают: «Кто же в состоянии постичь все способы нанесения царапин?» Исполненный веры в человека, Ватсьяна пишет: «Ведь и в искусстве стрельбы из лука и других науках владения оружием обращают внимание на многообразие приемов — тем более здесь». Аскет дает несложные рекомендации на этот счет, сообщая, например, что «отправляющимся в путешествие наносят на память четыре или три сходящиеся линии на бедрах и поверхности груди». А женщинам, которые замужем за другими, следует наносить «особые знаки в сокровенных местах ради памяти и чтобы усилить влечение». Видимо, при написании этого параграфа увлекшийся автор не вспомнил, что в других главах своего знаменитого трактата он не рекомендовал вступать в связи с замужними женщинами... Что же касается «мест для кусания зубами» — они не зависят от матримониального статуса женщины, это те же места, что для поцелуев, «кроме верхней губы, внутренней поверхности рта и глаз».

Призывая своих учеников к возможному разнообразию приемов, подвижник снова и снова напоминает им: «Не всегда и не со всеми женщинами пригодны все способы любовного соединения — применение их осуществляется сообразно состоянию, месту и времени». Так, описав позу, в которой женщина занимается «подражанием мужчине», наставник сообщает, что к ней не следует прибегать ни менструирующей, ни недавно родившей, ни беременной, ни слишком толстой женщине, равно как и женщине, которая относится к типу «газели», то есть с узким влагалищем.

По вопросу о сексе во время менструаций Ватсьяна расходится во мнениях с законами Ману, которые запрещают его независимо от позы. Один из параграфов закона гласит: «Мужчине, имевшему сношение с самкой животного, с женщиной в период менструаций, противоестественным способом, а также в воде, — полагается исполнить самтапану криччхру» (то есть перемежать суточный пост с питанием, включающим коровью мочу и помет).

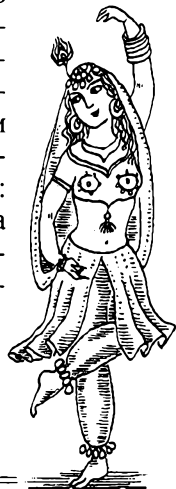
Что же касается запрета на секс в воде, то здесь мнения авторитетов совпадают. Так, Ватсьяна упоминает «особые

соединения в воде — лежа, сидя или стоя» и признает, что они «легко исполнимы». Тем не менее автор считает, что «их следует избегать, ибо они не рекомендованы в наставлениях».

Немалое внимание уделяется в «Камасутре» и вопросу о допустимости аупариштаки (орально-генитальный контакт. — *О. И.*). Ватсьяна сообщает, что к нему нередко прибегают «распутные и несдержанные женщины, служанки и массажистки», а наставники учат, «что этого не следует совершать, ибо оно противно закону и низко». Но исследователь далек от того, чтобы слепо принять мнение своих предшественников. Он дает небольшой обзор того, в каких местностях Индии и как именно жители совершают аупариштаку. Отдельно повествуется о том, как это делают мужчины: «У некоторых мужчин аупариштаку совершают молодые слуги с блестящими украшениями в ушах. То же совершают и некоторые горожане, желая с возрастанием доверия по обоюдному уговору угодить друг другу. Так же и мужчины исполняют то же самое дело у женщин...»

Вывод аскета свидетельствует о его толерантности и широте взглядов на вопрос: «Поскольку сведущие расходятся во мнениях и слова предания применимы к разным обстоятельствам, пусть действуют согласно местным установлениям и собственным склонностям и понятиям».

Единственные, кого мудрец предостерегает от такого не всеми одобряемого способа любви, это «ученый брахман или несущий обязанности царского советника». Ватсьяна пишет, что брахманов и советников не должен побуждать к применению аупариштаки тот факт, что она «предусмотрена наукой». «Пусть знают, — восклицает мудрец, — что содержание науки простирается на все, применение же — лишь на отдельные случаи. Если даже и сказано во врачебной науке, что собачье мясо вкусно, прибавляет силы и способствует пищеварению, разве станет оно от того съедобным для мудрых?» Но, несмотря на столь неаппетитное сравнение, вывод великого теоретика, как всегда, толерантен: «Бывают, однако, некоторые мужчины, бывают такого рода места, бывают и времена, для которых эти способы небесполезны. Пусть поэтому, приняв во внимание место и вре-

мя, обычай и наставление, а также и собственные свойства, прибегают или не прибегают к этим способам».

В том, что касается связей с чужими женами, разные индийские авторы высказывают разные точки зрения. Авторы сексологических трактатов таковые связи не одобряют, но при определенных условиях допускают. Ватсьяяна, как мы уже сообщали ранее, рекомендовал: «Пусть мужчина не общается с чужою женой». Тем не менее тот же Ватсьяяна сообщает, что последователи другого известного учителя, Бабхравьи, разрешают связь с любой женщиной, если она уже успела познать пятерых мужчин. «Гоникапутра же учит, что следует избегать даже такую, если она жена родственника, друга, просвещенного брахмана или царя».

Законодатели к изменницам, равно как и к их соблазнительям, гораздо более нетерпимы. Уже упоминавшийся мудрец и политик Каутилья тоже коснулся этой темы. Правда, он не всегда делает различие между замужними и незамужними женщинами, считая, что в случаях особо криминальных (например, при нарушении кастовой чистоты) не так уж и важно, замужем нарушительница или нет. Каутилья пишет:

«Если кто имеет сношение с сестрой отца или матери, с женой брата матери, с женой учителя, со снохой, с собственной дочерью или сестрой, то ему отрубается половые органы и он подлежит смертной казни; женщина, если она согласилась на это, подлежит тому же наказанию. Это относится и к женщине, которая наслаждалась с рабом, со слугой или человеком, отданным в залог. Если кшатрий позволяет себе недозволенные сношения с брахманкой, находящейся под охраной, то с него следует высший вид штрафа сахаса, если вайшья — то у него конфискуется все имущество, и если шудра — то он должен быть сожжен, будучи окутанным соломой. Если кто-либо позволяет себе сношения с женою государя, то во всех случаях виновник должен быть сварен в котле. Если шудра сходится с женщиной швапаки (одна из низших каст. — *О. И.*), то на него накладывається клеймо безголового тела и он должен удалиться в другую страну или же сам становится швапакой. Если швапака сходится с арийской женщиной, то он должен быть казнен, а у женщины отрезаются уши и нос».

Во избежание судебных ошибок мудрый царский советник приводит и признаки состава преступления. Факт прелюбодеяния считается свершившимся, «если мужчина и женщина хватают друг друга за волосы, если имеются признаки телесных удовольствий, если люди сведущие подтверждают это или если сама женщина своими словами выдает себя».

Требую смертной казни для женщины, которая «наслаждалась с рабом», Каутилья допускает некоторое снисхождение в случае, если муж ее был в отъезде и родственник или слуга взял оставленную жену под свое покровительство. «В этом случае такая женщина должна будет ждать возвращения мужа. Если муж отнесется к этому снисходительно, то оба, жена и любовник, освобождаются от наказания. Если же муж того не потерпит, то у женщины должны быть отрезаны уши и нос, а любовника постигает смертная казнь».

Законы Ману не менее суровы к изменницам и их соблазнителям. Преступных жен предлагается «затравить... собаками на многолюдном месте». А волокит «царю следует изгонять, подвергнув наказаниям, внушающим трепет». Кроме наказаний прижизненных, закон предлагает и посмертную кару. Так, жена за измену мужу «возрождается в утробе шакала и мучается от ужасных болезней», а мужчина, вступивший с ней в преступную связь, «становится демоном-брахмаракшасом».

Для признания факта прелюбодеяния законы Ману, в отличие от Каутилья, не требуют, чтобы любовники хватали друг друга за волосы или предъявляли «признаки телесных удовольствий». Теперь процедура опознания упростилась до предела:

«Кто любезничает с чужой женой в уединенных местах — где берут воду, в лесу, в роще или при слиянии рек, — должен считаться виновным в прелюбодеянии».

«Если кто прикасается к женщине не в надлежащем месте или разрешает ей прикасаться к себе, — все, совершенное по обоюдному согласию, считается прелюбодеянием».

Под ненадлежащим местом законы, как утверждают комментаторы, имели в виду любую часть женского тела, кроме руки. Впрочем, другой параграф закона столь же

«ненадлежащим местом» считает и женские украшения. А заодно подводит под статью и тех, кто вовсе не касался никаких мест, даже и надлежащих, а попросту оказался услужливым:

«Услужливость, заигрывание, прикосновение к украшениям и одеждам, а также совместное сидение на ложе — все это считается прелюбодеянием».

Беседа с чужой женой «по делу» преступлением не являлась только в том случае, если собеседник ранее не привлекался к ответственности за преступления против нравственности. Если же прецедент имел место, то даже за самую невинную беседу рецидивист должен был заплатить штраф.

Послабление было сделано только для нищих, сказителей, ремесленников и людей, исполняющих подготовительные обряды при жертвоприношении, — представителям этих профессий разрешалось «беседовать с женщинами, если им это не запрещено».

И лишь одна категория женщин могла наслаждаться свободными беседами с любимыми мужчинами. Это были жены бродячих актеров и сводников, для которых «измена» являлась своего рода работой.

Особо тяжелым преступлением являлось «осквернение ложа гуру» — связь ученика с женой его учителя. Законы Ману предлагают за него целый спектр наказаний как в этой жизни, так и в последующих. Осквернитель ложа гуру обречен в последующих перерождениях стократно «пройти через состояние травы, кустарников, лиан, плотоядных животных, снабженных зубами и совершающих жестокие действия».

«Осквернивший ложе гуру, признавшись в грехе, пусть ляжет на раскаленное, сделанное из железа ложе, или пусть обнимет раскаленное железное изображение женщины: он очищается смертью;

...Или, отрезав сам свой член и мошонку и взяв в соединенные руки, пусть идет в страну Ниррити, пока не упадет мертвым;

...Или, нося ножку кровати, в одежде из лыка, отпустив бороду, пусть исполняет один год в безлюдном лесу покаяние криччхра...

... Или надо три месяца, обуздывая чувства, исполнять лунное покаяние, питаясь жертвенной пищей или ячменной кашей, для искупления вины осквернения ложа гуру».

Надо сказать, что выбор, предложенный осквернителю ложа, несмотря на кажущуюся суровость, не так уж и страшен. Конечно, объятия раскаленной женщины или отрезание мошонки нельзя считать мягким наказанием. Но зато «покаяние криччхра», хотя и исполняется в безлюдном лесу, да еще и с ножкой кровати в руках, сводится к тому, что кающийся придерживается не слишком обременительной диеты: три дня он ест только по утрам, три дня — только по вечерам, еще три дня — пищу, данную без просьбы, и, наконец, три дня не ест вообще. Что же касается лунного покаяния, то оно заключается в изменении ежедневного количества пищи в зависимости от фаз луны. Если же и это покаяние казалось осквернителю учительского ложа непосильным, на крайний случай он мог обойтись однократным произнесением гимна Пуруше.

В целом же ученикам гуру надлежало соблюдать чистоту и по крайней мере в годы ученичества не общаться не только с учительской женой, но и какими-либо женщинами вообще. Законы Ману предупреждают: «Природа женщин в этом мире вредоносна для мужчин; по этой причине мудрые остерегаются женщин, ибо женщина способна повести по неверному пути в этом мире не только глупца, но даже ученого, подверженного власти страсти и гнева». Если же ученик был озабочен мыслью о детях, отсутствие коих негативно сказывается на загробном существовании, то его успокаивали сообщением о том, что «многие тысячи целомудренных с юности брахманов достигли неба, даже не оставив потомства».

Законы Ману запрещали повторные браки или любовные связи вдов: «Добродетельная жена, пребывающая в целомудрии после смерти мужа, достигает неба, даже не имея сыновей... Но жена, которая из желания иметь потомство, нарушает обет верности умершему мужу, встречает презрение в этом мире и лишается местопребывания мужа на небе... Потомство, рожденное от другого, — даже в другом

браке, — в этом мире не признается; другой муж нигде не предписан для добродетельных женщин».

Тем не менее повторные браки вдов и даже разведенных женщин в те времена, когда создавались законы Ману, случались, хотя и достаточно редко. И даже сами законодатели, противореча себе, предлагают бездетным вдовам «при опасности прекращения линии рода» вступить в связь с собственным свекром, деверем или иным «уполномоченным» родственником «в благоприятное для зачатия время». Закон повелевает: «Уполномоченный, умастившись коровьим маслом, пусть ночью молча произведет от вдовы одного сына, но другого — ни в коем случае». При этом «уполномоченного» особо предупреждают, что он не должен «действовать из похоти», а вдове указывают, что она вправе родить сына только от конкретного уполномоченного, а отнюдь не от другого родственника, хотя бы он и приходился ей деверем. После того как «цель поручения в отношении вдовы достигнута согласно правилам», всякие сексуальные или любовные отношения с ней запрещены.

Если законы Ману допускали для вдовы повторный брак или связь с «уполномоченным», то позднее эти вольности попали под категорический запрет на большей части территории Индии (конечно, для тех, кто исповедовал индуизм). Вдова, если она не решалась последовать за мужем, совершив ритуальное самоожжение «сати», становилась абсолютно бесправным и униженным существом. Она не имела права на наследство и целиком зависела от благотворительности родственников. Обычай предписывал ей брить голову и носить траурные одежды, запрещал надевать украшения, появляться на людях и даже обедать за одним столом со своей семьей. Считалось, что вдова приносит несчастье всем, с кем она общается. Кроме того, поскольку всем было ясно, что у добродетельной женщины боги мужа не отберут, то нравственные качества вдовы подвергались большому сомнению. И даже если она была известна своей добродетелью, это лишь означало, что она грешила в прошлых воплощениях, что нисколько не отменяло ее вины. Поэтому ни один уважающий себя мужчина не женился бы на вдове, тем более что это было прямо запрещено ортодоксаль-

ным брахманизмом по крайней мере для высших каст. И тот факт, что «женщина» овдовела, еще лежа в пеленках, ничего не менял — у новорожденной вдовы шансов на повторное замужество не было точно так же, как и у любой другой... Лишь в двадцатом веке вдовы получили право наследовать после мужа часть его имущества. Повторные браки вдов сегодня тоже разрешены, но желающих жениться на них от этого больше не стало.

Разводы и повторные браки разведенных женщин встречались в Индии не намного чаще, чем браки вдов. Законы Ману говорят: «Даже та, которая, оставив своего мужа низкого, сожительствует с высоким, достойна осуждения в мире...»

На зато к полигамии в Индии относились достаточно терпимо. Полигиния (многоженство) была распространена повсеместно. Законы Ману гласят: «Другую жену берут, когда первая жена глупа, дурного нрава, несчастлива, не рождает детей, рождает одних лишь девочек или когда муж непостоянен». Им вторит Ватсьяяна, утверждающий, что, если женщина не рождает детей, она сама должна побуждать мужа взять другую жену. «И будучи замещена другою, пусть по мере сил старается доставить новой жене высшее положение по сравнению с собой. При ее приближении пусть обращается с нею, как с сестрой; пусть с ведома мужа усердно заботится о ее вечернем убранстве...»

Но толерантный автор «Камасутры» не возражает и против полиандрии (которая действительно была распространена в некоторых областях Индии вплоть до последнего времени, хотя, как и полигиния, запрещена современным законодательством). Он пишет: «В области Граманари в Стрираджье и Бахлике многие юноши находятся на равных правах в женских покоях, будучи женаты на одной и той же, и женщины наслаждаются ими или по одному или сразу — сообразно своей природе и обстоятельствам. Один держит ее на коленях, один угождает поцелуями и прочим, один ласкает нижнюю часть, один — лицо, один — туловище, и они действуют так, постоянно чередуясь».

Ничего предосудительного в полиандрии индийцы не видели. Например, одна из главных героинь «Махабхараты»

Драупади имела пятерых мужей — братьев Пандавов. Вообще надо сказать, что индийцы традиционно не видели большого греха в тех проступках, которые европейцы традиционно считали грехами смертными. Так, за секс с монахиней и соблазнитель, и сама женщина отделялись весьма скромным штрафом. Каутилья писал: «Если кто-либо сходится с монахиней, то с него следует штраф в 24 пана, и монахиня, если она согласилась на это, подлежит тому же наказанию».

Мужчине, «имевшему сношение с самкой животного» или же с женщиной, но «противоестественным способом», законы Ману предлагают исполнить покаяние-криччхру, которая, как мы уже писали, есть ни что иное, как диета. Кстати, что бы ни имел в виду законодатель под «противоестественным способом», автор «Камасутры», нимало не опасаясь преследования закона, рекомендует своим читателям самые разнообразные способы любви, сообщая в том числе: «„Нижнее“ же наслаждение — через задний проход — распространено у жителей южных областей».

Некоторые нарушения и вовсе не наказуются, а виновным лишь предписывается совершить очищение. Закон гласит: «Дваждырожденный, имев сношение с женщиной или с женщиной на повозке, влекомой быками, в воде, а также днем, — пусть совершит омовение в одежде». Почему под запрет попал секс именно на повозке, авторам настоящей книги не ведомо. Но интересно, что сам факт мужеложства смущает законодателя значительно меньше, чем пресловутая повозка. Правда, в другом параграфе законы Ману сообщают, что мужеложство приводит к «потере касты». Но например, Каутилья такими ужасами никому не угрожает и за сексуальные преступления, не связанные с насилием и нарушением кастовой чистоты, предлагает ограничиться штрафами: «Если кто имеет сношение с женщиной помимо полового органа, то следует низший вид штрафа... То же следует и за мужеложство... С тех безумцев, которые занимаются скотоложеством, взимается штраф в 12 пана, а с тех кто имеет половые сношения с изображениями божеств, должен взиматься штраф в двойном размере».

Современные индийские законодатели, несмотря на то что мир понемногу идет по пути признания гомосексуальных связей и даже браков, в своей толерантности отстали от Европы — сегодня мужеложство в Индии уголовно наказуемо. Что касается лесбийских связей, то к ним индийцы всегда относились не слишком терпимо, хотя и без фанатизма. Каутилья писал: «Если девушка лишена девственности другою женщиною по своему желанию и является равною с нею по положению, то она платит штраф в размере 12 пана, лишившая же ее девственности в двойном размере». Законы Ману были строже: «Для девушки, которая растлит другую девушку, полагается штраф в двести пана, пусть она уплатит двойное брачное вознаграждение, а также пусть получит десять розог... А женщина, которая растлит девушку, заслуживает немедленного обрития головы, отрезания двух пальцев, а также того, чтобы ее провезли на осле».

«Отклонение от этого означает хаос»

Китай

Китайцы — самая многочисленная нация в мире. Правда, по плотности населения Китай лидерства не держит — ему далеко не только до Монако, где на каждом из двух квадратных километров проживает больше 17 тысяч человек, но даже и до Японии (337 человек на километр). Китайцев же на одном квадратном километре Поднебесной умещается около 136, что, впрочем, тоже немало — в России на такой же квадрат приходится в среднем 8–9 человек. Но что касается абсолютной численности населения — у Поднебесной нет конкурентов: китайцев насчитывается примерно 1 338 613 000. Для сравнения: во всей Европе не наберется и миллиарда жителей (830,4 миллиона в 2010 году).

Все это наводит на мысли, что китайцы на протяжении своей длинной истории много, небезуспешно и, по всей видимости, бесконтрольно занимались сексом. В какой-то мере это действительно так, но Китай не был бы Китаем, если бы в нем что-то могло происходить без подробных инструкций и наставлений. «Искусству внутренних покоев» китайская (прежде всего даосская) традиция всегда уделяла исключительное внимание, благо искусство это отнюдь не считалось чем-то запретным, предназначенным для непутевого юношества или эпикурействующих эстетов. Его разрабатывали мудрецы, о нем спорили ученые, им должны были

в совершенстве владеть императоры... Почтенные седовла-
сые наставники писали о нем трактаты для своих учеников,
мечтающих о духовном подвижничестве, причем употреб-
ляли такие выражения, от которых краснеют иные продви-
нутые европейцы эпохи победившей сексуальной револю-
ции (краснели и авторы настоящей книги).

Большое внимание уделялось не только технике секса, но
и количеству партнеров. Мудрец Гэ Хун, живший в четвер-
том веке н.э., рекомендовал китайцам заводить как можно
большее число связей, считая, что мужчины «извлекают тем
большую пользу и благо, чем с большим количеством жен-
щин они общаются». Традиция утверждает, что Пэн Цзу, ле-
гendarный долгожитель, которого называют «прародителем
китайской нации», ставил своим ученикам в пример Жел-
того императора, мифического основателя Китая, жившего
в третьем тысячелетии до нашей эры. Пэн Цзу утверждал:
«Желтый император имел сношения с тысячью двюмста-
ми женщинами и потому взошел в обитель бессмертных».

Сам Пэн Цзу, как известно, имел девятнадцать жен и де-
вятьсот наложниц, что позволило ему прожить более 800 лет
и стать одним из подручных бога долголетия. О своих менее
продвинутых согражданах мудрец с сожалением говорил:
«Обыкновенные люди имеют лишь одну женщину и пото-
му губят свою жизнь».

Для того чтобы китайцы не губили свою жизнь, даосские
мудрецы рекомендовали ученикам за одну ночь вступать
в связь с десятью женщинами. Законы, царившие в Подне-
бесной, это в принципе позволяли: жена китайцу полагалась
одна, но количество официальных наложниц до начала два-
дцатого века не ограничивалось. Кроме того, к его услугам
были рабыни и жительницы «веселых кварталов». Впрочем,
даосы — люди толерантные, и, если кто-то «упорствовал во
грехе» и хранил верность единственной жене, анафеме его
не предавали, и он волен был жить так, как ему нравится.

Столь же необязательным к исполнению был и другой за-
вет даосских мудрецов — не завершать половой акт выбро-
сом спермы с целью ее сохранения. Даосы рекомендова-
ли эту технику и уделяли ей огромное внимание: запрет на
«расход» спермы был одним из основополагающих в даос-

ском «искусстве внутренних покоев». Но в постели даосизм, и, в частности, его призыв к незавершенному половому акту, вступал в непримиримое противоречие с нравственными нормами конфуцианства. А поскольку даосизм и конфуцианство как в стране в целом, так и в жизни каждого отдельно взятого китайца очень часто сосуществовали бок о бок, то этому китайцу приходилось метаться между взаимоисключающими запретами и рекомендациями.

Конфуцианцы вообще стояли за порядок и умеренность во всем, включая половую жизнь. В тексте «Цзо-чжуань», созданном на рубеже четвертого и третьего веков до н.э. и входящем в состав канонического конфуцианского «Тринадцатикнижия», говорится: «У женщины есть семья, у мужчины есть опочивальня. И он, и она не оскверняют их. Отклонение от этого означает хаос». Но главное разногласие последователей учителя Куна с даосами заключалось даже не в борьбе с хаосом (что, вероятно, не встречало у даосов принципиальных возражений), а в том, что конфуцианцы целью полового акта считали отнюдь не долголетие и не достижение совершенства, а рождение детей (желательно мальчиков), а в этом деле без расхода спермы не обойтись.

Борьба даосизма и конфуцианства завершилась, судя по количеству китайцев, победой последнего (по крайней мере, в постели). Впрочем, конфуцианство, разрешая жителям Поднебесной свободное семяизвержение, настолько ограничивало их общение с женщинами, что становилось не вполне понятно, где и как можно было этим разрешением воспользоваться.

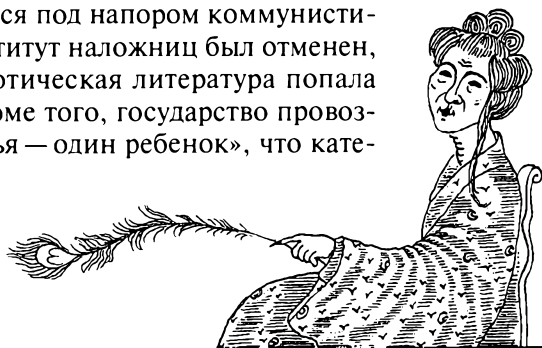
В то же время, несмотря на все призывы конфуцианства по борьбе с «хаосом» в семье и постели, китайская традиция всегда очень терпимо относилась к любым проявлениям того, что мы называем сексуальными извращениями, и уж тем более к разного рода изыскам вроде, к примеру, трансвестизма и вуайеризма, группового и анального секса, «наблюдения за наблюдателем» и минета, который китайцы поэтически называли «игрой на флейте»... Китаец мог предаваться разнообразным видам любви с каждой из своих жен и наложниц по отдельности или же со всеми одновременно, мог и вовсе отправиться в «веселый квартал», а жена и на-

ложницы, если их это не вполне устраивало, могли прекрасно утешаться друг с другом, используя для этого достаточно изысканные и отнюдь не запретные приспособления...

Если в европейской традиции особая сексуальная изощренность женщины никогда не входила в число достоинств добродетельной жены, то в Китае дело обстояло наоборот: благонравная жена или наложница должна была уметь ублажать своего мужа самыми изысканными способами, более того, она должна была не только уступать его другим женщинам, но порою и прислуживать во время акта мужа с таковыми. И даже если суровые конфуцианцы и оказывались чем-то недовольны, геенна огненная никому за эти прегрешения не грозила.

Интересно, что при такой свободе «техник» секса китайцы не знали публичных поцелуев и относились к ним критически — причем как строгие конфуцианцы, так и сексуально раскованные даосы. Даосы категорически не хотели понять, зачем растрачивать энергию в ласках, которые не приведут к естественной кульминации. Для них это было оскорблением начал инь и ян. Чарлз Хьюмана и Ван У в своей работе «Сумеречная сторона любви» писали: «Когда европейцы начали селиться в Шанхае и других городах, то можно было увидеть, как мужья и жены приветствуют друг друга поцелуем или заключают в объятия; китайцы, становившиеся свидетелями этих нежностей, ожидали, что европеец тут же извлечет свой “яшмовый черенок” и бросится в битву. Еще более конфузили вездесущих китайцев сцены, когда два француза приветствовали друг друга поцелуями в щеки, — это также казалось бессмысленными сексуальными приготовлениями». Ну а с точки зрения конфуцианцев, считавших, что мужчины и женщины должны ходить по разным сторонам улицы, публичные поцелуи, даже и супружеские, были признаком крайней распушенности.

В двадцатом веке и даосским традициям, и заветам учителя Куна пришлось потесниться под напором коммунистической нравственности. Институт наложниц был отменен, проституция запрещена, эротическая литература попала под строжайший запрет. Кроме того, государство провозгласило политику «одна семья — один ребенок», что кате-

горически не согласовывалось с традиционными конфуцианскими устоями жителей Поднебесной. На фоне новых, жесточайших запретов все ограничения даосских и конфуцианских мудрецов стали казаться символами утраченного рая. И тем не менее коммунистическая революция оказалась бессильна против революции сексуальной.

Таков краткий общий обзор истории сексуальных запретов, разрешений и рекомендаций, под сенью которых жители Поднебесной занимались любовью в течение последних примерно двух с половиной тысяч лет. Надо сказать, что, несмотря на все соблазнительные в своей полигамности рекомендации даосских наставников и на призывы конфуцианцев к деторождению, несмотря на отсутствие в старом Китае моральных и законодательных запретов на любые виды совокуплений (мужской гомосексуализм был запрещен лишь в правление маньчжурской династии Цин, пришедшей к власти в середине XVII века, а женский всегда был дозволен), несмотря на объявленное коммунистами раскрепощение женщины, сексуальная жизнь китайцев находилась под влиянием множества самых разнообразных (и зачастую взаимоисключающих) инструкций и запретов. И тот факт, что китайцы, несмотря на это, стали самым многочисленным народом мира, лишь говорит о том, что никакие запреты в сфере интимной жизни не действительны и строгость их всегда искупается необязательностью их исполнения.

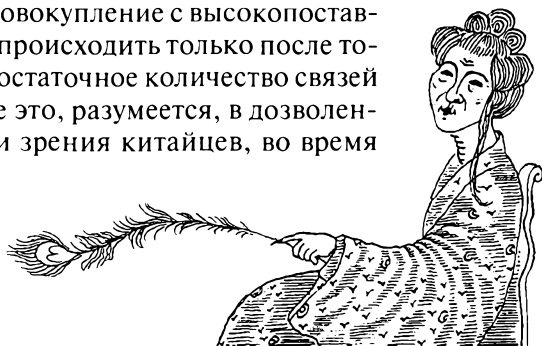
Впрочем, существовал в Поднебесной человек, которому не удавалось уклониться от суровых запретов — хотя бы потому, что его строго контролировали. Человеком этим был, как ни удивительно, китайский император. Всемогущий Сын Неба, являясь повелителем огромной империи, отнюдь не мог распоряжаться в своем собственном гареме. Например, количество его жен и наложниц тщательно регламентировалось. У мифического сына не менее мифического Желтого императора была одна главная жена и три наложницы, которые символизировали четыре стороны света, а вместе с императором составляли священное число пять. Потом число женщин стало меняться, но это объяснялось

не прихотью владыки, а требованиями вселенской гармонии.

В эпоху Чжоу, начавшуюся на рубеже второго и первого тысячелетий до н.э., у правителя Поднебесной, кроме главной жены (хоу), имелись три дополнительные жены (фу-жэнь) — их число означало мощную мужскую потенцию. Девять жен второго ранга (бинь) символизировали своим количеством изобилие. Двадцать семь жен третьего ранга (шифу) были избраны потому, что это число получится, если девять умножить на три. Если же умножение повторить, то получим восемьдесят один — именно столько наложниц (юйцзи) полагалось императору.

С точки зрения современного человека, ограничение сексуальных потребностей Сына Неба таким количеством женщин нельзя назвать чрезмерно строгим — если, конечно, не принимать слишком буквально заветы Пэн Цзу, рекомендовавшего, по примеру Желтого императора, иметь сношения с тысячью двумястами партнершами. Но дело в том, что с многочисленными обительницами собственного гарема император отнюдь не мог давать волю своим страстям. Сексуальный союз мужчины и женщины, с точки зрения китайцев, повторял в миниатюре взаимодействие полярных сил природы; недаром облака считали яичниками Земли, а дождь — небесной спермой. Император был фигурой чрезвычайно значимой, олицетворяющей священный порядок мироздания, и дабы в мироздании царил гармония, ей надлежало царить и в личной жизни Сына Неба. В противном случае Поднебесной грозили стихийные бедствия и прочие катаклизмы. А гармонию в сексуальной сфере китайцы порой понимали весьма своеобразно.

В эпоху Чжоу для контроля за интимной жизнью императора при дворе имелись специальные дамы — «ньюши». Они следили за тем, чтобы с наложницами низших рангов Сын Неба соединялся чаще, чем с высшими, соблюдая при этом надлежащий порядок. Совокупление с высокопоставленными женщинами могло происходить только после того, как император вступит в достаточное количество связей с наложницами попроще (все это, разумеется, в дозволенных рамках гарема). С точки зрения китайцев, во время

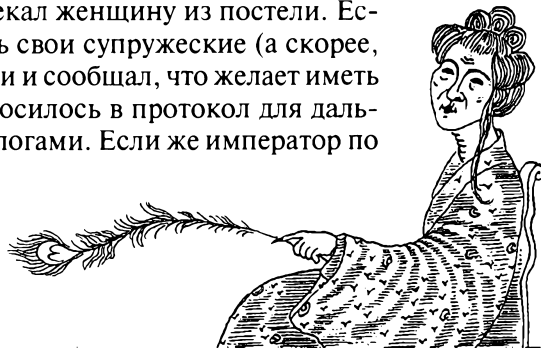

каждого акта жизненная сила императора (как, впрочем, и любого мужчины) питалась за счет женской энергии, присутствующей в вагинальных выделениях. Умножив таким образом свои достоинства с простыми наложницами, владыка переходил на следующую ступень своего гарема. С главной женой он мог встречаться только раз в месяц, но этот сакральный акт, к которому приложили свои предварительные усилия десятки женщин, должен был дать жизнь достойному наследнику и поддержать мировую гармонию. Таким образом, императрица имела весьма ограниченные права на внимание своего законного мужа. Но зато ей позволялось оставаться в августейшей спальне всю ночь — наложницы были обязаны покидать Сына Неба до рассвета, что со всей строгостью контролировали ньюши. Для этого дамам, осуществляющим секс-контроль, вовсе не надо было ломиться в неурочный момент в императорскую опочивальню — они ее попросту не покидали. Сверившись со списками очередности и удостоверившись, что день благоприятен, ньюши надевала на правую руку избранной женщине серебряное кольцо, препровождала ее к императору и присутствовала при том, как Сын Неба исполнял свои супружеские, они же государственные и сакральные, обязанности. Потом она перемещала кольцо с правой руки избранницы на левую и делала запись специальной красной кистью в соответствующих документах. Если наложница оказывалась беременна, ньюши выдавала ей золотое кольцо.

Видимо, ритуал этот настолько удачно поддерживал священную гармонию мироздания, что по крайней мере за тысячу с лишним лет он не претерпел принципиальных изменений. Известно, что в восьмом веке н.э. каждой женщине, удостоенной высочайшего внимания, вместо кольца ставили на руку печать со словами: «Ветер и луна вечно остаются новыми». Кожу натирали благовониями из корицы, после чего удалить печать было невозможно. Впрочем, едва ли в Поднебесной нашлась бы женщина, которая пожелала бы уничтожить след высочайшего благоволения, — скорее, это делалось для того, чтобы исключить притязания самозванок, уверяющих, что печать стерлась.

Под «ветром и луной» имелись в виду сексуальные забавы; китайцам, конечно, виднее, но авторы настоящей книги позволили себе усомниться в том, что услады, которым предавались императоры средневекового Китая, были достойны столь романтического наименования. Дело в том, что со временем дела высочайшего гарема из ведения дамнойши перешли в сферу ответственности евнухов, а евнухи — не лучшие наставники в любовных делах.

Правда, у императора было право выбирать одну из рекомендованных ему евнухами женщин: после ужина камердинер подносил повелителю поднос — на нем лежали зеленые карточки с именами жен и наложниц, которым звезды и состояние здоровья позволяли убогатворить своего владыку. Сын Неба вытягивал одну из карточек, после чего избранницу готовили к ночи любви. Но поскольку евнухи ведали не только любовью, но и охраной императора, то основное внимание они, естественно, уделяли вопросу, в котором больше понимали. Прежде всего надо было удостовериться, что красавица не покушается на жизнь владыки Поднебесной. Для этого ее раздевали догола, осматривали, потом заворачивали в безопасный, с точки зрения охраны, плед из птичьих перьев, и камердинер на спине относил женщину в августейшую спальню. С этого момента начинался отсчет времени. В отличие от нюйши, евнух не наблюдал за сакральным действием лично, но далеко от подконтрольного ему императора тоже не отлучался. Стоя за дверью, он вел отсчет времени, поскольку во имя мировой гармонии затягивать половой акт не следовало. Надо полагать, что Сын Неба в этой нелегкой ситуации тоже посматривал на песочные часы, прикидывая, сколько времени у него осталось на выполнение сложных сексуальных предписаний, созданных даосскими мудрецами. Но никакие ссылки на мудрецов не могли предотвратить роковой возглас за дверью: «Время истекло!» После третьего возгласа камердинер входил в спальню и извлекал женщину из постели. Если император успел свершить свои супружеские (а скорее, государственные) обязанности и сообщал, что желает иметь ребенка, время свидания заносилось в протокол для дальнейшего рассмотрения астрологами. Если же император по

каким-то причинам ребенка не желал, то евнухи принимали соответствующие меры.

Другим ограничением, которому подчинялся не только император, но и все его многочисленные подданные, был категорический запрет брать жен и наложниц с той же фамилией, что у мужа. Изначальной его целью было пресечь близкородственные связи. Но степень родства при этом никто не выяснял, совпадения фамилий было достаточно, чтобы наложить строжайшее табу на любую форму брака. Это правило действовало уже в эпоху Чжоу. Правда, судя по документам, тогда оно распространялось только на аристократов, что же касается «нижних людей», то до них, как писали сами китайцы, «ритуалы и церемонии не опускаются». Но историки считают, что простолюдины следовали тем же самым, а порой и еще более строгим ритуалам, даже если записей об этом не сохранилось. Во всяком случае, известно, что позднее этот запрет однозначно распространился на все сословия, что поломало немало судеб. Браки по любви в Китае были не слишком приняты, но все же встречались, особенно в крестьянской среде. Однако, если влюбленные оказывались однофамильцами, шансов на семейную жизнь у них не было.

Еще во времена Чжоу с наступлением весны в деревенских общинах устраивались праздники, на которых молодые люди выбирали себе пару. Половые отношения в таких союзах считались вполне допустимыми, а когда наступала осень, любовники могли вступить в брак, причем беременность девушки была для этого веским и вполне пристойным основанием. Но, выбирая себе возлюбленного на молодежных игрищах, девушка должна была прежде всего поинтересоваться его фамилией. Сделать это следовало не только ради соблюдения законности, но и во имя заботы о судьбе семьи и потомства. Считалось, что брак однофамильцев рискует оказаться несчастным, а детям от него и вовсе ничего хорошего ждать не стоило.

Известен случай, как в 540 году до н.э. тяжело заболел князь — правитель государства Цзинь. Никакие способы лечения не помогали, и было высказано предположение, что

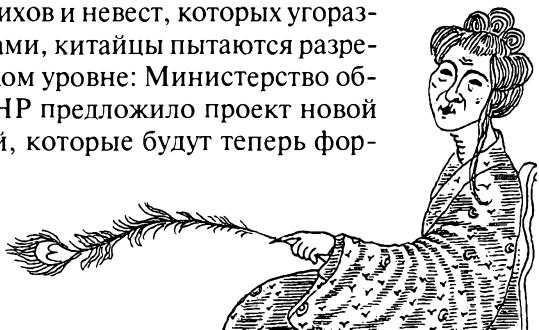
все дело в женщинах из княжеского гарема — среди них было четыре наложницы из рода самого князя. Один из советников правителя высказался прямо: «Я слышал, что женщин своего же рода не следует допускать в гарем. Их дети умрут в младенчестве, и, хотя вначале симпатия между мужем и женой может быть сильной, вскоре она пройдет. И тогда они оба заболеют».

Правда, приглашенный врач придерживался другой точки зрения — он считал, что князь попросту истощил себя любовными играми, к какой бы фамилии ни принадлежали их участницы. Врач заявил: «В соитиях следует соблюдать умеренность... Женщина истощает мужскую силу, и с ней нужно сожительствовать ночью. Если же предаваться излишествам при совокуплениях с ней, это вызовет горячку и сознание помутится. Вы же не соблюдаете умеренности в совокуплениях, занимаетесь этим даже в дневное время. Как же вы могли избежать болезни?»

Теперь уже трудно сказать, кто был прав: советник или медик, но во избежание подобных неприятностей китайцы во все времена старательно уклонялись от браков не только с родней, но и с однофамильцами. А однофамильцев в Китае всегда было очень много просто потому, что фамилий было очень мало.

В сегодняшнем Китае фамилий всего несколько сотен, причем на сто самых распространенных приходится более миллиарда человек. Правда, современное законодательство позволяет браки между однофамильцами (запрет был отменен в 1911 году), но конфуцианские традиции такого новшества не одобряют, поэтому китайцы стараются таковых браков избегать. Сделать это не всегда легко, особенно тем, кто носит фамилию Ванг (их в Китае 93 миллиона), Ли (92 миллиона), Чжан (88 миллионов). Могут возникнуть сложности и у тех, кто зовется Чэнь, Чжоу и Линь — их по 20 миллионов человек.

Проблемы несчастных женихов и невест, которых угрозой оказалось оказаться однофамильцами, китайцы пытаются разрешить сегодня на самом высоком уровне: Министерство общественной безопасности КНР предложило проект новой системы получения фамилий, которые будут теперь фор-

мироваться из различных сочетаний отцовской и материнской фамилий. Но проект остается проектом, а пока бедные Ванги, Ли и Чжаны оказываются сильно ограничены в брачных возможностях.

В старом Китае положение людей, имевших слишком распространенные фамилии, облегчалось лишь тем, что у жительниц веселых кварталов — проституток и куртизанок — фамилию можно было не спрашивать. Тем более что они обычно работали под псевдонимами.

Предшественницами профессиональных проституток и куртизанок (игравших, кстати, большую роль не только в сексуальной, но и в социальной жизни древнего Китая) во времена Чжоу были музыкантши и танцовщицы — ньююэ. Связи с ними не возбранялись; высокопоставленные китайцы содержали труппы ньююэ, которые развлекали гостей на банкетах и услаждали их всеми возможными способами. При этом происхождение и фамилии девушек никого не волновали. Скорее всего, это были рабыни, во всяком случае, их часто дарили или продавали. Документы сохранили сведения о том, как в 513 году до н.э. некий чиновник, имевший проблемы с законом, предложил судье в качестве взятки целую труппу ньююэ.

Преступного чиновника можно понять: китайские законы той эпохи (как, впрочем, и последующих) гуманностью не отличались, причем доставалось как виноватым, так и правым. Незадолго до того, как бедолага пытался подкупить судью таким изысканным и дорогостоящим способом, в царстве Чжэн был запечатлен на бронзовых треножниках первый дошедший до нас свод китайских законов. Он предусматривал за уголовные преступления пять видов наказаний (клеймение, отрезание носа, отрубание рук, кастрация и смертная казнь). Немного позднее к этому добавилось поджаривание на медленном огне, зарывание живым в землю, вырывание ребер, сверление головы... За особо тяжкие преступления казнили не только самого преступника, но и три поколения его родственников по линии отца, матери и жены. Презумпции невиновности китайцы не знали: обвиняемый изначально предполагался виноватым и должен был доказывать суду, что это не так. Попытки не

только подследственных, но и свидетелей были делом обычным и даже рекомендуемым. Так что чиновника, который пытался избежать всех этих неприятностей с помощью специально обученных красоток, можно если не простить, то понять... Тем более что у судьи действительно была возможность избавить преступника от казни, не вступая в противоречие с законом. Дело в том, что в Китае самые суровые законы можно было применить в символическом виде. Например, уголовнику, приговоренному к отсечению ноги, вместо этого могли покрасить колено в красный цвет.

Но вернемся к вопросу о связях между однофамильцами и родственниками. Каковы бы ни были традиции и законы, а жизнь берет свое. Во всяком случае, древние документы сохранили немало скандальных историй, не только о нарушении запрета на браки однофамильцев, но и повествующих о самых что ни на есть кровосмесительных связях. Известно, что сыновья достаточно часто соблазняли жен и наложниц своих отцов, что в понимании китайцев также считалось кровосмешением. Например, в 665 году до н.э. некто Сянь-гун, князь государства Цзинь, вступил в любовные отношения с младшей женой отца. Несмотря на то что связь эта не могла быть угодна Небу, она оказалась крайне удачной в земном отношении: мачеха родила своему пасынку, который ранее считался бездетным, сына и дочь.

В 494 году до н.э. вэйский князь Лин женился на некоей Нань-цзы, которая успела прославиться кровосмесительной связью с собственным братом. Князя не смутила репутация невесты, более того, желая угодить молодой жене, он приблизил ко двору и брата. Даже крестьяне на полях распевали непристойные песенки о молодой княгине, но правитель княжества Вэй оставался тверд и преступную супругу не изгонял. Впрочем, его толерантность могла вызываться еще и тем, что как представитель правящего класса жениться он мог только один раз. Наложниц князь мог содержать без счета, но жена была единственной, и даже если она умирала или изгонялась за недостойное поведение, взяв вторую (во всяком случае, с соблюдением всех ритуалов, положенных при первом браке) правитель не мог. Кстати, Нань-цзы помимо своей любви к брату прославилась еще

и тем, что ей нанес визит сам великий Конфуций. Правда, встреча эта носила самый невинный, по нашим меркам, характер: княгиня, как и положено добродетельной китайке той эпохи, молча сидела за ширмой и смотрела на мудреца сквозь занавески (а он на нее и вообще смотреть не мог). Потом она поклонилась, и по звону ее подвесок учитель Кун понял, что аудиенция окончена. Иное поведение участников встречи было бы нарушением запретов едва ли не более строгих, чем запрет на кровосмешение. Но даже и в этом случае Конфуцию, вынужденно решившемуся на визит после неоднократных и настоятельных приглашений княгини, пришлось столкнуться с резким осуждением со стороны своих учеников.

Впрочем, как бы ни осуждали добродетельные конфуцианцы распутную Нань-цзы, никакие уголовные санкции за кровосмешение, как, впрочем, и за любые другие сексуальные излишества, ей не грозили. В древности, по крайней мере до седьмого века нашей эры, государство не стремилось вторгаться в интимную жизнь обитателей Поднебесной.

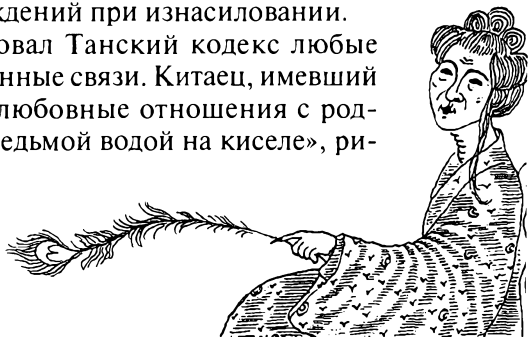
Испокон веков жизнь любого китайца была подчинена двум основным принципам: «ли» и «фа». «Ли» — это моральные устои, правила гармоничного поведения, которые существовали издревле, а в середине первого тысячелетия до н.э. были окончательно сформулированы и утверждены Конфуцием. «Фа» — нормы государственного закона. Некоторое время конфуцианцы и законники-легисты боролись между собой за власть над душами и телами китайцев, но к концу тысячелетия все пришло в относительную гармонию. Нормы конфуцианской морали отныне поддерживались карательными мерами законов, а законы соблюдались во имя господствующей морали. Поскольку власть «ли», даже и не подкрепленная силою «фа», была чрезвычайно велика, то многие области семейного права, а равно и все, что касалось сексуальных запретов и предписаний, долгое время оставались в ведении традиции — законодатели в эти вопросы не вмешивались. Но видимо, китайцы, вдохновленные примером Желтого императора и понукаемые даосскими учителя-

ми, злоупотребляли своей беспредельной свободой. И когда в середине седьмого века завершилось создание Танского кодекса законов (обнародованного столетием позже), в нем был положен конец былым вольностям, в том числе и тем, которые были прямо или косвенно связаны с кровосмешением.

Кодекс зафиксировал запрет на браки между однофамильцами, причем это касалось не только жен, но и наложниц. Но поскольку происхождение наложницы не всегда удавалось установить, кодекс решал проблему достаточно просто: «Если покупают наложницу и не знают ее фамилии, последнюю следует определить посредством гадания». Кроме того, были запрещены браки с наложницами, которые успели побывать замужем за старшими родственниками женой. А заодно — уже не в целях борьбы с близкородственными связями, а во имя искоренения коррупции — чиновникам запрещалось брать в наложницы женщин из семей, которые были подчинены их полномочиям. Нарушитель получал сто ударов палками, а брак расторгался. Даже для своих родственников чиновники, жившие под сенью танских законов, не могли брать наложниц из подчиненных семей. Если же кто-то ему такую наложницу все-таки предлагал, это считалось взяткой и преследовалось по всей строгости.

Танские законы вообще не жаловали внебрачные связи. Вступать в такие китаец мог только с жительницами «веселых кварталов» и с собственными рабынями. Даже раб и рабыня, имевшие смелость заняться незаконным сексом, получали по девяносто ударов тяжелыми палками. За добровольный, но внебрачный союз неженатого свободного китайца и столь же свободной от любых уз китайки каждому из нарушителей полагалось по полтора года каторги. Если же выяснялось, что китайка замужем, то это считалось отягчающим обстоятельством и приравнивалось к нанесению тяжких телесных повреждений при изнасиловании.

Но особо строго преследовал Танский кодекс любые близко- и даже дальнеродственные связи. Китаец, имевший неосторожность вступить в любовные отношения с родственницей, будь она даже «седьмой водой на киселе», ри-

сковал получить три года каторги. Сексуальные контакты между родственниками входили в число так называемых «Десяти Зол»; они не погашались никакими амнистиями, от наказания не спасали никакие привилегии... Если связь была кровосмесительной в прямом смысле слова — с любой женщиной по прямой восходящей или нисходящей линии рода — преступников наказывали удушением, причем защита нравственности распространялась на четыре поколения в обе стороны, включая не только праправнучек, но и прапрабабушек возможного нарушителя.

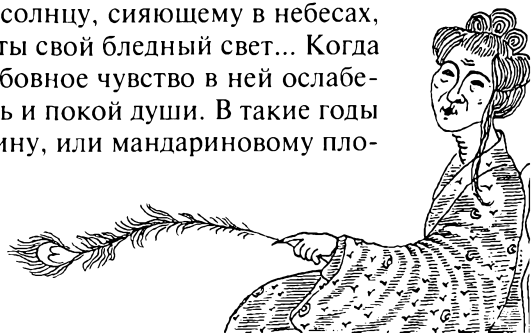
Несколько легче была судьба у сластолюбцев, чьи дамы состояли с ними в родстве по боковой линии. Здесь запрет уходил лишь на одно поколение вниз и на два поколения вверх. То есть соблазнение дочери брата под отягчающие обстоятельства еще попадало, а вот с внучкой того же брата можно было заниматься любовью сравнительно безнаказанно — таковая связь была запретна лишь постольку, поскольку были запретны внебрачные связи вообще. С сестрой же собственного деда или с женой брата собственного деда заниматься любовью было рискованно: соблазнитель старушки наказывался ссылкой на две тысячи ли (около 800 км. — *О. И.*), как и сама бабушка. Если же старушка могла доказать, что над ней совершили насилие, незадачливый внук-геронтофил подлежал удушению.

Трудно понять, почему Танский кодекс придавал защите старушек от сексуальных посягательств большее значение, чем защите молодых женщин и девушек. В. Рыбаков в статье «Иерархия внебрачных связей по законам периода Тан» попытался проанализировать этот парадокс. Он пишет: «Рассуждая здраво, попытка соблазнить родственницу поколения внука выглядит, казалось бы, более вероятной, нежели попытка соблазнить родственницу поколения деда. Но, возможно, мы опять чего-то не понимаем. Возможно, для жителей Тан в сексуальном контакте с, например, женой старшего брата деда (коль скоро она еще жива) таился некий особый преступный, но и сладостный привкус: шутка сказать, на миг уравниваться в правах с досточтимым предком! Возможно, это был куда более сильный стимул, нежели юная привлекательность, например, жены внучатого племянника, и,

следовательно, чтобы парировать его, надлежало пригрозить более суровым наказанием? Кто знает...»

Авторы настоящей книги, полностью соглашаясь с суждениями известного синолога (а заодно и известного писателя-фантаста), рискуют высказать на этот счет еще одно предположение. В стране, где сексуальные практики использовались для достижения долголетия и совершенства (как духовного, так и физического), связь с сестрой деда не должна особо удивлять, поскольку почтенные дамы, десятилетиями практиковавшие «искусство внутренних покоев», должны были с возрастом становиться лишь привлекательнее. И хотя большинство даосских сексуальных рекомендаций предназначались мужчинам, кое-что полезное могли из них извлечь и женщины. В трактате «Тайные предписания для нефритовых покоев» сказано, что если во время соития женщине удастся не допустить впитывания мужчиной ее любовной влаги, то ее энергия инь начнет питаться за счет мужской энергии ян. «Благодаря этому она не будет подвержена никаким болезням, ее лицо будет безмятежным, а кожа гладкой. Она продлит срок своей жизни, перестанет стареть и навсегда останется юной девой». В качестве дополнительного стимула трактат обещает, что подвижница «не будет нуждаться в обычной пище, сможет в течение пяти дней оставаться без еды, но при этом не испытывать голода».

Впрочем, голодная или сытая, китайка имела реальный шанс сохранить привлекательность и вводить в соблазн собственных внуков (хотя это и было строжайше запрещено законом). Недаром китайский литератор седьмого века (современник Танского кодекса) Вэй Юн писал: «Настоящая красавица в каждом возрасте имеет свои прелести. В юности, когда ей лет пятнадцать или шестнадцать, она подобна гибкой иве, благоухающему цветку или весеннему дождю: телом чиста и непорочна, личиком гладка и нежна. В цветущем возрасте она подобна солнцу, сияющему в небесах, и луне, проливающей с высоты свой бледный свет... Когда же подступает старость и любовное чувство в ней ослабевает, к ней приходят мудрость и покой души. В такие годы она подобна выдержанному вину, или мандариновому пло-

ду, тронутому ранним инеем, или же многоопытному полководцу, постигшему все тайны военного искусства».

Современницей Танского кодекса (и его активной нарушительницей) была и знаменитая императрица У Цзэтянь — единственная в истории Китая женщина, принявшая титул «императора» и самовластно правившая страной. Она начала свою карьеру в гареме императора Тайцзуну в скромной роли младшей наложницы. Но ни незначительность ее положения, ни категорические запреты законодателей не помешали юной красавице соблазнить сына и наследника всемогущего владыки Поднебесной. Когда император скончался и его сын Гаоцзун вззошел на престол, он вызволил вдову своего отца из буддистского монастыря, куда ей пришлось отправиться по обычаю того времени. Вскоре, несмотря на противодействие закона, возмущенис приближенных и наличие у императора законной супруги, У Цзэтянь стала императрицей и родила новому мужу пятерых детей, а заодно и полностью захватила в свои руки реальную власть над Поднебесной. После смерти второго супруга вдова возвела на престол по очереди двух своих сыновей, но ни один из них не оправдал ее надежд, и вдовствующая императрица отстранила от власти их обоих и провозгласила «императором» самое себя.

У Цзэтянь активно насаждала в стране буддизм, но сама, вероятно, не чуждалась даосских сексуальных практик, по крайней мере, своими любовными похождениями она продолжала славиться и в старости. Возможно, именно пример императрицы У вдохновлял Вэй Юна при описании красавиц, подобных «выдержанному вину». Но это «вино» оказалось чересчур «выдержанным» даже с точки зрения китайцев. Знаменитой владычице Поднебесной было уже изрядно за семьдесят, когда она сделала своими любовниками сразу двух братьев из клана Чжан. Не известно, как долго могла бы продолжаться эта двойная связь, но после того, как императрице исполнилось восемьдесят, влияние братьев Чжан на их подругу все еще не ослабевало, и группа заговорщиков положила конец любовному треугольнику. Братья были убиты, императрица отстранена от власти, а на трон снова вззошел ее старший сын Чжунцзун.

Даосские сексуальные практики, применение которых доставляло некоторые хлопоты законникам эпохи Тан (да, впрочем, и более поздних эпох), стоят того, чтобы остановиться на них подробнее, тем более что эти практики в свою очередь налагали на своих последователей немало разнообразных и не всегда удобоисполнимых запретов.

Даосизм как философское учение начал складываться в Китае во второй половине эпохи Чжоу. Его основополагающий трактат «Дао дэ цзин» о сексе как таковом ничего не говорит, проповедуя лишь отказ от страстей и принцип «недеяния». Лао-цзы, которому традиция приписывает авторство этой книги, жил в шестом веке до н.э., был современником Конфуция, но, в отличие от учителя Куна, вопросами взаимоотношений полов не увлекался. В его великой книге есть лишь упоминание о том, что совершенный человек владеет «животворящей способностью», «не зная союза двух полов». Кроме того, некоторые исследователи считают, что описанные Лао-цзы взаимоотношения великого царства, названного «самкой Поднебесной», и маленького царства, из которых первое ставит себя ниже второго («Великому полагается быть внизу»), в метафорической форме представляют классическую сексуальную позу. Но авторам настоящей книги эта трактовка кажется несколько надуманной хотя бы потому, что Лао-цзы ставит самку ниже самца не в физическом смысле, а «по своей невозмутимости». Что же касается маленького царства, то оно, по мнению великого учителя, в свою очередь должно ставить себя ниже царства великого. В этой ситуации авторам настоящей книги не вполне понятно, кто же в конце концов оказывается сверху и в каком смысле. Поэтому они решительно не видят в данной главе никаких сексуальных аллюзий. Впрочем, даже если таковые и имеются, ни запретов, ни советов о том, как вести себя в постели, великий даос в своей книге не дает.

Однако последователи Лао-цзы с избытком восполнили этот пробел и, канонизировав мудреца, истоки своего учения возвели тем не менее к мифическому Желтому императору, который, если верить традиции, правил в XXVII веке до н.э. и имел тысячу двести женщин. От лица этого осно-

воположника китайской цивилизации ведется повествование в многочисленных даосских трактатах, посвященных сексу, — мудрый государь щедро делится с подданными своим опытом; от него не отстают и другие правители и мудрецы, боги и даже богини.

Впрочем, надо отметить, что сексуальные практики для даосов не были самоцелью, а служили достижению здоровья, долголетия, просветления и в пределе — бессмертия. Любовь, влюбленность, любование женской красотой — все это было в достаточной мере чуждо последователям Лао-цзы, этим занятиям и чувствам они если и предавались, то в частном порядке. Даосизм «искусству внутренних покоев» отводил скромное место между гимнастикой, дыхательными упражнениями и использованием разнообразных снадобий из киновари. Китайский мудрец Баопуцзы сказал:

«Хотя вкушение снадобий и является основой продления жизни, можно одновременно с ним заниматься и регуляцией пневмы (дыхательные упражнения. — *О. И.*), и польза от такой практики быстро возрастет. Если же нет возможности достать снадобья, тогда достаточно заниматься регуляцией пневмы, и, исчерпав эти методы до конца, можно достичь долголетия в несколько сот лет. Хорошо вкупе с этим знать и искусство внутренних покоев, поскольку те, кто не знают искусства инь и ян, часто терпят истощение сил и им трудно почерпнуть силы из занятий регуляцией пневмы».

Первый трактат, посвященный сексуальным практикам, был записан на сто одной бамбуковой планке на рубеже четвертого и третьего веков до нашей эры (по крайней мере, более древние документы, если и были, то не сохранились). Он озаглавлен «Десять вопросов» («Ши вэнь»), в нем мудрые государи и бессмертные мудрецы подробно обсуждают вопросы сексологии, причем во главу угла ставится запрет на расходование спермы:

«Если во время первого совокупления не расходуется сперма, то зрение и слух обретают зоркость и остроту. Если во время следующего совокупления сперма не расходуется, то голос становится ясным и громким. Если во время третьего совокупления сперма не расходуется, то кожа ста-

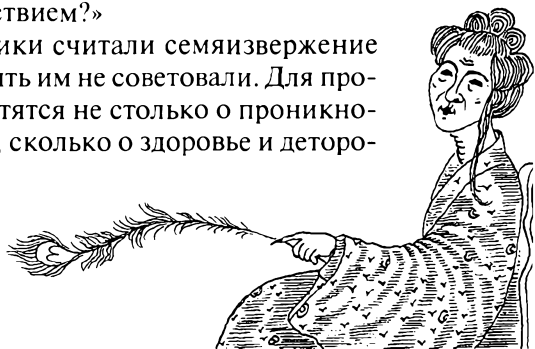
новится лучезарной. Если во время четвертого совокупления сперма не расходуется, то позвоночный столб и плечи укрепляются настолько, что их нельзя повредить. Если во время пятого совокупления сперма не расходуется, то ягодицы, область таза и ноги укрепляются. Если во время шестого совокупления сперма не расходуется, то все вены начинают хорошо сообщаться между собой. Если во время седьмого совокупления семя не расходуется, то долголетие может возрасти. Если во время девятого совокупления сперма не расходуется, то достигается проникновение в божественный разум».

В этом перечне авторы настоящей книги с удивлением обнаружили отсутствие совокупления под номером восемь. Но за полным незнанием китайского языка им пришлось удовлетвориться переводом (к сожалению, единственным ими найденным) этого текста на русский язык, в котором восьмое совокупление оказалось незаслуженно забытым (либо переводчиком, либо самими китайцами). Впрочем, хочется думать, что удержание семени в процессе восьмого акта столь же чудотворно, как и во время всех остальных.

Надо отметить, что, заботясь о «проникновении в божественный разум», даосские мудрецы о получении удовольствия от секса тоже не забывали. Легендарному Пэн Цзу был однажды задан вопрос: «Оргазм считается наивысшей степенью полового удовлетворения. А вы говорите, что следует избегать извержения. В чем же тогда удовольствие?»

Мудрец ответил: «Когда семенная жидкость исторгается, наступает усталость, в ушах начинает шуметь, глаза закрываются, в горле пересыхает, конечности расслабляются; пусть какое-то мгновение ты и испытываешь сильное удовольствие, в конце концов оно исчезает. Но если заниматься любовью без семяизвержения, сил будет в достатке, тело расслабитя и все чувства обострятся. Чем ты спокойнее, тем больше наслаждение. Ты никогда не устаешь: можно ли это не назвать удовольствием?»

Более умеренные наставники считали семяизвержение допустимым, но злоупотреблять им не советовали. Для простых смертных, которые заботятся не столько о проникновении в божественный разум, сколько о здоровье и деторо-

ждении, даосская медицина рекомендует две-три эякуляции на десять половых сношений. При этом подразумевается, что женщина (или женщины), с которой имеет дело последователь дао, должна испытать оргазм все десять раз. Весьма рекомендуется практика, при которой продвинутый даос удовлетворяет десять (в крайнем случае — восемь) женщин при одной непрерывно длящейся эрекции.

Интересно, что западная медицина одно время придерживалась сходной точки зрения на экономию спермы (хотя, в отличие от даосских учителей, европейцы рекомендовали не акт без эякуляции, а воздержание от акта). Бытовало мнение, что количество семени, которым обладает мужчина, ограничено; было даже подсчитано, что его хватает в среднем на 5400 эякуляций. Эта точка зрения благотворно сказалась на состоянии европейской нравственности XIX — начала XX века, заставив донжуанов вместо секса заняться математикой. Несложный подсчет показывал, что, если исходить из данной посылки, три половых акта в неделю могут исчерпать возможности обыкновенного человека годам к шестидесяти. Особо озабоченные мужчины обзаводились записными книжечками, в которых вели подробную бухгалтерию. Но в конце концов стало ясно, что к старости ситуация у тех, кто экономил сперму, и у тех, кто пускался во все тяжкие, если и различалась, то отнюдь не так, как предрекали медики. В двадцатом веке возобладала теория о том, что возможности каждого человека индивидуальны, просчитать их заранее невозможно, да и не нужно, и большинство мужчин не успевают исчерпать своих резервов к тому времени, когда у них начинаются проблемы с потенцией. Но в последние годы некоторые медики вновь стали возвращаться к вопросу об ограниченности резервов семени... Так что точек зрения на этот счет много, и даосские рекомендации по удержанию спермы, во всяком случае, не хуже прочих, хотя бы потому, что проверены тысячелетним опытом.

Некоторые даосские тексты, предвосхищая советы медиков двадцатого века, тоже рекомендовали индивидуальный подход к проблеме «кончать или не кончать». Так, «Канон Чистой девы», в котором знаменитый Желтый император

беседует с божеством о тайнах секса, в некоторых случаях позволяет до двух эякуляций в день.

«Желтый император обратился с вопросом к Чистой де-ве: “Следуя по пути-дао, надо стремиться не потерять се-мя и ценить телесную жидкость. Ну, а если ты стремишься к рождению сына, то позволяется ли изливать семя?” Чи-стая дева отвечала: “Люди бывают могучие и слабые телом, по возрасту разделяясь на старых и молодых. И каждый в за-висимости от личностных характеристик дыхания-ци и си-лы не должен слишком напрягаться, достигая оргазма. Ибо, если оргазм достигается чрезмерным напряжением, это обя-зательно наносит вред организму. Поэтому, когда мужчи-не пятнадцать лет и тело у него крепкое, он может кончать два раза в день, а когда в этом возрасте организм слабый — один раз в день. В двадцать лет при крепком сложении мож-но кончать два раза в день, а при слабом здоровье — один раз в день. В тридцать лет при крепком здоровье можно кон-чать один раз в день, а при плохом состоянии — один раз в два дня. В сорок лет при крепком здоровье можно кон-чать один раз в три дня, а при слабом здоровье — один раз в четыре дня. В пятьдесят лет при крепком здоровье мож-но кончать один раз в пять дней; если же сил мало — лишь один раз в десять дней. В шестьдесят лет при хорошем здо-ровье можно кончать один раз в десять дней; а если сил ма-ло — лишь один раз в двадцать дней. В семьдесят лет при хо-рошем здоровье можно кончать один раз в тридцать дней, а при слабом — вообще нельзя кончать”».

Надо отметить, что даосы, даже настаивая на экономии спермы, были категорическими противниками полового воздержания. Считалось, что и старые девы, и холостяки «нарушают свой долг перед последующими поколениями», от чего у них безнадежно портится дыхание-ци. Известен следующий диалог между Желтым императором и божест-венной Чистой девой:

«Хуан-ди спросил у Чистой девы: “Ныне я хочу долго воз-держиваться от совокупления. Это можно?” Чистая дева от-ветила: “Нельзя. Небо и Земля то открываются, то затворя-ются, силы инь-ян следуют четырем сезонам. Если ныне вы хотите воздерживаться от совокупления, то ваши дух

и пневма не раскроются в полной мере, силы инь-ян замкнутся в себе и разъединятся”».

Пэн Цзу на вопрос о том, следует ли «мужчине шестидесяти лет сохранять семя и оставаться одиноким», ответил: «Нет, мужчине не следует быть без женщины, потому что в этом случае он становится возбужденным; затем его дух утомляется, а это в свою очередь ведет к сокращению жизни». Правда, мудрец допускал, что некоторые мужчины могут сохранить устойчивость духа, несмотря на воздержание, — таковым целибат не противопоказан. Но подобное совершенство, по словам Пэн Цзу, встречалось лишь у одного из десяти тысяч. Что же касается мужчин менее совершенных, то им воздержание угрожало «кровотечениями, неприятными ощущениями при мочеиспускании и приступами болезни, называемой “прелюбодеяние со злыми духами”». На последнем подвижник останавливается особо:

«“Прелюбодеяние со злыми духами” возникает, когда не происходит сочетания инь и ян, а мужчина охвачен пылким желанием. Тогда тебя заставляют совокупляться злые духи в образе людей. И это возбуждает гораздо сильнее, чем сношения с простыми смертными: в результате человека охватывает неприличная страсть, которую он пытается скрыть, потому что не смеет в ней признаться, но в то же время наслаждается ею. В конце концов она губит тебя, и ты умираешь в одиночестве, так что никто об этом и не знает».

Впрочем, несмотря на всю злокозненность «злых духов», лечение от болезни имелось, причем достаточно приятное, хотя и нелегкое:

«Способ лечения: мужчина должен непрерывно — и днем, и ночью — иметь сношения с женщиной, не допуская семяизвержения. Не останавливаться ни на минуту. Таким образом даже в серьезных случаях можно вылечиться за семь дней. Если мужчина устает, ему просто следует глубоко ввести член и замереть. Это тоже хороший способ. Если ты не способен вылечиться, то умрешь через несколько лет».

Примерно с шестого века н.э. даосы, по примеру буддистов, начинают организовывать свои монастыри. Семейная жизнь, естественно, была несовместима с монашеством.

Что же касается секса, то он настолько прочно вошел в канон даосизма, что достижение совершенства, не говоря уж о бессмертии, без него виделось весьма затруднительным. Монахи открыто посещали публичные дома, а куртизанки изучали трактаты даосских мудрецов, дабы наилучшим образом обслужить клиентов, рвущихся в Обитель Бессмертных. Правда, наиболее последовательные даосы, не отказавшись от полового акта как такового, научились производить его в одиночестве, внутри своего тела, пребывая в это время в глубокой медитации. Про одного из знаменитых даосских мудрецов, по имени Люй Дунбинь, рассказывали следующее.

«В Лояне жила куртизанка по имени ЯнЛю. Она считалась самой прекрасной женщиной в городе. К ней любил похаживать даосский монах. Он часто дарил ей роскошные подарки, но никогда не ложился с ней в постель. Однажды ночью, будучи пьяной, она попыталась соблазнить его. Монах сказал ей: “Растущие инь и ян соединяются в моем теле. Они любят друг друга подобно мужчине и женщине, и я уже забеременел; вскоре собираюсь родить ребенка: как же я могу еще и с тобой заниматься любовью? Более того, да позволено мне будет сказать тебе, что заниматься любовью внутри самого себя бесконечно приятнее, чем делать это с кем-либо посторонним”. И с этими словами монах, не кто иной, как Люй Дунбинь, исчез».

Впрочем, «любовью внутри самого себя» умели заниматься далеко не все даосы, поэтому при некоторых храмах для просветления паствы устраивались ритуалы по «истинному искусству выравнивания ци». Церемонии эти были, по преданию, учреждены семейством знаменитых подвижников Чжанов во втором веке н.э. Проводились они по окончании поста, в ночь новолуния или полнолуния. После коллективного танца под названием «сражение дракона и тигра» в храме устраивалось столь же коллективное любовное сражение, причем по ходу дела продвинутые даосы обучали своему искусству неопитов. Правда, начиная с V–VI веков как аскетически настроенные буддисты, так и стыдливые конфуцианцы начали бороться с такими радикальными методами просветления (хотя это их напрямую и не каса-

лось и они «лезли со своими уставами в чужой монастырь» в буквальном смысле слова). В конце седьмого века общественные праздники «выравнивания ци» прекратились, однако частные лица продолжали практиковать их вплоть до двадцатого века.

Помимо решения радикальных вопросов о сексе вообще и семяизвержении в частности, даосизм предлагает еще огромное множество рекомендаций и ограничений по вопросам более частным. Так, если даос решался потерять драгоценное семя с целью деторождения, эта простая, казалось бы, процедура обставлялась множеством трудновыполнимых условий. Например, Желтый император, по свидетельству даосских авторов, советовал следить, чтобы момент зачатия ребенка не совпал с одним из девяти вредных явлений, или «девяти зол».

«Если ребенка зачинают в полдень, то, рождаясь, он мучается от сильной рвоты и удушья. Это первое зло. Если ребенка зачинают в полночь, то есть в момент, когда прекращается сообщение между небом и землей, ребенок рождается или немым, или глухим и слепым. Это второе зло. Если ребенка зачинают во время солнечного затмения, то он родится с повреждениями мышечных тканей тела. Это третье зло. Если ребенка зачинают во время грозы, когда гремит гром и сверкает молния, то есть небо гневается, показывая свою мощь, то он легко впадает в состояние бешенства. Это четвертое зло. Если ребенка зачинают во время лунного затмения, то он принесет несчастье и себе, и матери. Это пятое зло. Если ребенка зачинают во время появления радуги, то во всех делах его будет преследовать неудача. Это шестое зло. Если ребенка зачинают в дни зимнего или летнего солнцестояния, то своим рождением он принесет несчастье отцу и матери. Это седьмое зло. Если ребенка зачинают в дни первой или третьей четверти лунного месяца или на полнолуние, то в будущем он будет служить в мятежных войсках и совершать опрометчивые поступки. Это восьмое зло. Если ребенка зачинают в состоянии опьянения или после обильного пиршества, то он будет страдать от падучей болезни, чирьев, геморроя, язв. Это девятое зло».

Чистая дева добавила к этому дополнительное требование о том, что зачатие должно совершаться «не раньше, чем через три дня после менструации, во время после полночи, но до петушиного крика».

Другие авторы не рекомендуют зачатие на полный желудок, сразу после купания (ребенок «непременно будет неполноценным»), сразу после мочеиспускания (ребенок «непременно станет оборотнем»), при зажженном светильнике (ребенок «непременно умрет от ран в людном месте») и после тяжелой работы (ребенок «непременно будет хилым и увечным»). Опасно и совокупление на закате дня 12-го лунного месяца. «В такие вечера сто чертей встречаются вместе и до полночи не знают покоя. Благородные люди воздержатся от близости в это время, низкие же люди бездумно совокупаются, а их дети непременно будут глухими».

Соитие, независимо от того, предполагалось зачатие или нет, запрещалось в первый и последний дни лунного месяца, дни начала первой и третьей четверти луны, полнолуние, в определенные дни шестидесятеричного цикла, «в дни лунного затмения и когда дует сильный ветер, идет ливень, происходит землетрясение, гремит гром, сверкает молния, стоит сильный холод или сильная жара, в дни наступления весны, осени, зимы и лета, в течение пяти дней свадебного ритуала». Особенно важно было соблюдать эти запреты в год, совпадающий по знаку с годом рождения. Кроме того, соитие было противопоказано «после мытья головы, в состоянии усталости после далекого путешествия и при сильной радости или сильном гневе».

Нарушение некоторых запретов было чревато серьезными опасностями. Так, Чистая дева указывала: «В шестнадцатый день пятой луны происходит соединение женской и мужской сущности неба и земли. В этот день нельзя совершать соитие. И если нарушишь запрет, то не пройдет и трех лет, как поплатишься смертью».

Пэн Цзу различал три вида сексуальных запретов: запреты неба, запреты человека и запреты земли. К первым он относил требования избегать секса при определенных природных условиях: в большие морозы или в сильную жару,

при сильном ветре или сплошном ливне, во время лунного или солнечного затмения, при землетрясении или в грозу. Ко вторым мудрец отнес запрет на любовь между пьяными, наевшимся, разгневанным, печальными или устрешенными людьми. И наконец, к «запретам земли» Пэн Цзу отнес запрет на занятия любовью «близ гор и потоков, около алтарей, предназначенных для поклонения духам неба и земли, в других святых местах, у колодца или очага». Мудрец предостерегал, что нарушитель «будет подвержен болезням, а дети его наверняка долго не проживут». Но зато тем, кто следовал его рекомендациям, Пэн Цзу обещал: «Мужчина в возрасте 80 лет может иметь сношения с женщиной 15–18 лет и зачать детей. Если не нарушены запреты, то все дети доживут до преклонного возраста. У женщины 50 лет должен быть молодой муж, тогда она сможет зачать».

Правда, Пэн Цзу, в отличие от некоторых других даосов, все же не верил в безграничные возможности «искусства внутренних покоев» и, будучи реалистом, предупреждал своих учеников, что «если мужчина обзаводится детьми после того, как ему исполнилось сто лет, то многие из них не будут отличаться долголетием». Впрочем, это предостережение само по себе уже говорит в пользу даосской сексологии.

Несмотря на то что Пэн Цзу предлагал пятидесятилетним женщинам рожать от молодых мужей, самим мужчинам он не рекомендовал любить дам бальзаковского возраста. Он говорил: «Возраст женщины, с которой вступаешь в интимную связь, не должен превышать 30 лет. Если же ей еще нет 30, но она уже рожала, то пользы от такой женщины быть не может. Об этих принципах поведал мне мой учитель, доживший до трех тысяч лет и сохранивший радость жизни. Следуя этим правилам, можно достичь бессмертия».

Учитель Разливающаяся Гармония привел подробное описание женщин, совокупление с которыми возбранялось истинному даосу:

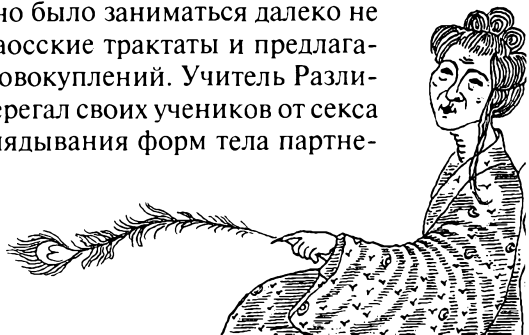
«Внешние признаки неподходящей женщины таковы: растрепанные волосы, грубое лицо, длинная шея и выпирающий кадык, неровные зубы и низкий голос, большой рот и длинный нос, мутные глаза, длинные волосы на верх-

ней губе и бакенбарды на щеках, широкие и выпирающие кости, желтоватые волосы и худоба, длинные и жесткие волосы в паху... Половые сношения с такими женщинами лишают мужчину сил и здоровья».

Далее учитель не рекомендует связи с женщинами, у которых грубая кожа, волосатые ноги, непослушные волосы, холодное тело, плохой запах под мышками и чрезмерные выделения из влагалища. Возбраняются связи с фригидными, больными, грустными и плотно наевшимися партнершами. В этом же списке оказались (по причинам, кои авторам настоящей книги неведомы) и партнерши кудрявые. Не обойдены вниманием душевные и интеллектуальные качества: учитель порицает связи с женщинами ревнивыми, недобрыми и чрезмерно образованными, а также с теми, кто имеет «склонность к мужчинам низкого происхождения». Но зато, в отличие от Пэн Цзу, Учитель Разливающаяся Гармония более лояльно относился к дамам бальзаковского возраста, ограничивая допустимые связи лишь с теми, «кому более сорока лет».

Встречались и другие критерии. Так, в книге «Тай цин цзин» говорится, что при определении качеств женщины следует тщательно рассмотреть волосы у нее на лобке: «они должны быть мягкими и блестящими» и должны расти в нужном направлении. Если же это условие не соблюдено и тем более если к нему присоединяется волосатость рук и ног, то «одно соитие с такой женщиной в сто раз вреднее, чем одно совокупление с женщиной, непригодной по другим признакам». Особо опасными для мужчин названы «женщины, обладающие слишком длинным клитором, который сокращается или увеличивается вместе с фазами луны, равно как прочие гермафродиты...». Кроме того, книга предостерегает от связей с рыжими женщинами, поскольку они «не принесут мужчине никакой пользы».

Но и с теми женщинами, которые не были отбракованы дотошными учителями, можно было заниматься далеко не всеми видами любви, хотя даосские трактаты и предлагают бесчисленные варианты совокуплений. Учитель Разливающаяся Гармония предостерегал своих учеников от секса с открытыми глазами и разглядывания форм тела партне-

ра. Он уверял, что это ведет «к потере зрения и ослаблению чувств», особенно если нарушители после близости еще и начнут читать книги при свете лампы. Впрочем, мудрец предлагал и нехитрый способ лечения: «интимную близость ночью с закрытыми глазами».

Нежелательными, с точки зрения Учителя Разливающаяся Гармония, были и некоторые позиции. Так, поза, при которой женщину «кладут на живот и, поддерживая ее за талию, входят в нее сзади», могла привести «к ломоте в пояснице, натужности в животе, усталости в ногах, искривлению спины». А совокупление лежа на боку, когда партнершу обнимают обеими руками, приводило, по мнению учителя, к закупорке сосудов. Впрочем, в обоих этих случаях для того, чтобы вылечиться, достаточно было принять классическую позу и «забавляться, вытянувшись всем телом». Вообще, Учитель Разливающаяся Гармония не баловал своих учеников разнообразием рецептов, уверяя, что «такого рода болезни можно вылечить посредством совокупления же, подобно тому, как похмелье лечится вином».

Учитель Дун Сюань, в отличие от Учителя Разливающаяся Гармония, не накладывал ограничений на какие-либо позы, напротив, он призывал своих последователей к возможному разнообразию. «Тщательные изыскания», проведенные дотошным учителем, привели его к мысли, что «для совокупления существует не более тридцати поз», которые, если не вдаваться в мелкие отличия, «исчерпывают все существующие возможности». Для того чтобы подрастающее поколение не упустило ни одну из этих возможностей, учитель пунктуально перечислил их все. Наиболее простые и известные любому неопиту, такие, как «Выставленные жабры» или «Рог единорога», он привел списком. Более изысканные, такие, например, как «Утки-мандаринки», «Бамбук близ алтаря», «Козел перед деревом», «Ослы в третью весеннюю луну» и «Собаки в девятый день осени», описаны подробнее. Не обойдены вниманием и позы, в которых участвуют сразу трое: «Танец двух самок феникса» и «Кошка и мышка в одной дыре». Дун Сюань приводит и вариант, в котором одна из женщин помогает мужчине удовлетворить вторую, а вто-

рая тем временем удовлетворяет первую. Это называется «Птица в зарослях».

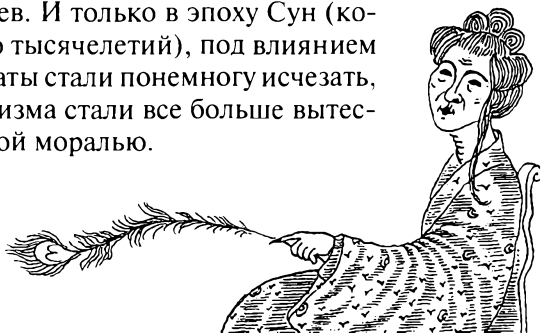
Учитель Дун Сюань описал и разнообразные виды движений во время соития. Наставник подчеркивает, что «каждое из них следует применять в нужный момент, а не ограничиваться только одним, которое больше всего нравится». Причем все это разнообразие следует применять в строгом соответствии с компасом, календарем и часами:

«Что же касается ориентации тела по сторонам света и благоприятного времени при сексуальном союзе, то они таковы. Весной: лежать головой к востоку. Летом: лежать головой к югу. Осенью: лежать головой на запад. Зимой: лежать головой на север. Положительные, то есть нечетные, дни месяца благоприятные. Отрицательные, то есть четные, дни месяца пагубны для полового акта. Положительные часы, то есть от часа утра до полудня, благоприятные. Отрицательные часы, то есть от полудня до одиннадцати вечера, пагубны для полового акта».

По поводу допустимого возраста партнеров у Дун Сюаня была своя точка зрения на вопрос: «Если мужчина вдвое старше женщины, то их совокупление пойдет женщине во вред. Если женщина вдвое старше мужчины, их совокупление пойдет мужчине во вред».

Даос по имени Зеленый Буйвол считал крайне нежелательной супружескую верность, в ней он видел опасность для обоих супругов. Мудрец заявил: «Если постоянно менять женщин, то для мужчины будет огромная польза. Лучшее всего, если за одну ночь он сменит более десяти женщин. Если же все время совокупляться с одной и той же, то жизненная энергия такой женщины иссякнет и она не сможет быть полезной для мужчины. Более того, и сама женщина окажется изможденной».

В течение многих столетий даосские трактаты по «искусству внутренних покоев» были неотъемлемой частью повседневной культуры китайцев. И только в эпоху Сун (конец первого — начало второго тысячелетий), под влиянием неоконфуцианства, эти трактаты стали понемногу исчезать, а эротические традиции даосизма стали все больше вытесняться строгой конфуцианской моралью.

Вообще говоря, конфуцианская мораль в Китае начала распространяться уже при жизни самого учителя Куна, то есть в шестом—пятом веках до н.э., — Конфуций и Лао-цзы были современниками. В каком-то смысле мораль эта даже предшествовала самому Конфуцию — ведь он был ревнителем старины и не столько внедрял новые нравы, сколько пытался упрочить старые. В течение долгих веков конфуцианство и даосизм, а позднее и буддизм сосуществовали в достаточной степени мирно. Поскольку истины, провозглашаемые Конфуцием, являлись скорее не религией, а этико-политическим учением, китайцы не видели никакого противоречия в том, чтобы следовать пути дао или поклоняться Будде, выполняя при этом в семейной и общественной жизни заветы учителя Куна. Но с даосским отношением к сексу добродетельные конфуцианцы никак не могли согласиться. Впрочем, и здесь противоречия нельзя назвать полностью непримиримыми: ведь конфуцианцы отнюдь не выступали за воздержание, напротив, они считали семью (включая законных наложниц) важнейшей ячейкой общества, а рождение многочисленных детей (прежде всего мальчиков) — важнейшей обязанностью членов этой ячейки. При этом конфуцианцы отлично понимали, что детей без секса не родишь, и вынуждены были с этим сообразовываться.

Центральная книга конфуцианского канона «Ли цзи», приписываемая в основном самому Конфуцию и его ближайшим ученикам (но включающая и несколько более поздние тексты), устанавливает строжайшую очередность посещения мужем своих жен и наложниц и должную частоту совокуплений с каждой из них. Так, с наложницей, не достигшей пятидесятилетнего возраста, супруг обязан был совокупляться раз в пять дней. Только трехмесячный траур по родителям давал мужу право на передышку. А отказ от супружеских обязанностей дозволялся конфуцианцам лишь по достижении семидесятилетнего (в некоторых текстах — шестидесятилетнего) возраста. Однако, уступая необходимости иметь детей, Конфуций, а вслед за ним и его последователи женщин и все, что с ними связано, не жаловали и никаких вольностей ни им, ни с ними даже в постели не

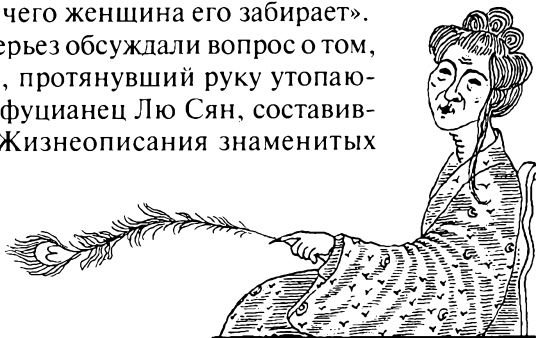
дозволяли. Входя на женскую половину, мужчина должен был соблюдать сдержанность — ему не следовало напевать или делать какие-либо жесты руками. Даже в моменты интимной близости мужу и жене запрещалось называть друг друга по имени. Конечно, эта непростительная фамильярность возбранялась и за пределами спальни. Впрочем, за пределами спальни добрые конфуцианцы со своими женами почти не виделись — на этот счет «Ли цзи» дает четкие предписания:

«...Мужчины живут во внешних покоях, а женщины — во внутренних. Последние пребывают в задней части дома, двери в них запираются на ключ и охраняются евнухами. Без уважительной причины мужчины туда не заходят, а женщины оттуда не выходят. Мужчина и женщина не пользуются одними и теми же вешалками. Жена не должна вешать свои одежды на подставку мужа; она не может положить их и в один ящик с ним. Муж и жена никогда не моются вместе...»

Не то что мыться, даже ходить к одному и тому же колодецу мужчинам и женщинам возбранялось. Если же супругам вынужденно приходилось направляться куда-то вместе, они должны были идти по разным сторонам улицы: мужчина по правой, а женщина по левой. Поскольку супружеское ложе предполагает большую близость между людьми, чем колодец или улица, то и оно, естественно, оказалось под запретом: «Муж и жена не делят одну и ту же спальную циновку». Даже касаться друг друга пальцами мужчинам и женщинам запрещалось.

«За исключением тех случаев, когда они принимают участие в жертвоприношениях или погребальных церемониях, мужчина и женщина не передают ничего из рук в руки. Если мужчина что-то подает женщине, она должна принимать это на бамбуковом подносе, если же такового не оказывается под рукой, то мужчина и женщина приседают, мужчина кладет предмет на пол, после чего женщина его забирает».

Конфуцианские ученые всерьез обсуждали вопрос о том, хорошо ли поступил человек, протянувший руку утопающей женщине. Писатель-конфуцианец Лю Сян, составивший в первом веке до н.э. «Жизнеописания знаменитых

женщин», с восторгом писал о Бо-цзи, вдове сунского правителя Гун-гуна. Когда во дворце случился пожар, Бо-цзи отказалась покинуть горящее здание, поскольку ее доверенная служанка где-то задержалась, а женщине неприлично было выходить из дома без сопровождения «мамки». Бо-цзи сгорела, ее служанка сложила о своей добродетельной госпоже скорбную песню, а через пять веков Лю Сян вдохновился ее «подвигом» и увековечил его в своей книге.

Другая рассказанная Лю Сяном история о знаменитой женщине окончилась благополучно. Впрочем, трагизма, который предшествовал счастливой развязке, авторам данной книги, видимо, постигнуть не дано, и им остается лишь поверить конфуцианскому писателю на слово. Суть драмы сводилась к тому, что философ пятого века до н.э. Мэн-цзы из Цзоу (известный в европейской литературе как Менций), «войдя однажды в покои жены, застал ее неодетой». Вопиющее неприличие случившегося настолько поразило тонкую душу философа, что он, в нарушение всех конфуцианских норм (впрочем, канон «Ли цзи» тогда еще окончательно не сложился), «перестал приходить к жене». Оскорбленная супруга, чьи права были таким образом попраны, обратилась к свекрови с просьбой о разводе. Развод был в Китае делом редким и ложился несмываемым пятном на репутацию женщины, но другого выхода из сложившейся ситуации жена философа не видела. Существование семьи оказалось под угрозой, но, к счастью, «мать Мэна знала, что такое приличия». Она призвала сына к себе и сказала ему:

«Приличия требуют, прежде чем войти в дверь, спросить, кто в доме. Тогда будешь достоин уважения. Прежде чем войти в зал, надо громко оповестить об этом, чтобы предупредить людей. Прежде чем войти в ворота, надо непременно осмотреться: не застанешь ли кого-нибудь врасплох. А мой сын, не разобравшись в приличиях, требует приличий от других. Как это далеко от правильного поведения!»

Тогда Мэн-цзы понял, что сам виноват в своей драме, «попросил прощения и уговорил жену остаться». Эта незатейливая, с точки зрения авторов настоящей книги, история четыре века спустя произвела на сурового конфуцианца Лю Сяна такое сильное впечатление, что он с восторгом

описал замечательную свекровь, которая смогла найти выход из безнадежного семейного конфликта.

Несмотря на все противоречия между конфуцианством и даосизмом, в течение многих веков оба учения более или менее мирно сосуществовали, в том числе в спальнях и гаремах жителей Поднебесной. Но в двенадцатом веке философ и политический деятель Чжу Си укрепляет позиции конфуцианства, а заодно и наносит решительный удар по даосской сексологии. Вскоре неоконфуцианство становится официальной идеологией сунского Китая, а писатели начинают сочинять трактаты, в которых доказывают аморальность, бесполезность и даже вредность и опасность даосских сексуальных практик.

Сунский автор Цзэн Цао писал: «Я раздобыл книгу “Жу яо цзин” учителя Цуя, который объясняет “сражение” при плотском общении с женщинами... Прочтя такое, я преисполнился омерзения и спросил себя: неужели учитель Цуй на самом деле такое говорил? Насколько мне известно, мудрецы древности такими делами не занимались».

Судя по многочисленным и весьма вдохновенно написанным даосским текстам, мудрецы древности, вопреки Цзэн Цао, «такими делами» все-таки занимались, причем весьма успешно. Тем не менее, несмотря на крайнее почтение конфуцианцев к древним мудрецам, к концу тринадцатого века все, что имело отношение к сексу, стало строго табуированным. Под запрет попало даже столь невинное животное, как черепаха, поскольку ее голова на вытянутой шее напоминает мужской половой орган, а в ее привычке втягивать голову под панцирь усмотрели аналогию с мужем, который закрывает глаза на распутство жены. Само слово «гуй» — черепаха — стало запретным, исчезли имена, в которые входил иероглиф «гуй», печати и предметы, на которых было изображено «непристойное» животное, вышли из употребления. Жители провинции Чжэцзян пошли еще дальше и в порядке местной инициативы прекратили использовать слово «утка», поскольку считали, что эти птицы размножаются гомосексуальным путем.

В Поднебесной получают распространение так называемые «Таблицы достоинств и прегрешений» — списки хо-

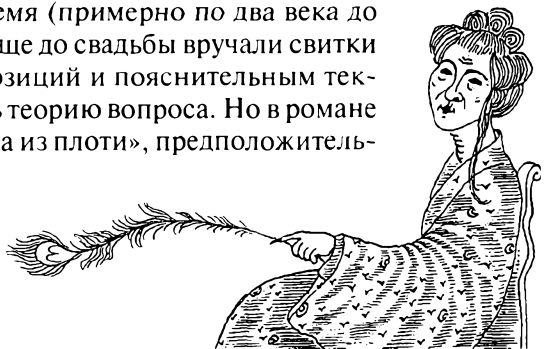
роших и дурных поступков, каждый из которых оценен некоторым количеством баллов. С помощью несложной математики китаец теперь мог подвести баланс и вычислить уровень своей нравственности. Элементы разных религий могли переплетаться в этих таблицах самым причудливым образом, но по сути они носили сугубо конфуцианский характер. До наших дней дошел, например, текст, озаглавленный «Список заслуг и прегрешений в отношении десяти буддийских заповедей». Разделы трактата действительно совпадают с заповедями, регулирующими жизнь буддистов. Но авторство его совершенно неожиданно приписывается жившему в девятом веке даосскому монаху Люй Яню (он же Люй Дунбинь), который, как мы уже писали выше, прославился тем, что посещал куртизанку, занимался любовью «внутри самого себя», в конце концов обрел эликсир бессмертия и вознесся на небо. После этого примечательного события даосы опубликовали под именем знаменитого подвижника многочисленные эротические сочинения. Но конфуцианцы, по-видимому, тоже решили воспользоваться авторитетом выдающегося небожителя и приписали ему трактат, содержание которого категорически противоречит основным принципам даосской сексологии, а заодно и образу жизни самого Люй Дунбиня. Трудно представить, чтобы друг Ян Лю, прекрасной куртизанки, карал «общение с приятелями, пристрастными к проституткам». Тем не менее в «Списке заслуг и прегрешений» это деяние приносит пятьдесят штрафных баллов. Таким же количеством баллов таблица карает «содержание слишком большого числа жен и наложниц», столь любезное даосам, но неуместное с точки зрения конфуцианцев. Чтение «романов и прочих низкопробных произведений» наказуется пятью баллами. За «хранение в рукавах эротических рисунков» полагается по десять баллов за каждый рисунок. Такой же штраф полагается за «чтение стихотворений, пробуждающих глубокие страсти», но баллы не начисляются, если это делается «с воспитательными целями».

Второй текст, столь же безосновательно приписываемый неповинному Люй Дунбиню, называется «Таблица достоинств и прегрешений для предупреждения миру».

Автор таблицы однозначно показывает, что в вопросах пола никаких вольностей поощрять не намерен. Так, «выказывание предпочтения какой-то одной жене или наложнице» карается пятьюстами баллами — так же, как поджог чужого дома. Этот же штраф причитается за один лишь помысел о том, чтобы сделать своей наложницей вдову (напомним, что браки с наложницами носили абсолютно законный и приличный характер). Для сравнения: убийство или изнасилование оценивались в тысячу баллов, то есть мужчина, выказавший предпочтение одной из своих жен и допустивший греховные мысли по поводу молоденькой вдовицы, приравнялся, с точки зрения высокоморальных конфуцианцев, к убийце. К нему же приравнялся создатель эротических книг и песен — ему тоже причиталась тысяча штрафных баллов.

Читая злополучную таблицу, авторы настоящей книги смутились и задумались над тем, является ли их труд эротическим произведением и начислят ли им последователи учителя Куна (буде таковые его прочтут) штрафную тысячу. В этих сомнениях их утешило лишь то, что ответственность разделят с ними и художник книги (тысяча баллов за «создание... эротических картинок»), и сотрудники издательства — за издание эротических книг полагается все та же пресловутая тысяча баллов.

Обе таблицы, кому бы ни приписывалось их авторство, были составлены, с точки зрения современных китаистов, не раньше конца тринадцатого века, в эпоху победившего неоконфуцианства, а опубликованы в шестнадцатом веке, уже в правление династии Мин. К этому времени даосские книги по «искусству внутренних покоев» уже числились в списках запрещенной литературы. С приходом к власти в середине XVII века маньчжурской династии Цин строгости усилились. То, что раньше входило в круг общей культуры, теперь стало достоянием избранных эстетов. Известно, например, что в ханьское время (примерно по два века до и после рубежа эр) невестам еще до свадьбы вручали свитки с изображением основных позиций и пояснительным текстом, дабы они могли изучить теорию вопроса. Но в романе семнадцатого века «Подстилка из плоти», предположитель-

но написанном его издателем, по имени Ли Юй, описывается уже совершенно другая ситуация с половым просвещением невест.

Девушка Юйсян, несмотря на то что она была дочерью «истинного последователя пути дао», до свадьбы читала только «серьезные книги, вроде “Повествования о женщинах-героинях” или “Канона о дочерней почитательности”». Такой пробел в воспитании не замедлил сказаться после свадьбы: когда молодой муж, по имени Вэйян, просил супругу снять одежды при свете дня, она «тотчас поднимала крик, будто над ней собирались учинить насилие». Но и по ночам Юйсян не слишком радовала своего супруга.

«В супружеской жизни молодая жена предпочитала путь Золотой середины, то есть давно проторенный, упорно отвергая все новые и тем более неожиданные тропинки. На просьбу мужа “добыть огонь за рекой” она заявляла, что поворачиваться к мужу спиной ей-де неприлично. Когда он заводил разговор об “увлажнении влагой горящей свечи”, она ему говорила, что супругу, мол, так будет не слишком удобно. Если Вэйян предлагал ей закинуть ножку повыше к плечам, она уверяла, что это требует от нее больших усилий. Когда приходила минута блаженства, Юйсян никогда не стонала от счастья, как обычно это делают другие женщины (“Ох, смерть моя наступила!”), этим самым помогая мужу в ратном деле и укрепляя силы его духа. Юйсян не издавала ни единого звука, будто была немая. Видя, что ее ничем не проймешь, молодой муж весьма огорчился и даже впал в отчаяние».

В конце концов для того, чтобы пробудить чувственность супруги, Вэйян покупает в лавке альбом эротического содержания. Сначала Юйсян, воспитанная, как и все женщины ее времени, на конфуцианской литературе, была возмущена: «Откуда попала сюда эта мерзкая книжка? Она оскверняет чистоту женских покоев!.. Ни за что не поверю, что подобные дела можно назвать приличными!» Но, познакомившись с альбомом поближе, молодая супруга не смогла устоять против соблазнительных картинок, снабженных не менее соблазнительными подписями. Например, такими, как изображение и описание позы «Голодный иноходец рвется к кормушке»:

«Дева, возлегли на ложе, крепко обнимает возлюбленного, будто хочет привязать его к себе невидимой вервью. Он же, приняв на плечи ее ножки, устремляет нефритовый пест в глубины инь, нисколько не отклоняясь от намеченного пути. Влюбленные уже приблизились к вершине блаженства. Полузакрытые очи устремлены друг на друга, и ловят возлюбленные один другого устами, будто намерены проглотить язычок».

Дело закончилось полной победой даосской практики над конфуцианской теорией. Юйсян не устояла против «Голодного иноходца», равно как и против «Шального мотылька, ищущего аромат»; позднее полюбила она и «Пути обратного увлажнения свечи», и «Добывание огня за горой». После чего вдохновленный муж «купил в лавке много новых книг (не меньше двух десятков), в которых рассказывались истории о “ветре и луне”». Книги эти он разложил на столе так, чтобы жена почаще на них натыкалась, конфуцианские же трактаты, «связав в один тук, убрал подальше».

Из этого текста видно, что, несмотря на запрет, наложенный властями на эротическую литературу, достать ее можно было без особого труда (по крайней мере, в семнадцатом веке). Подобным же образом обстояло дело и с созданием эротических произведений. При династии Мин, несмотря на все старания авторов «Таблиц достоинств и прегрешений», Китай пережил подлинный расцвет порнографического романа. Правда, при следующей династии, Цин, ужесточившей цензуру, эти книги в основном были уничтожены и сохранились либо в японских переводах, либо у редких коллекционеров. Но зато во множестве сохранились гравюры эпох Сун, Юань, Мин и Цин (то есть с середины десятого до начала двадцатого века), на которых изображены весьма пикантные, с точки зрения европейцев, сцены. Например, при любовном акте очень часто присутствуют служанки — они читают вслух стихи, поглаживают своих хозяев или же подносят им освежающие напитки. Иногда служанку или наложницу могли использовать в качестве подушки или подставки, как это показано на альбомных картинках и свитках девятнадцатого века. И если изображения тако-

го рода в последние четыре века считались неприличными, то сами сцены эти были для китайцев делом обычным: за-прещая книги, государство не заглядывало в постель своим подданным, и те продолжали практиковать даосские сексуальные методы, передавая их из поколения в поколение. При «продленном сношении», которое могло затянуться на полночи (или дня), трудно обойтись без напитков, да и чтение стихов может скрасить долгие часы даосской практики. Люди занятые — правители, чиновники, торговцы, — случалось, принимали в это время посетителей. В романах и в придворных записях часто упоминается, как чиновник проводит совещание или подписывает бумаги, не отрываясь от женщины. Люди более легкомысленные могли заниматься сексом на свежем воздухе, например в саду, принимая к сведению комментарии прохожих и пикируясь с ними через невысокую ограду.

Впрочем, какие бы нравственные требования ни выдвигали последователи Конфуция к литературе и искусству, у авторов всегда была возможность обойти их. Дело в том, что в китайской литературе и живописи издавна сложился особый код, своего рода эзопов язык, с помощью которого самые обыденные понятия получали эротический подтекст. Так, «воробьем» называли фаллос, две рыбки, игравшие в воде, символизировали сексуальную удовлетворенность, заяц означал мужскую активность, а выражение «ловить зайца» означало «отправиться в публичный дом». «Цветы сливы» ассоциировались у китайцев с девицами легкого поведения, соответственно, если «цветы сливы расцветали второй раз», имелось в виду, что произошло повторное соитие. Выражение «конь бьет копытом» означало одну из поз, уточки-мандаринки тоже обозначали сексуальную позу, но они же служили символом супружеской верности. Сексуальный подтекст имели едва ли не все животные, светила, страны света, музыкальные инструменты, цвета, звуки... Горы на рисунке символизировали женские груди, мост обозначал область между анальным отверстием и влагалищем, задний дворик ассоциировался с гомосексуализмом... Таким образом, даже самые строгие запреты не мешали китайцам не только заниматься сексом, но и воспевать любые его виды.

Интересно, что конфуцианцы на эротические сюжеты, недопустимые в живописи, смотрели сквозь пальцы, если они были использованы в графике. Графика считалась изначально вульгарным искусством, поэтому и требования моралистов к ней были ниже.

Проведенный голландским китаеведом и дипломатом Робертом Хансом ван Гуликом анализ эротических гравюр эпохи Мин показал, что на половине из них во время акта присутствуют третьи (а иногда и четвертые, пятые и т. д.) лица — участники, помощники, наблюдатели. Кстати, «классическая поза» представлена лишь на каждом четвертом изображении. На каждом пятом женщина занимает позицию сверху, и, наконец, на каждом сотом изображены лесбийские пары.

Вообще, лесбийская любовь и самоудовлетворение у китайских женщин никогда не считались чем-то постыдным, поскольку обитательницам гаремов приходилось так или иначе решать свои сексуальные проблемы. Гаремы имелись у множества жителей Поднебесной, а уж одна-две наложницы, в дополнение к главной жене, и вовсе были делом обычным. Когда население растет, невест всегда бывает больше, чем женихов, поскольку они обычно моложе и, значит, принадлежат к чуть-чуть более многочисленному поколению. Кроме того, китайские мужчины чаще, чем женщины, принимали монашество. Поэтому наложниц, как правило, хватало на всех. А вот способности удовлетворить их, несмотря на все старания даосских наставников, хватало не у всех. Надо полагать, ситуация стала еще острее после того, как изучение сексуальных трактатов стало уделом избранных...

Так или иначе, китайки активно практиковали то, что в романах поэтически называлось «любовью к ароматной наперснице». А их мужья смотрели на это занятие сквозь пальцы или даже поощряли его. На любом рынке можно было купить искусственные пенисы, изготовленные из слоновой кости или дерева, — исполняя «мужскую роль», женщины закрепляли их с помощью специальных ремешков. Большой популярностью пользовались сухие черные грибы с тугой шляпкой, напоминающие пенис. Во влагилище та-

кой гриб разбухал и становился теплым и упругим. Для поклонниц равноправия был изобретен двусторонний пенис с шелковыми петлями, привязанными посередине. Обратив свои «яшмовые врата» друг к другу, женщины по очереди тянули за шнуры.

Заметим попутно, что мужчины, имея дело с женщинами, тоже пользовались многочисленными приспособлениями. Идя на свидание, китаец часто имел с собой массажер, который назывался «полировщиком яшмовой ступени», зажимы и колпачки, стимуляторы и возбуждающие мази... Особо популярны были сделанные из нефрита, серебра и слоновой кости кольца, которые надевались на основание пениса — они препятствовали эякуляции и помогали поддерживать эрекцию, а выступ или крючок на таком кольце дополнительно возбуждал женщину.

Индустрия этих изделий непрерывно развивалась, китайцы использовали новейшие достижения. Так, после появления в Поднебесной качественной резины искусственные пенисы для услаждения «ароматных наперсниц» были дополнительно оснащены столь же искусственными мошонками, наполнявшимися теплым молоком. Впрыскивание этого молока позволяло придать больше достоверности происходящему.

Даже после того, как власть в Поднебесной перешла к династии Цин и по всей стране началось массовое уничтожение эротической литературы, произведения, в которых воспевалась (без излишнего натурализма) лесбийская любовь, запретными не стали. Уже упоминавшийся нами Ли Юй, автор знаменитого романа «Подстилка из плоти», написал пьесу «Лянь сян бань» («Любовь к Благоуханной Подруге»). В центре пьесы — молодая замужняя женщина Ши Юнь-цзянь. Во время посещения храма она влюбляется в красивую и талантливую девушку по имени Юнь-хуа. Счастью юной пары мешают многочисленные житейские перипетии, но в конце концов любовь и добро побеждают: Юнь-хуа входит в семью своей возлюбленной и становится наложницей ее мужа. Женщины соединяют свои судьбы под одним кровом и этим счастливы; счастлив и муж. Пьеса пользовалась успехом, поскольку ее художественные до-

стоинства бесспорны, а сюжет был для жителей Поднебесной делом вполне обычным и никого не смущавшим.

Не смущали толерантных китайцев и женщины, которые по каким-либо причинам избирали в качестве «ароматной наперсницы» самое себя. Правда, надо отметить, что иногда голоса против лесбийской любви и онанизма все же раздавались, но высказывались уже не конфуцианцы, а даосы. Так, Пэн Цзу сказал: «Если люди вследствие чрезмерной похотливости долго не живут, козни злых духов не обязательно тому причиной. Некоторые женщины имеют привычку удовлетворять свою страсть, вводя во влагалище мешочек с мукой или же член, сделанный из слоновой кости. Все эти средства крадут годы жизни, преждевременно старят женщину и влекут ее скорую смерть».

На альбомном листе XIX века сохранилось изображение очаровательной китаянки, созерцающей эротический свиток. К ее пятке привязан искусственный пенис, которым она не без изящества пользуется. А юноша, склонившийся над дамой, наблюдает за ее игрой, получая тем самым свою долю изысканных удовольствий.

К мужскому онанизму отношение было значительно более строгим. Сексуальные пособия категорически запрещали его, поскольку он вел к бессмысленной растрате спермы, а значит, и жизненной энергии (женская жизненная энергия с сексом связывалась в меньшей степени, она была прежде всего сосредоточена в менструальной крови). Поэтому к онанизму мужчине позволялось прибегать только в исключительных случаях: если он был лишен женского общества и не в достаточной мере владел даосскими техниками, позволяющими направить сперму в нужное русло и превратить ее посредством внутренней алхимии в бессмертный дух. Даже поллюции во время сна считались очень нежелательными: во-первых, они вели к той же потере семени, а во-вторых, могли означать, что мужчину атакуют злые духи, стремящиеся овладеть его жизненной энергией. Если причиной поллюции была реальная женщина, увиденная во сне, существовала немалая вероятность, что на самом деле она была лисой-оборотнем и ее следовало опасаться и всячески избегать — не только во сне, но и в реальной жизни.

Впрочем, для большинства мужчин Поднебесной, во всяком случае, проблема самоудовлетворения остро не стояла. Значительно более остро стояла проблема удовлетворения многочисленных жен и наложниц. Что же касается неженатых мужчин и монахов, то к их услугам всегда были публичные дома и «веселые кварталы». И буддизм и особенно даосизм достаточно терпимо относились к плотским грехам, поэтому посещение женщин монахами было делом достаточно обычным. Поэт Тан Инь писал в шестнадцатом веке:

По слухам, монахи ведут святую жизнь,
 Это люди прямые и твердые, как колонна или луч.
 Они бреют бороды и стригут волосы,
 Все у них блестит с головы до ног,
 И все же ничто не сияет, как то орудие,
 Которое они то и дело извлекают из своих одежд.

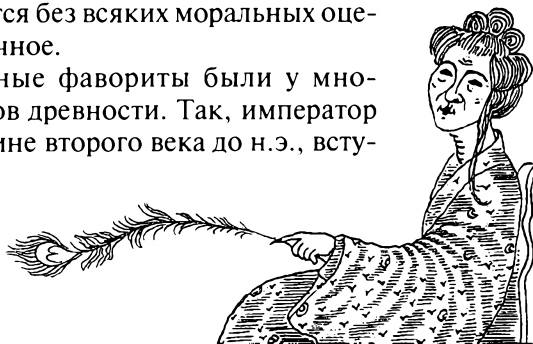
Проституция тоже всегда была в Китае делом обычным и дозволенным. Неженатый мужчина открыто посещал веселые кварталы и скорее мог бы подвергнуться осуждению, если бы этого не делал, — ведь половой акт был важной составляющей мировой гармонии. Кстати, общаясь с проститутками, мужчина мог нарушать даосские запреты на расход спермы — считалось, что у этих женщин от частой близости с мужчинами вырабатывается очень мощная жизненная сила и они передают ее клиенту, который, даже допуская семяизвержение, получает больше энергии, чем теряет. От общения с проститутками медицинские трактаты стали предостерегать жителей Поднебесной только начиная с шестнадцатого века, когда в стране появился сифилис.

К самим продажным женщинам китайцы тоже относились без презрения — их профессия занимала в обществе свою нишу и считалась не менее полезной, чем любая другая. Хотя и здесь была своя иерархия. Куртизанки достаточно высокого ранга пользовались уважением (тем более что это были едва ли не единственные китайянки, имевшие хорошее образование). К проституткам из дешевых борделей относились с пренебрежением, но это было связано не столько с самой их профессией, сколько с тем, что сюда

женщины очень часто попадали по приговору суда — в средневековом Китае преступниц могли присудить к службе в государственном борделе, и не только самих преступниц, но и женщин, которые имели несчастье оказаться родственницами осужденных мужчин. В глазах китайцев эти женщины несли заслуженную кару. Кроме того, в борделях нередко оказывались иноземные рабыни. Все эти категории женщин, помимо прочего, не обладали образованием, умениями и талантами, необходимыми для куртизанок высшей категории, поэтому и уважением не пользовались. Но ни презираемой, ни тем более запретной их профессия никогда не считалась.

С гомосексуальной проституцией дело обстояло немного сложнее, хотя сам по себе гомосексуализм в Китае был распространен, наверное, не больше и не меньше, чем в странах Европы. В древности он не осуждался, а даосские пособия по сексу о нем попросту умалчивают. Конечно, с точки зрения даосизма введение «нефритового перста» в «нефритовую вазу», или «нефритовую пещеру», как китайцы называли влагалище, — дело значительно более высокодуховное, чем введение его в «медный таз», предназначенный для нечистот. Эта идея, кстати, распространялась и на соединение с женщиной — анальный секс китайцы не жаловали, хотя в древних текстах и сохранилось описание того, как «цветущая ветвь» или «нефритовое дерево» приближается к «полной луне». Позднее это занятие получило название «цветы с заднего двора» или «стиль ученых». Но возможно, что последний термин уже говорит об элитарности и слабой распространенности «стиля»... Что же касается союза между двумя мужчинами, он не мог символизировать союз полярных сил мироздания и пользы от него, во всяком случае, было мало. Но и вреда особого не было, поскольку соединение двух однородных «ян» не приводило к потере энергии ни одним из партнеров. В документах и в романах любовь между мужчинами упоминается без всяких моральных оценок как дело достаточно обычное.

Известно, что официальные фавориты были у многих правителей и императоров древности. Так, император Вэнь-ди, правивший в середине второго века до н.э., всту-

пил в гомосексуальную связь из самых возвышенных религиозных соображений. Он был увлечен даосскими практиками и поиском эликсира жизни. Однажды венценосному подвижнику приснился сон, что молодой и красивый лодочник перевозит его в обитель бессмертных. И когда впоследствии императору довелось встретить на своем жизненном пути реального лодочника, по имени Дэн Тун, который напомнил ему юношу из сновидения, богобоязненный император не рискнул пренебречь знаком свыше. Он сделал Дэн Туна своим любовником и осыпал почестями.

На всю Поднебесную прославился Дун Сянь, фаворит Ай-ди, последнего императора династии Ранняя Хань. Однажды днем любовники заснули на ложе, и Дун Сянь оказался лежащим на рукаве императора. Вскоре Ай-ди вызвали для участия в торжественной аудиенции, но владыка Поднебесной не захотел будить своего возлюбленного — он достал меч и отрезал рукав. С той поры словом «дуаньсю» («отрезанный рукав») стали называть любовь между мужчинами.

Гомосексуализм процветал в среде актеров, потому что в Старом Китае дамы в театр не допускались ни в качестве актрис, ни в качестве зрительниц. Женщин на сцене изображали мужчины, которые часто входили в роль настолько, что продолжали играть ее и в реальной жизни... Был распространен гомосексуализм и в даосских и буддистских монастырях, где к нему относились, во всяком случае, более терпимо, чем в монастырях христианских.

Естественно, что гомосексуальная проституция в Китае тоже существовала. Цинский ученый Чжао И писал, что при династии Северная Сун (960—1127 годы) имелась категория мужчин, которые зарабатывали на жизнь проституцией. Они ходили по улицам одетые и напомаженные, как женщины. В начале двенадцатого века был принят закон, который за это предписывал сто ударов бамбуковой палкой и большой штраф. Но через несколько лет, уже при династии Южная Сун, порок победил, закону пришлось отступить, а мужчины-проститутки составили особую гильдию.

Впрочем, с приходом к власти маньчжурской династии Цин, правившей с середины семнадцатого века до 1911 го-

да, нравственность восторжествовала, и гомосексуализм, как продажный, так и по любви, был запрещен законом. Тогда же были запрещены и браки между китайцами и маньчжурами — этот указ оставался в силе до 1905 года.

Династию Цин заменила Китайская республика, и Китай вступил в очередной период раздробленности, гражданских и прочих войн. Лишь в 1949 году смутное время завершилось победой китайской компартии. Естественно, что такая радикальная смена власти не могла не сказаться на представлениях о нравственности. 80 тысяч обитательниц «веселых кварталов» переквалифицировались в строительниц коммунизма. Претерпела изменения и структура семьи: институт наложниц, имевший в Китае многотысячелетнюю традицию, был отменен. Впрочем, изгонять старых наложниц было не обязательно, их дозволялось сохранить, а вот заводить новых с тех пор категорически возбранялось. К концу века в Китае от сексуальных вольностей прошлого осталось одно воспоминание, а точнее, даже и его не осталось, поскольку древние даосские трактаты об «искусстве внутренних покоев» частично были уничтожены, а все уцелевшее попадало под действие закона о порнографии. Подобной участи удостоилось и множество европейских книг достаточно невинного содержания, например роман «Любовник леди Чаттерлей» Д. Лоуренса, который сначала запретили вообще, а потом разрешили распространять, но только «в умеренном количестве».

Кампания по борьбе с порнографией в Китае получила название «сао хуан», или «вычистим желтос». «Желтое» вычищали долго и старательно, тем не менее власти КНР долгое время были обеспокоены состоянием нравственности на территории Поднебесной. В 1983 году Дэн Сяопин призвал дать отпор «развращению молодежи упаднической буржуазной западной культурой». Что же касается отечественных деятелей искусства, в их адрес Дэн Сяопин выдвинул суровое обвинение: «Отдельные произведения рекламируют даже секс!» Руководящие указания были приняты к исполнению, после чего от секса и от «желтого» в Китае уже мало что осталось. В школах Поднебесной нравствен-

ность успела пустить столь глубокие корни, что дети, которых призывали бороться с «желтым», даже не знали, что же есть это самое «желтое». Китайские школьники поняли призыв по-своему и стали активно избавляться от учебников и тетрадок желтого цвета, что, впрочем, лишь свидетельствует о полном успехе кампании.

Позднее, когда стало ясно, что китайцы, бывшие ранее одной из самых сексуально продвинутых наций в мире, вообще не знают, с какой стороны и зачем подходить к женщине, в стране началась кампания по половому просвещению молодежи. Но к этому времени даосские техники были забыты, а коммунисты ничего принципиально нового (как, впрочем, и старого) в этом вопросе предложить не могли. Учителя, разрабатывающие спецкурсы по половому просвещению, жаловались в газете «Чайна дейли», что не могут найти подходящих к делу цитат из произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Впрочем, даже если бы таковые цитаты и нашлись, классикам марксизма пришлось бы удовольствоваться тем, что их заветы применяют весьма ограниченно: страна провозгласила политику строгого контроля рождаемости. Теперь представителям коренной национальности, ханьцам (то есть собственно китайцам), живущим в городе, предложили, в нарушение всех конфуцианских традиций, обойтись одним ребенком на семью. Селянам разрешили двух детей, но и это достаточно немного. Тут бы и пригодились даосские трактаты по удержанию спермы, но они, увы, давно уже попали под запрет как порнографическая литература.

Поскольку даосские тексты были запрещены, а классики марксизма вопроса об удержании спермы, к сожалению, не касались, китайские коммунисты предпочли другое решение вопроса и сделали акцент на контрацептивах (о которых, впрочем, у пресловутых классиков, насколько известно авторам настоящей книги, тоже ничего не говорится). Это расширяло сексуальные права китайцев, позволяя им завершить половой акт. Но радость жителей Поднебесной (а вернее, Китайской Народной Республики, в какую Поднебесная после катаклизмов первой половины двадцатого века превратилась в 1949 году) была преждевременной:

в стране ввели закон, воспрещающий внебрачное сожительство (как с применением контрацептивов, так и без оных).

Впрочем, в сегодняшнем Китае ни любовницу, ни единственную жену найти не так-то просто. После того как в 1979 году власти провозгласили политику «одна семья — один ребенок» и перестали выдавать на второго ребенка продовольственные карточки, жительницы Поднебесной, узнав, что ожидают девочку, начали массово делать аборт. Ведь по традиции, идущей еще с конфуцианских времен, только мальчик может приносить жертвы душам усопших родителей. Китайские коммунисты жертвы душам предков, быть может, и не приносят, но мальчикам все равно отдают предпочтение. И даже сельские жители, которым разрешено иметь двух детей, обычно делают выбор в пользу двух мальчиков, чтобы подстраховаться. Кроме того, если рождаемость падает (а она, стараниями властей, действительно падает), женихов всегда бывает больше, чем невест. В результате в 2010 году в стране оказалось почти 50 миллионов лишних мужчин. Женщин для них не хватает, и взять их нелегко. Недавно в Поднебесной возник совершенно несвойственный для ее жителей обычай воровства невест. Меняются и другие брачные традиции: раньше жених (точнее, его семья) выбирал невесту; теперь все чаще невеста выбирает жениха. Правда, для того, чтобы сделать этот выбор, невестам приходится долго ждать: минимальный брачный возраст составляет в сегодняшнем Китае 20 лет для женщин и 22 года для мужчин.

Те китайцы, которым невест не хватило, оказываются в сложной ситуации: соблазнять чужих жен им запрещено в законодательном порядке. Новая редакция Закона о браке, принятая в 2001 году, гласит: «Супруги должны быть верными друг другу...» Особой статьей запрещено «совместное проживание одного из супругов с другим лицом противоположного пола».

Китайские холостяки, не имеющие возможности обзавестись женой, лишены, в отличие от своих европейских собратьев, даже скромного удовольствия полюбоваться на улице женскими ножками. Правда, короткие юбки китайянки носят — но вот разглядывать то, что из-под них вид-

неется, запрещено законом. По ножкам (как и по другим открытым частям женского тела) можно лишь скользить равнодушным взглядом. Если же этот взгляд покажется китаянке слишком пристальным, она может привлечь «оскорбителя» к ответственности и добиться для него нескольких дней тюрьмы.

Строгость общегосударственных законов по защите нравственности не только не ослабляется необязательностью их исполнения, но, напротив, умножается инициативой на местах. Так, власти Нанкина решили, что и неженатым китайцам вступать во внебрачные связи неуместно, и приняли постановление, согласно которому все чиновники города обязаны жениться на своих любовницах, буде у них таковые окажутся.

И все-таки многочисленные запреты на секс, казалось бы одержавшие победу на всей территории Китайской Народной Республики, стали рушиться в конце двадцатого века. Вместо мировой социалистической революции, победа которой казалась так близка, китайским коммунистом пришлось лицом к лицу столкнуться с революцией совершенно неожиданной — сексуальной. Если в 1980 году, по свидетельству институтских преподавателей, в любовные связи на первом году обучения вступали один-два студента на курс, то уже в 1993 году таких вольнодумцев было множество. В шести вузах провинции Хунань сексуальных партнеров имели 257 из 627 студентов старших и 283 из 883 студентов младших курсов. Запретный плод к этому времени успела вкусить примерно половина студентов Чжуншаньского университета. Впереди, как и положено, оказались жители столицы: в одной из групп Пекинского университета, согласно опросу, сексуальных партнеров имели 28 студентов из 33. Как они умудрились добиться таких успехов при таком дефиците женщин, авторам настоящей книги не известно.

От гейш до бурсэра

Япония

Японцы — народ, с точки зрения европейцев, загадочный. И его отношение к сексу, как и вообще к вопросу о том, что нравственно и что безнравственно, иностранцам (по крайней мере, авторам настоящей книги) не всегда легко постигнуть... В «Очерках из прошлого и настоящего Японии», изданных Т. А. Богданович в 1905 году, во времена, когда нравы страны Восходящего солнца еще не успели европеизироваться, говорится:

«Обнажение тела, когда оно вызвано необходимостью или удобством, вовсе не считается в Японии постыдным, тогда как то же самое обнажение с целью показать прелести своего тела является в их глазах совершенно недопустимым. Поэтому в жаркий день... японка спокойно принимает ванну перед открытой дверью своего дома или моется в общем бассейне с мужчинами. И в то же время она с негодованием смотрит на открытые бальные платья европейских дам и вообще на их обтянутые костюмы, обрисовывающие все детали фигуры».

В тридцатые годы двадцатого века в Японии проходила художественная выставка, в которую предполагалось включить знаменитую скульптуру Родена «Поцелуй». Но увы, жителям Страны восходящего солнца не удалось увидеть работу великого француза — она была признана неприличной. Суровых цензоров смутило отнюдь не то, что

скульптор использовал обнаженную натуру, и не то, что тела юноши и девушки сплетаются в объятии, — этим японцев удивить было трудно. Но вот соединенные уста любовников настолько шокировали японцев, что их было предложено как-то прикрыть. Организаторы выставки согласия на это не дали, и шедевр Родена так и не попал в Японию...

Впрочем, нельзя сказать, чтобы сами японцы так уж никогда не целовались, но у них поцелуй воспринимался как некая особая эротическая причуда, для обозначения которой имелось не вполне приличное слово. Когда в эпоху Мэйдзи, с окончанием самоизоляции Японии, в страну хлынул поток европейской литературы, растерянные переводчики попросту не знали, что делать, ибо нельзя же было приписать столь непристойное занятие, например, вполне респектабельным героям английских романов. В одном из японских изданий выражение «сорвать поцелуй с ваших губ» было стыдливо переведено как «лизнуть ваши губы»... С тех пор японцы освоили европейскую культуру и поняли, зачем и как люди целуются. Тем не менее сегодня, если уж японцу приходит на ум фантазия поговорить в приличном обществе о поцелуях (например, в контексте европейских или американских фильмов), он употребит искаженное английское слово «kiss».

Надо сказать, что запрет на публичные поцелуи был одним из немногих (сравнительно с другими культурами) запретов, которым должны были подчиняться жители Страны восходящего солнца. Традиционная японская религия, синтоизм, не накладывала никаких ограничений на секс. Более того, синтоизм в Японии формировался не без влияния китайского даосизма, который к сексу как таковому относился весьма доброжелательно, хотя и рекомендовал предварительно ознакомиться с гороскопом партнера и положением звезд.

Самурай, а позднее буддистский священник Ямамото Цунэтомо, написавший в начале восемнадцатого века книгу «Сокрытое в листве» — своего рода советы для самураев на все случаи жизни, — рекомендует супругам ложиться головами на запад. При этом мужчина должен находиться на южной стороне постели, а женщина на северной.

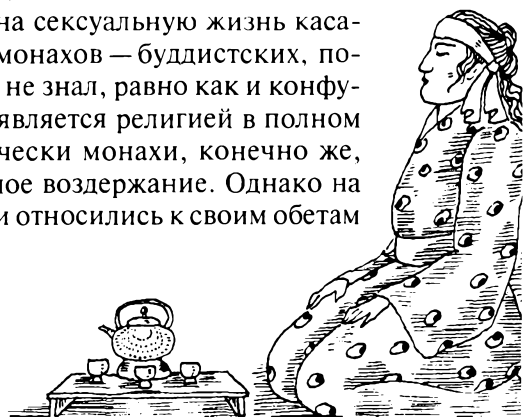
Младший современник знаменитого самурая, не менее знаменитый писатель Ихари Сайкаку, с неодобрением пи-

сал о супругах, у которых под утро «спальные циновки... оказываются в беспорядке, несмотря на то что минувшая ночь проходила под знаком Крысы» — занятие любовью под этим знаком считалось делом неблагоприятным. Девушек, которых угораздило родиться в год Огненной Лошади, вообще не рекомендовалось брать замуж, поскольку считалось, что они склонны к убийству собственных мужей. Неблагоприятными считались и браки, в которых муж оказывался на четыре года или на десять лет старше жены...

Но в целом предписания традиционных японских верований нельзя назвать слишком обременительными. Синтоизм смягчал строгие требования конфуцианства, которое издревле проникало в Японию, а в семнадцатом веке стало государственной идеологией. Даже буддизм, при всей его склонности к аскезе, попав в Страну восходящего солнца, оказался приправлен изрядной долей гедонизма.

Синтоизм, буддизм и конфуцианство мирно сосуществовали в жизни большинства японцев. Средний японец по праздникам выполнял традиционные синтоистские ритуалы; в надежде на благополучное посмертное перерождение или просветление посещал буддистские храмы и занимался дзенскими медитациями, а в повседневной жизни старался выполнять заветы учителя Куна. Смягчая друг друга, все эти учения составляли некое достаточно гармоничное целое, в котором не было места аскетическим крайностям. Что же касается христианства, то оно стояло несколько в стороне от этого всеобщего братства религий и к сексу относилось гораздо менее терпимо. Но первые европейские миссионеры появились в Стране восходящего солнца только в шестнадцатом веке, а уже в начале семнадцатого их, в числе всех иностранцев, выслали обратно, и христианство было запрещено вплоть до конца девятнадцатого века.

Религиозные ограничения на сексуальную жизнь касались в Японии прежде всего монахов — буддистских, поскольку синтоизм монашества не знал, равно как и конфуцианство, которое вообще не является религией в полном смысле слова. Чисто теоретически монахи, конечно же, должны были соблюдать полное воздержание. Однако на практике именно в Японии они относились к своим обетам

достаточно вольно. Уже упомянутый Ихари Сайкаку писал в стихотворении «Наложница бонзы (буддийского монаха. — *О. И.*) в храме мирской суеты»:

Монахи потихоньку лакомятся рыбой
и ласкают женщин.
Самая легкая жизнь —
только в храме.

Впрочем, по свидетельству многочисленных авторов, монахи далеко не всегда грешили «потихоньку». Уже в начале десятого века Миёси Куёцура, выдающийся математик, литератор и историк, писал в своей «Памятной записке» о принятии монашества людьми, которые вовсе не собирались предаваться какой-либо аскезе. В Японии практиковалось массовое пострижение в монахи в случае, если стране грозили напасти, например при болезни кого-то из членов императорской семьи. Тогда постриг принимали до тысячи человек одновременно, и строгий Миёси Куёцура сообщал (вероятно, не без оснований), что среди них «больше половины плохих и испорченных». Автор «Памятной записки» сетует, что крестьяне, которых он без лишних церемоний называет «бесстыжими типами», принимают монашество, чтобы уклониться от налогов, после чего продолжают жить с женами и детьми и творить много других безобразий.

Ихари Сайкаку в романе «История любовных похождения одной одинокой женщины» писал: «Чем больше в наше время богатеют храмы, тем больше священники погрязают в распутстве. Днем они носят облачение священнослужителей, а ночью, как светские любезники, надевают хаори. В кельях своих устраивают тайники, где прячут женщин... Днем бонзы скрывают своих наложниц в тайниках, а ночью ведут в свои спальни».

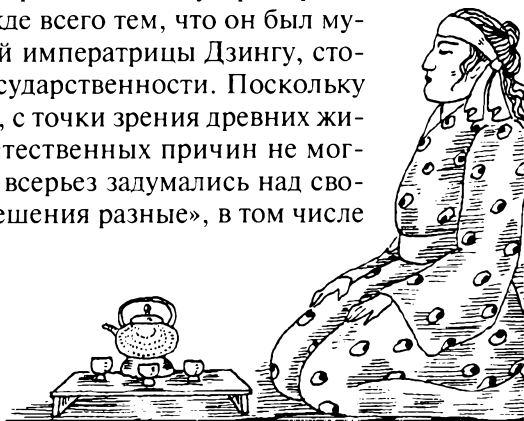
Впрочем, существовало в японском буддизме и течение, которое вообще не требовало от своих служителей какой-либо аскезы. В результате объединения китайского буддизма «Чистой Земли» и местной школы «Истинной Веры» возникло направление под названием «Истинная Школа Чистой Земли». Ее основатель, Синран, провел мо-

лодость в монастырях и принял постриг. Но потом он пересмотрел свое отношение к целибату и даже женился на монахине. Последователям Синрана сексуальные утехи не возбранялись, как, впрочем, и любые другие, — важно было лишь верить в безграничное сострадание Будды Амида и как можно чаще повторять формулу «Наму Амида Буцу» («Я принимаю убежище у Будды Амида»).

Конечно, в Японии встречались и добродетельные буддисты, и монахи, которые соблюдали строгий целибат, но в целом и служители культа, и миряне не были стеснены слишком жесткими рамками и пользовались достаточной свободой.

Советский журналист Всеволод Овчинников в своей книге «Ветка сакуры» писал: «Японская мораль постоянно требует от человека огромного самопожертвования ради выполнения долга признательности и долга чести. Логично было бы предположить, что та же мораль насаждает аскетическую строгость нравов, считая грехом физические удовольствия, плотские наслаждения. Именно такую позицию, кстати говоря, занимает в данном вопросе буддизм. Поэтому вдвойне неожидан факт, что японцы не только терпимо, но даже благожелательно относятся ко всему тому, что христианская мораль называет человеческими слабостями... Драматизм жизни для японцев в том и состоит, что физические удовольствия сами по себе не заслуживают осуждения, не составляют греха, но человек в определенных случаях вынужден сам отказываться от них ради чего-то более важного».

Тем не менее какие-то запреты, конечно, существовали и у японцев. Древнейшие летописи Японии, «Кодзики» и «Нихон сёки», повествуют, как примерно в четвертом веке н.э. смерть настигла полумифического государя страны Ямато, прославившегося прежде всего тем, что он был мужем столь же полумифической императрицы Дзингу, стоявшей у истоков японской государственности. Поскольку безвременная смерть государя, с точки зрения древних жителей Ямато, произойти от естественных причин не могла, то безутешные подданные всерьез задумались над своей жизнью и «отыскивали прегрешения разные», в том числе

и такие, как «соитие родителей и детей, соитие с лошадьми, соитие с коровами, соитие с курами», после чего провели «великую церемонию изгнания грехов».

Видимо, грехи были изгнаны достаточно успешно, потому что следующая правительница Японии, государыня Дзингу, дожила до столетнего возраста. А ее преемникам пришлось в основном регулировать уже не такие изысканные преступления против нравственности, как соитие с коровами, а обычное брачно-семейное законодательство. В средневековой Японии строго порицались, а иногда и запрещались браки между людьми разных сословий. Возбранились браки свободных с рабами, браки с любыми родственниками по мужской линии, браки с однофамильцами (хотя этот запрет не носил такого категорического характера, как в Китае, и позднее его перестали соблюдать). Многоженство было запрещено, но зато наложниц мужчина мог заводить в неограниченном количестве. Не приветствовалось общественной моралью и повторное замужество вдов. Правда, вдовы, несмотря на всеобщее осуждение, замуж выходили достаточно часто (что и не удивительно, поскольку институт наложниц провоцирует дефицит женщин). Но законодатели не сочувствовали ни вдовам, ни холостякам и в конце концов издали соответствующее постановление.

В 701 году в Стране восходящего солнца был составлен первый настоящий свод законов, над которым работала комиссия в составе восемнадцати человек, потом этот кодекс продолжали совершенствовать. В нем, в частности, отразилось конфуцианское требование о том, что будущие молодожены не должны вступать в половые отношения до брака (идеи учителя Куна к этому времени уже распространились в Стране восходящего солнца). Собственно, требование невинности новобрачных, особенно невесты, существовало у многих народов, но, как правило, в случае его нарушения именно законный брак спасал ситуацию — им «прикрывали грех». Кодекс «Тайхо рё» зафиксировал противоположное требование: если выяснялось, что муж и жена вступили в незаконную связь еще до свадьбы, брак расторгался.

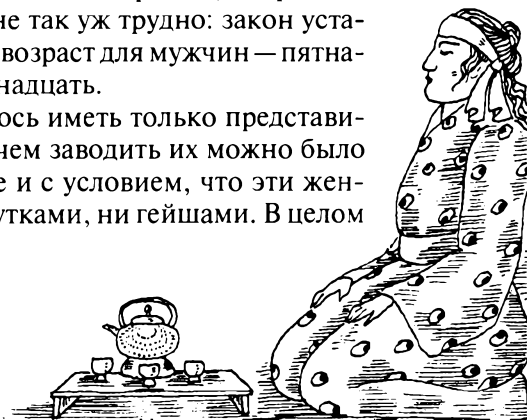
Потом законодатели не раз возвращались к вопросам нравственности, браков и разводов. В начале семнадцато-

го века Минамото Токугава но-Иэясу завершил объединение Японии под властью сёгунов династии Токугава. Новый правитель счел нужным укрепить старинные нравы; для этого он поставил христианство вне закона, изгнал из страны всех иностранцев (кроме немногочисленных голландцев), а самим японцам под страхом смертной казни запретил покидать родину. Страна на 250 лет оказалась за «железным занавесом», точнее, за занавесом водным — японцам было запрещено строить суда, способные преодолеть морские просторы, а иностранным кораблям — швартоваться в гаванях Японии. Единственное исключение было сделано для голландских, корейских и китайских кораблей, которым два раза в год было дозволено входить в порт Нагасаки.

Личная жизнь подданных контролировалась сёгунами самым тщательным образом. Так, японским крестьянам запретили в несправедливые дни есть рис и тратить его на производство сакэ, предписали заменить шелковую одежду на льняную и хлопковую, которую теперь можно было шить только строго определенного покроя. Токугава не обошел своим вниманием и жилищное строительство: дома не должны были превышать установленный размер, а их украшение ограничивалось.

Естественно, что, контролируя дома и даже тарелки своих подданных, сёгун не мог оставить без внимания и их постели. Токугава был сторонником конфуцианских добродетелей и непроходимых сословных границ. Теперь браки были запрещены не только между свободными и рабами, не только между «добрыми» и «подлыми» сословиями, но и между разными категориями «подлых». Был подтвержден запрет на добрачную половую жизнь с обязательным расторжением брака для нарушителей. Впрочем, сохранить невинность до свадьбы было не так уж трудно: закон установил минимальный брачный возраст для мужчин — пятнадцать лет и для женщин — тринадцать.

Наложниц теперь дозволялось иметь только представителям высшего сословия, причем заводить их можно было лишь с согласия жены, да еще и с условием, что эти женщины не являлись ни проститутками, ни гейшами. В целом

институт наложниц в Японии не прижился — большинство мужчин удовлетворялись моногамной семьей, хотя это и не мешало им иметь дозволенные законом и традицией развлечения на стороне. Что касается жен, то им развлечения на стороне не дозволялись: муж, заставший жену с любовником, мог без суда расправиться с обоими.

Вообще же надо отметить, что исполнение средневековых японских законов, в том числе и законов о нравственности, наталкивалось на одно крайне странное, с точки зрения европейца, препятствие — эти законы не публиковались. Знание их считалось привилегией избранных, действовал принцип «Следует выполнять, а не знать». Кое-что, конечно, до сведения народа доводили, но в целом японцам приходилось управляться на свой страх и риск. Так, например, Кодекс 1742 года хранился в тайне, и к нему имели доступ только три высших правительственных чиновника.

Несмотря на требования закона и конфуцианских авторитетов, определенные свободы у японских любовников все-таки были. Так, существовал праздник Танабата, во время которого юношам и девушкам дозволялось уединяться для любовных утех. Праздник этот был связан с древней легендой о некой божественной Ткачихе (она же — звезда Вега в созвездии Лиры), которая жила в доме у своего небесного отца и ткала небесную парчу — облака. Увлечение рукоделием не помешало девушке влюбиться в Пастуха (Альтаир в созвездии Орла). Однако отец Ткачихи решил разлучить влюбленных, разделив их непроходимой рекой Млечного Пути. С тех пор Ткачиха и Пастух могли видеться лишь один раз в году, когда Вега и Альтаир максимально сближались. В этот день сороки, пожалевшие влюбленных, выстраивали из своих крыльев мост, на котором и происходило свидание. Пока Ткачиха и Пастух предавались радостям любви на небесах, люди отмечали праздник Танабата и предавались аналогичным радостям на земле. Но строгие конфуцианцы не могли мириться с подобным попранием нравственности. Запретить сближение Веги и Альтаира они не могли, сороки под их юрисдикцию тоже не попадали, но земным любовникам они таки испортили праздник. В 1842 году вышел указ, согласно которому отмечать Тана-

бата было можно, а вот заниматься незарегистрированной любовью в этот день было нельзя.

К проституции японцы всегда относились достаточно лояльно, и жрицы любви не считались изгоями в Стране восходящего солнца. Конечно, их профессия не была особенно почетной, но и особенно постыдной она тоже не была, и посещение продажных женщин не считалось зазорным для мужчины. В тринадцатом веке Ходзэ Сигэтоки, представитель влиятельного клана Ходзэ, занимавший поочередно должности губернатора провинции Суруга и представителя сёгуна в Киото, написал книгу под заглавием «Послание учителя Гокуракудзи». Книгу эту он адресовал своему внуку и изложил в ней правила чести, которых должен был придерживаться достойный мужчина воинского сословия. Почтенный государственный деятель отнюдь не предостерегал юношу от связей с продажными женщинами, но очень заботился о том, чтобы его внук обращался со жрицами любви с должным уважением и тактом. Ходзэ Сигэтоки писал:

«Общаясь с продажными женщинами и танцовщицами, не думай, что если они таковы, то можно позволять себе вольности и разговаривать с ними чересчур фамильярно. Веди себя и говори с ними просто. Заходя слишком далеко, ты можешь оскандалиться. Выбирая себе одну из нескольких продажных женщин, бери ту, которая непривлекательна и не очень хорошо одета. Мужчина полюбит красивую девушку, а некрасивая останется без партнера. Более того, если ты выберешь некрасивую девушку, то сердце твое не будет задето, поскольку это будет всего лишь на одну ночь. А она, наверное, тоже получит удовольствие».

Начиная с семнадцатого века проституция в Японии попала под государственный контроль: Токугава, окруживший страну «железным занавесом», решил окружить особыми стенами и зоны продажной любви. На окраинах городов выделялись специальные районы — в них, и только в них, было теперь дозволено торговать собой. Районы эти обносили стенами и тщательно охраняли; вход туда был дозволен не всем — например, пользоваться услугами жриц любви было запрещено ронинам — бродячим самураям или бежавшим

от своего хозяина слугам — своего рода «людям без прописки». Сами проститутки тоже не имели права выходить наружу — это дозволялось им только в случае тяжелой болезни родственников, для посещения врача или для визита в суд по повестке. Интересно, что любование сакурой в период ее цветения приравнивалось к посещению суда — таковое любование считалось делом настолько важным, что в эти дни жрицы любви имели право покидать свои резервации.

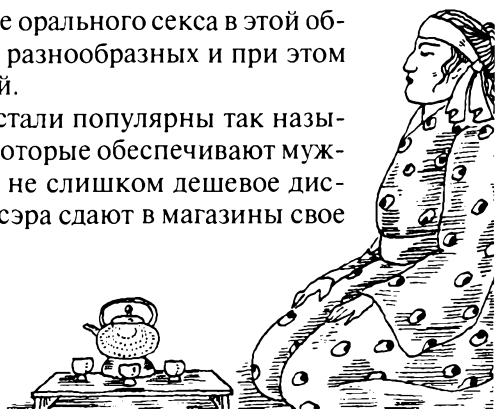
Несмотря на такой жесткий контроль, а может быть, в значительной степени и благодаря ему (ведь проститутки в Японии были не сброшены с криминалом, а встроены в государственную структуру и платили налоги, как добрые граждане), жрицы любви, как и во времена Ходзэ Сигэтоки, не были презираемы в Стране восходящего солнца. В уже упоминавшихся «Очерках из прошлого и настоящего Японии» рассказывалось о посещении европейцами Йошивары — токийского квартала «красных фонарей» — на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Гости были поражены тем, что «не только мужчины приходят туда совершенно открыто, не опасаясь быть узванными, — но там прогуливаются даже женщины, даже женщины с детьми». Богданович пишет о проститутках: «Конечно, профессия их считается очень низкой, но на них самих она не накладывает неизгладимой печати позора. Девушка, поступившая туда под гнетом безвыходной нужды или благодаря каким-нибудь исключительным обстоятельствам, не считается отверженной, и ее бывшие подруги часто поддерживают с ней отношения. По выходе оттуда она может снова занять свое прежнее положение, и брак с прежней жоро (проституткой. — *О. И.*) далеко не является исключительной редкостью».

С падением «железного занавеса» вокруг Японии отношение к жрицам любви стало меняться под влиянием европейцев. В начале двадцатого века проституция уже считалась в Стране восходящего солнца позорным занятием, и стали появляться законы, направленные против продажной любви. В 1947 году император опубликовал указ, по которому вовлечение женщин в проституцию становилось уголовно наказуемым. Однако сами жрицы любви могли легально практиковать избранную профессию. И толь-

ко в 1958 году проституция была поставлена вне закона, публичные дома закрыты, а их жительницы массово оказались на улице. Но если для представителей других профессий понятие «оказаться на улице» обычно означает увольнение, то для проституток это была лишь смена места работы. Толпы жительниц «веселых кварталов» в буквальном смысле хлынули на улицы японских городов. Это было для них тем более несложно, что, запретив торговлю женским телом, толерантные японцы не предусмотрели за нее уголовного наказания, по крайней мере для самих проституток. Законодатели опасались, что их обвинят во вмешательстве в частную жизнь граждан. После чего вопрос завис в стадии «если нельзя, но очень хочется, то можно». Согласно закону, проститутки подлежали наказанию лишь в том случае, если слишком настойчиво предлагали свои услуги прохожим. Полиция могла задержать уличную проститутку, но наказать ее, если она не была слишком назойлива, было нельзя, и в качестве полумеры жрицы любви стали направлять в специальные «воспитательные дома» для реабилитации. Но проститутки в массе своей реабилитироваться не хотели, тем более что у них появились новые возможности для карьерного роста. После того как публичные дома были закрыты, а любого рода посредничество и организация услуг в сфере платной любви стали наказуемы, предприимчивые японцы начали открывать дома свиданий, бани, массажные кабинеты, ночные клубы и прочие заведения, которые оказывали секс-услуги в завуалированной форме.

Впрочем, сегодня особо законопослушные проститутки могут заниматься любимой профессией, не нарушая закона, еще и потому, что запретным является именно платное «сопровождение» в прямом смысле этого слова; многочисленные изыски вроде, например, орального секса под действие закона не попадают. А ведь кроме орального секса в этой области существует немало самых разнообразных и при этом вполне легальных возможностей.

В последние годы в Японии стали популярны так называемые «бурусэра» — девушки, которые обеспечивают мужчинам абсолютно законное, но не слишком дешевое дистанционное удовольствие. Бурусэра сдают в магазины свое

ношеное, но нестираное белье, пропитанное запахом молодого женского тела. Комплект упаковывается в герметичный пакет, к нему прикладывается фотография девушки и пленка с записью ее голоса.

После запрета на обыкновенные публичные дома в Японии стали возникать публичные дома кукольные, где за умеренную плату можно насладиться не игрушечным, а настоящим сексом с очаровательной партнершей из резины и пластика.

Большим спросом пользуется в Стране восходящего солнца «эндзё косай» — подростковая проституция. Но японцы вкладывают в это понятие совсем не то, что вы подумали (и что подумали поначалу авторы настоящей книги). Случается, конечно, что несовершеннолетние японки становятся жрицами любви в прямом и грубом смысле этого слова. Но обычно «эндзё косай» подразумевает, что школьница за умеренную плату прогуливается с пожилым любителем нимфеток при луне, любителю с ним цветущей сакурой или ужинает в ресторане. Девочка таким образом зарабатывает мелочь на карманные расходы, а мужчина получает свою долю романтики, не вступая в противоречие с законом.

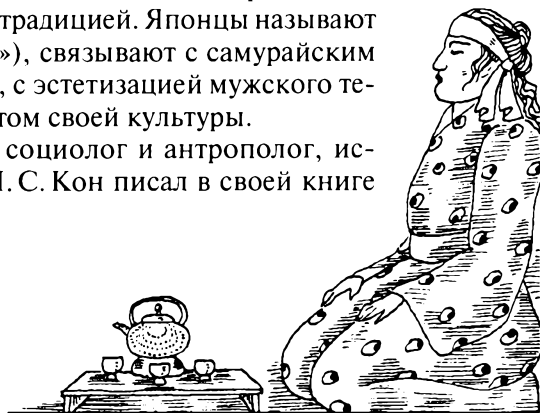
Впрочем, любители невинных прогулок со столь же невинными нимфетками ограничивают свои страсти не только из страха перед законом, но и потому, что японцы сегодня все более равнодушно относятся к сексу, и запреты здесь совершенно ни при чем. Еженедельник «Иомиури уикли» опубликовал шокирующие результаты социологического исследования, проведенного в начале XXI века среди японских менеджеров в ранге от начальника отдела и выше. Более половины из них сообщили социологам, что последний раз занимались сексом больше года назад. Это могло бы навести на ассоциации с известным русским анекдотом о том, что лучше — секс или Новый год. Но даже в качестве анекдота в России трудно было бы принять информацию о людях (активно работающих и, следовательно, нестарых), которые в последний раз занимались сексом более пяти лет назад, а среди менеджеров Страны восходящего солнца таких оказалось 22,5 процента. В том же, что

секс — дело «очень хорошее», уверена лишь четверть опрошенных; 2,5 процента считают, что это «поистине ужасное» занятие. И даже среди супружеских пар больше трети вообще не занимается сексом.

Уровень воздержания, который не могли обеспечить ни проповеди священнослужителей, ни монашеские обеты, ни конфуцианские каноны, оказался автоматически достигнут благодаря специфике японского образа жизни в условиях индустриализации. Сегодняшние японские мужчины почти не видятся со своими семьями. Они проводят на работе весь день, вечером отправляются с коллегами поужинать и возвращаются домой слишком поздно и слишком усталыми, чтобы их мысли приняли игривое направление. Выходные дни принято проводить с друзьями и сослуживцами, например, в баре. А если у японца и выдается время (и силы) на то, чтобы заняться сексом, очень часто ему просто негде осуществить свои желания. Маленькие квартиры, где нередко живут три поколения сразу и где стены сделаны из бумаги, не позволяют супругам расслабиться — ведь сегодняшние представления о нравственности требуют от них уединения. Законные мужья иногда приглашают своих не менее законных жен в «отели любви». Конечно, в таких отелях можно встретить изысканные приспособления вроде зеркальных комнат, водяных матрацев или «любовных качелей». Но для многих японцев отель — это единственное место, где можно лечь в постель с собственной женой, не опасаясь свидетелей и слушателей.

Впрочем, помимо жены или, скажем, запрещенной, но вполне доступной проститутки, у японца была и есть еще одна возможность для легального секса — в Стране восходящего солнца разрешена однополая любовь. Разрешена не только законом, но и древней традицией. Японцы называют ее «нансеку» («мужской путь»), связывают с самурайским культом мужества и верности, с эстетизацией мужского тела и считают важным элементом своей культуры.

Крупнейший российский социолог и антрополог, исследователь проблем секса И. С. Кон писал в своей книге «Любовь небесного цвета»:

«Самой терпимой к однополой любви азиатской страной вплоть до XIX в. была Япония... В средневековой Японии любовь к женщинам и мужчинам считалась одинаково нормальной, одна не исключала другую. “Зима и лето, день и ночь сменяют друг друга. Никто не может отменить весеннее цветение или осенний листопад. Так как же можно критиковать Путь Мужчин или Путь Женщин?” Исключительное предпочтение одного пола считалось редким и странным. Мужчин, любивших только мальчиков, называли не по объекту их влечения, а по объекту избегания — оннагираи (женоненавистники)».

Ямамото Цунэтомо в книге «Сокрытое в листве», ставшей кодексом чести японских воинов, ссылаясь на знаменитые строки, принадлежавшие перу Ихары Сайкаку: «Подросток без старшего любовника — все равно что женщина без мужа». Правда, Цунэтомо категорически выступает против половой распущенности: «Мы отдаем свои чувства только одному человеку на всю жизнь... Молодой человек должен проверять старшего в теченис, по крайней мере, пяти лет. Если за это время он ни разу не усомнился в его хороших намерениях, тогда он может ответить ему взаимностью». Точно так же и старший воин должен «проверять подлинные намерения младшего». Если же один из любовников оказался неверен, с ним следует незамедлительно порвать, а в случае назойливости «нужно зарубить его на месте». Ссылаясь на знаменитых самураев древности, Ямамото Цунэтомо возглашает: «Отдавать свою жизнь во имя другого человека — вот основной принцип мужеложства. Если он не соблюдается, это позорное занятие».

Влюбленные самураи нередко обменивались обетами верности. Сохранился документ 1542 года, в котором двадцатидвухлетний Такэда Сингэн, впоследствии один из величайших полководцев и воинов в истории Японии, письменно обещал верность шестнадцатилетнему Касуге Генсуге. Он письменно заверял ревнивого Касугу, что хотя и пытался в свое время добиться взаимности другого юноши, Ёсихиро, но успеха не имел, теперь же полностью отказался от своих намерений. «Поскольку я хочу сблизиться с тобой, отныне, если у тебя будут какие-нибудь сомнения

на этот счет, я хочу, чтобы ты понял, что я не собираюсь повредить тебе. Если я когда-нибудь нарушу эти обещания, пусть меня постигнет божественная кара...»

Уже упоминавшийся Ихара Сайкаку посвятил «нансеку» отдельную книгу — «Великое зеркало мужской любви». Собственно, женскую любовь писатель тоже не обходил вниманием, но ее он ставил не слишком высоко. Он написал цикл новелл под общим заголовком «Пять женщин, предавшихся любви» — причем четыре новеллы из пяти написаны на материалах реальных уголовных дел, которыми закончилась слишком пылкая женская любовь. И лишь пятая новела оканчивается благополучно. Ее герой, мужчина по имени Гэнгобэй, «предавался только любви к юношам, любви же к слабым длинноволосым существам не испробовал ни разу». Для того чтобы соблазнить его, девушке пришлось переодеться мужчиной. Когда замысел ее раскрылся, философски настроенный Гэнгобэй подумал: «А какая, в сущности, разница между любовью к юношам и любовью к женщинам?» — и удовлетворил притязания красавицы. Некоторое время супруги были верны друг другу. Но когда на них свалилось неожиданное богатство, мысли Гэнгобэя вновь устремляются к тому, чтобы «купить любовь всех артистов, сколько их есть в Эдо, в Киото, в Осаке...». А артистами в традиционном японском театре кабуки могли быть только мужчины.

Артистическая среда была второй, после военных, субкультурой, в которой был развит гомосексуализм. Молодые актеры часто имели любовников, в том числе среди высшей знати. Актерская проституция была не только дозволенным, но и престижным занятием, и к профессионалам этого жанра японцы относились с уважением. А в XVII—XVIII веках японские мужчины освоили и другие легальные формы проституции, в том числе в банях и борделях.

Третьей субкультурой, в которой процветал гомосексуализм, были буддистские монастыри. Причем многие монахи, предаваясь любви с юными послушниками, вовсе не считали, что нарушают свои обеты, — бытовала точка зрения, что к однополой любви обет воздержания не относится. Особо продвинутые монахи могли давать на этот счет

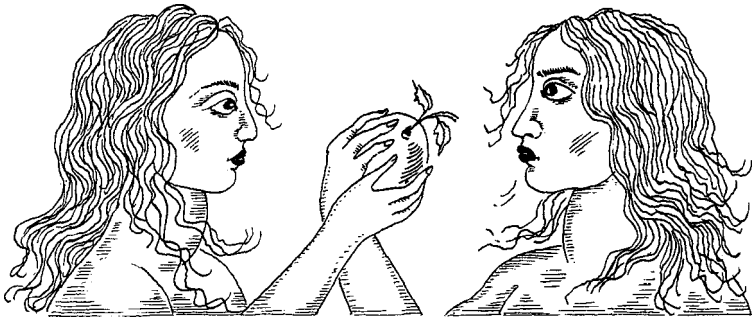
отдельные обязательства, причем не всегда такие уж аскетичные. Сохранился текст обета, данного в 1237 году 36-летним монахом: «Я пробуду в Храме Касаки до достижения сорока одного года... Переслав уже со 95 мужчинами, я обещаю, что их общее число не превысит за это время 100 человек... Я не буду любить и содержать никаких мальчиков, кроме Рию-Мару».

В эпоху Мэйдзи, когда Япония вступила на путь европеизации, ее законодатели решили, что теперь им и любовью следует заниматься по-европейски, и в 1873 году гомосексуализм в Стране восходящего солнца был запрещен. Но закон этот просуществовал всего лишь семь лет, после чего его отменили. Сегодня однополая любовь в Японии считается абсолютно легальной, только возраст, начиная с которого ею можно заниматься, в некоторых префектурах установлен более высокий, чем для традиционных пар. А правительство Токио даже приняло закон, запрещающий при приеме на работу оказывать предпочтение людям по принципу их сексуальной ориентации.

По законам нида

Иудаизм

Согласно еврейской традиции, прародители человечества, получив от Бога заповедь «плодитесь и размножайтесь», не стали затягивать с ее исполнением. Задолго до того, как они вкусили запретный плод от дерева познания, Адам и Ева успели вступить в полноценный брачный союз и прямо в раю родить своего первого сына. Таким образом, секс у иудеев не является чем-то греховным или грязным — для них это не уступка человеческой слабости, а заповеданное Богом занятие, которое не возбраняется даже в таком священном месте, как рай. А значит, и идеи аскетизма, столь любезные, например, христианам, у них отклика не встречают. И даже отношения человека с Богом иудаизм уподобляет не только и не столько сыновним, но прежде всего супружеским. О народе Израиля со времен пророков говорится как о «супруге Всесвятого», а значит, и сами отношения между мужем и женой возносятся на величайшую высоту. В каббалистическом трактате «Игерет Аколеш» («Письмо святости»), предположительно принадлежащем перу великого еврейского философа и богослова тринадцатого века Моисея Нахманида, по прозвищу Рамбан, говорится:

«Мы... верим, что Всевышний создал все мудро, и не сотворил ничего позорного и безобразного. Если предположить, что интимная связь — постыдна, то и половые орга-

ны — нечто постыдное, а ведь их создал Творец! Как может быть, что Он создал нечто ушербное или позорное?»

«Когда близость происходит надлежащим образом, в правильное время и с правильными мыслями, она свята и чиста. Совершенно неправильно думать, что в близости есть что-то постыдное или безобразное, ведь она называется “познанием”, как написано: “И познал Элькана Хану, жену свою”... Когда капля семени выходит в святости и чистоте, она притягивает силы Даат (знания) и Бина (понимания), которые находятся в мозгу. Если бы близость не была свята, ее не называли бы “познание”».

Ни монастырской жизни, ни умершвления плоти иудаизм не предусматривает. В древности в Израиле были так называемые «назарей» — люди, принявшие обет аскезы в религиозных целях. Но воздержание назареев не было сколько-нибудь обременительным для их супружеской жизни, и вся их аскеза сводилась к тому, что они не могли пить вино, есть виноград и любые продукты из него, стричь ногти и прикасаться к умершим. Однако, поскольку любой аскетизм противоречит самому духу иудаизма, даже эта скромная практика не одобрялась Талмудом и в конце концов прекратилась.

Конечно, иногда и евреям должно воздерживаться, но, как правило, это воздержание достаточно краткосрочно. Так, например, Моисей (Моше), собираясь подняться на гору Синай для получения Десяти заповедей, велел своим соотечественникам три дня не прикасаться к женам.

В наше время существуют только два дня в году, в которые супружеская близость всем иудеям запрещена. Это Судный день и Девятое Ава — дата, которая была несчастливой для еврейского народа во всю историю его существования (достаточно сказать, что именно девятого ава был сожжен Первый Иерусалимский храм и разрушен Второй). Поэтому Девятого Ава наиболее строгие традиционалисты отказываются не только от жены, но и от постели и спят на полу, положив под голову камень. Некоторые законоучители считают также, что определенная сексуальная умеренность приличествует в дни войны, голода и других всенародных бедствий. Но строгих ограничений не существует, и все остальное время, кроме этих двух дней, супру-

жеские обязанности можно и должно исполнять (если, разумеется, жена является ритуально чистой).

Что же касается поста Девятого Ава (пост «пятого месяца») и связанного с ним воздержания, то существует надежда, что и от него в один прекрасный день можно будет отказаться — пророку Захарии (Захарьяху на иврите), жившему в шестом веке до н.э. (после разрушения Первого храма), был Божественный глас, сообщивший, что этот пост (как, впрочем, и другие, менее строгие посты) со временем сделается «радостью и веселым торжеством». Пророк поделился вестью с единоверцами, но сначала надежды Захарии не оправдались — после его беседы с ангелами и Богом ситуация продолжала ухудшаться, и Храм был повторно разрушен. Но с 1967 года, после воссоединения Иерусалима, в религиозных кругах Израиля стал обсуждаться вопрос о том, что ритуалы Девятого Ава действительно можно бы и смягчить. Пока что эта идея не нашла решающей поддержки, но, так или иначе, два дня поста и воздержания в году трудно назвать чрезмерной аскезой.

Правда, в древности, вплоть до семнадцатого века, встречались отдельные мистики, которые надеялись своим полным воздержанием ускорить приход мессии, но их усилия плодов не дали, тем более что они категорически противоречили заповеди «плодитесь и размножайтесь». Галаха, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев, гласит: «Когда человек берет женщину в жены, он становится обязанным (...) кормить ее, одевать и оказывать супружескую близость».

Еврей, который по каким бы то ни было причинам уклоняется от супружеской жизни (а вне брака любой секс запрещен или, во всяком случае, не приветствуется религиозным законодательством), всегда считался в среде правоверных иудеев явлением ненормальным. Холостяк не мог стать раввином, его не допускали к изучению каббалы...

Марк Котлярский и Петр Люкимсон в книге «Тайны еврейского секса» пишут, что в иудаизме секс — это не вынужденная уступка природе и цель его — отнюдь не только деторождение. «Секс в иудаизме — это высшая, священная форма близости между людьми». И даже постижение его за-

конов является важным действием, могущим быть приравненным к изучению Торы. В подтверждение авторы «Тайн» приводят талмудическую историю о том, как ученик одного из великих еврейских мудрецов спрятался под кроватью своего учителя, «чтобы во всех деталях постичь искусство обращения с женщиной», и стал «ловить каждое слово, каждое движение почтенных супругов». В конце концов добросовестный ученик был обнаружен разъяренным мудрецом, однако виноватым себя не посчитал и заявил: «Ты сам говорил, учитель, что искусство обращения с женщиной — это часть Торы. И мне пришлось спрятаться под твоей кроватью для того, чтобы изучить эту часть!» После чего гнев раввина мгновенно улетучился, ибо он признал чистоту намерений своего ученика. Признает их и Талмуд, в котором рассказывается эта история.

Но, несмотря на самое уважительное отношение к сексу, вседозволенности иудаизм отнюдь не предлагает. Напротив, уже Тора (Пятикнижие) полна самых разнообразных запретов. Авторы настоящей книги сразу хотят оговорить, что здесь и далее цитируют Пятикнижие не по иудейской Торе (хотя бы по той причине, что ее канонического перевода на русский язык нет, а имеющиеся неканонические сильно различаются), а по синодальному переводу Библии. Этим они заодно снимают с себя необходимость повторять соответствующие заповеди в главе, посвященной христианству, тем более что христиане, признавая боговдохновенность Пятикнижия, значительную часть ветхозаветных заповедей считают отмененными. Впрочем, основные запреты были в том или ином виде приняты всеми, хотя и караются по-разному.

Начнем с внебрачных связей. По их поводу в Пятикнижии сказано:

«Если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих: и мужчину, лежавшего с женщиною, и женщину; и так истреби зло от Израиля».

Обрученная невеста в этой ситуации полностью разделяла судьбу замужней женщины (как и ее соблазнитель):

«Если будет молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, то обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями до смер-

ти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и так истреби зло из среды себя».

Особая кара полагалась грешницам из сословия священнослужителей: «Если дочь священника осквернит себя блудодеянием, то она бесчестит отца своего; огнем должно сжечь ее».

Но зато рабыни могли грешить в условиях сравнительной безнаказанности: «Если кто переспит с женщиною, а она раба, обрученная мужу, но еще не выкупленная, или свобода еще не дана ей, то должно наказать их, но не смертью, потому что она несвободная...»

Мужчине, соблазнившему рабыню-невесту, надлежало принести в жертву овна, «и прощен будет ему грех, которым он согрешил». Что же касается самой девушки, то ее наказание никак не оговаривалось и, возможно, она отделялась легким испугом или же каралась своим господином по его усмотрению.

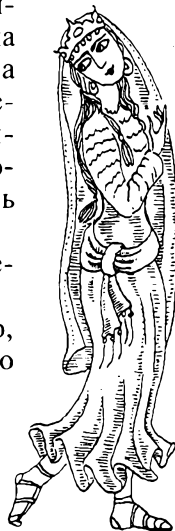
Значительные поблажки делались для невест и в ситуации, которую можно было истолковать как изнасилование:

«Если же кто в поле встретится с отроковицею обрученною и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею, а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного: ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его; ибо он встретился с нею в поле, и хотя отроковица обрученная кричала, но некому было спасти ее».

Возможность изнасилования «в поле» замужней женщины почему-то здесь не рассматривается. Впрочем, проблема эта иудаизмом все-таки решена: изнасилованная женщина оскверненной не считается и может вернуться к мужу. Исключение составляют лишь жены коэнов — мужчин-священнослужителей из рода потомков Аарона (Ахарона). Коэн не имеет права жить с женщиной, которая подверглась изнасилованию, и обязан развестись с ней.

А вот мужчина, который изнасиловал необрученную девицу, разойтись уже не сможет никогда:

«Если кто-нибудь встретится с девицею необрученною, и схватит ее и ляжет с нею, и застанут их, то лежавший с нею

должен дать отцу отроковицы пятьдесят сиклей серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее; во всю жизнь свою он не может развестись с нею».

Эта заповедь могла бы не понравиться изнасилованным девицам, которым, таким образом, предлагалось весь свой век вековать с обидчиком, храня ему верность и рожая ему детей. Но Талмуд уточняет, что брак с насильником возможен только с согласия его жертвы. В противном случае виновный подлежит уголовному суду. Интересно, что при групповом изнасиловании к смерти могли приговорить только первого из преступников. Остальные отделялись штрафами, поскольку считалось, что главный ущерб — моральный и физический — жертве уже причинен, а остальные его только усугубляют.

Интересно, что в случае, когда свадьбой надо было «прикрыть грех», Моисей позволял девушкам брать женихов вне родного колена (на которые, как известно, делится народ Израилев). В остальных же случаях им предлагалось выходить замуж только внутри «колена отца своего», хотя они и имели право выбрать тех, «кто понравится глазам их».

Несмотря на то что девушка имела право отказаться от брака с насильником, с практической точки зрения ей было лучше этого не делать. Иудеи очень щепетильно относились к девственности невесты. Особое предупреждение было адресовано ее родителям: «Не оскверняй дочери твоей, допуская ее до блуда, чтобы не блудодействовала земля и не наполнилась земля развратом». В Пятикнижии о невесте говорится, что если жених «не нашел у нее девства» и смог доказать это, «то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют ее камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовав в доме отца своего; и так истреби зло из среды себя».

Для того чтобы жених мог еще до свадьбы быть уверен в непорочности своей невесты, у иудеев существовал древний обычай: девушку сажали над сосудом с освященным вином и раввин по запаху определял, грешила она или нет. А на случай, если обоняние подводило священнослужителя, свадьбы было принято (и сейчас принято) играть в один из дней с воскресенья по среду включительно, с учетом рас-

писания работы раввинатских судов, чтобы уже на следующее утро обманутый новобрачный мог подать жалобу. Вдовы и разведенные женщины, которых это не касается, могут выходить замуж и в четверг, хотя по пятницам суд не работает.

Добрачную половую жизнь иудаизм запрещает и по сей день, не отличаясь в этом смысле, например, от христианства. Впрочем, и нарушается этот запрет современными евреями примерно так же, как и христианами. Но зато еврейские невесты, как правило, строго соблюдают другой запрет — на любой добрачный контакт с официальным женихом. Конечно, до помолвки молодые люди могут многое себе позволить. Но после обручения, когда к делу подключаются родители, родственники и духовенство, жениху не рекомендуется не только целовать невесту и дотрагиваться до нее, но и вообще видеться с ней в последнюю неделю перед свадьбой. В некоторых общинах даже разговоры по телефону считаются недопустимой близостью.

Исключение для молодых людей традиционно делали лишь горские евреи — у них сложился обычай, получивший название «гечелей» — «ночной визит». После обручения в доме невесты устраивались посиделки, на которые приходили и подружки, и жених с друзьями. Потом молодежь постепенно расходилась, оставляя жениха и невесту одних в темноте. Терять девственность невесте в этой ситуации не полагалось, но некоторые вольности, которые в традиционных обществах принято позволять только мужу, она допустить могла. Впрочем, учитывая, что юноша и девушка, просватанные родителями, иногда впервые видели друг друга, — к особым вольностям они в этой ситуации не стремились, а пытались хоть чуть-чуть познакомиться.

Запреты, изложенные в Пятикнижии, в целом не отличаются оригинальностью и характерны в том или ином виде для многих традиционных (и не только) обществ. Например, запрещено скотоложство — виновного полагается предать смерти. А заодно такая же кара назначается и ни в чем не повинному животному. «Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте... Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться

с нею, то убейте женщину и скотину; да будут они преда ны смерти, кровь их на них» — так говорится в Книге Левит.

Мидраши (комментарии к библейским книгам) до полнительно сообщают, что скотоложство было одним из тех грехов, которым человечество предавалось в допо топные (в буквальном смысле) времена. Именно тогда от противоестественных связей людей с животными рожда лись бродившие по земле чудовища. Но Всемирный потоп уничтожил их, после чего потомки Ноя (Ноаха), видимо, предавались этому греху в меньшей степени или, по край ней мере, не рожали от своих четвероногих партнеров. По этому чудовища с лица земли исчезли, запрет же был на вся кий случай подтвержден Моисеем.

Еще один строжайший запрет, провозглашенный Мои сеем и поддержанный как иудаизмом, так и христианством, это запрет на гомосексуальные связи. «И с мужчиной не ло жись, как ложатся с женщиной — мерзость это», — говорится в Книге Левит. И далее: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость; да будут преда ны смерти, кровь их на них».

За одну лишь попытку предаться мужеложству были же сточайшим образом наказаны жители Содома, а грех этот и по сей день носит название «содомского». Правда, спра ведливости ради надо отметить, что мужчины из злополуч ного города покусились не на других мужчин, а на ангелов (что, впрочем, лишь отягощает их вину). Ангелы же в иуда изме — существа, наличие пола у которых весьма спор но. Живший в двенадцатом веке мудрец Аврахам Ибн Эз ра утверждал: «Ангелы тождественны нематериальным или простейшим формам идеального бытия», что дает серьез ные основания сомневаться в наличии у них пола. А вели кий Маймонид и вовсе предлагал рассматривать ангелов как «обособленные разумы», а также природные и физи ческие силы.

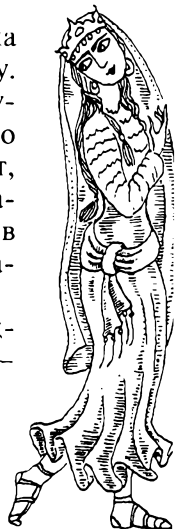
Но какого бы пола ни были ангелы на самом деле, жители города Содома принимали их за мужчин... Напомним, что праведник Лот, живший в Содоме, пригласил к себе в каче стве гостей двух ангелов, принявших облик обычных мужей, «сделал им угощение и испек пресные хлебы». Не известно,

знал ли Лот, каких высокопоставленных гостей приютил он под своим кровом, но его земляки явно этого не знали и «простейшие формы идеального бытия» в пришельцах не усмотрели. Они окружили его дом, «и вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? Выведи их к нам, мы познаем их». Лот отказался нарушить обычай гостеприимства, он даже пытался предложить взамен своих девственных дочерей. Но налетчики были неумолимы; они тем более не желали прислушаться к Лоту, что сам он не был коренным жителем Содома и появился в этих местах сравнительно недавно. Содомиты заявили: «...Вот пришелец, и хочет судить? теперь мы хуже поступим с тобой, нежели с ними». Насильники хотели выломать дверь, но терпение ангелов истощилось, и они поразили нечестивцев слепотой, а потом уничтожили огненным дождем и весь город, предварительно выведя оттуда Лота с семейством. Заранее были уничтожены и город Гоморра, — впрочем, про его жителей Господу давно было известно, что они тоже грешники: «...вопл Сodomский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма».

Отметим, что крупный российский социолог, антрополог и философ И. С. Кон, посвятивший немало сил изучению сексуальных меньшинств и написавший книгу «Любовь небесного цвета», считает, что жители Содома были наказаны не столько за свои гомосексуальные наклонности, сколько за нарушение законов гостеприимства. Он проводит параллель между историей содомитов (горожан) и другой подобной историей, рассказанной в Книге Судей.

В городе Гиве Вениаминовой некий старик приютил на ночь двух путешественников: мужчину и его наложницу. Но жители города, «люди развратные, окружили дом, стучались в двери, и говорили: выведи человека, вошедшего в дом твой, мы познаем его». Хозяин дома, как когда-то Лот, пытался усмирить их и даже предложил им свою дочь. Однако от дочери старца налетчики отказались и в конце концов удовлетворились наложницей гостя, которая была им выдана и умерла после того, как «ругались над нею всю ночь».

В этом случае преступники отнюдь не настаивали на однополом сексе, но и от девственницы тоже отказались —

главным для них было надругаться над кем-то из гостей. Именно это, по мнению Кона, и было самым страшным преступлением в глазах иудеев. За такое же преступление (правда, не успевшее свершиться), как он считает, и был уничтожен Содом, независимо от того, собирались его жители насиловать ангелов естественным или противоестественным образом. Отметим, что точка зрения российского ученого хорошо и подробно им разъяснена (чем и воспользовались авторы настоящей книги), но при этом не слишком оригинальна — в том или ином виде ее высказывали многие богословы, что только подчеркивает ее вероятную объективность.

Что же касается жителей Гивы, они тоже были наказаны, правда, не непосредственно Богом, а «сынами Израилевыми», которые собрались «как один человек», и потребовали от колена Вениаминова: «Выдайте развращенных оных людей, которые в Гиве; мы умертвим их, и искореним зло из Израиля». Преступники выданы не были, и тогда возмущенные израильтяне разгромили и сожгли город.

Впрочем, мужеложство в иудаизме каралось и само по себе, независимо от того, было оно связано с нарушением законов гостеприимства или нет. Греховно было и растрачивание семени впустую (будь связь гомо- или гетеросексуальной) — это не позволяло «плодиться и размножаться». Всем известна история о том, как Онан отказался «восстановить семя» своему умершему брату Иру (Эйру). Отец братьев приказал Онану вступить в левиратный брак с вдовой Ира — дети, родившиеся от такого брака, числились бы детьми покойного*. Онан не посмел послушаться, но «знал, что семя будет не ему; и потому, когда входил к жене брата своего, изливал на землю, чтобы не дать семени брату своему». Собственно, Онан не мастурбировал, а, судя по всему, практиковал прерванный половой акт. В одном из мидра-

* Левиратный брак — брачный обычай, согласно которому вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями. Левират выступал одним из средств продолжения рода умершего ближайшими родственниками.

шей даже сообщается, что делал он это не от пренебрежения к памяти брата, а от того, что полюбил его вдову и не хотел, чтобы она забеременела и подурнела. Кроме того, левиратный брак мог быть расторгнут после того, как «семья восстановлено», чего Онан, видимо, тоже не хотел. Так или иначе, Онана наказали за этот проступок: «Зло было перед очами Господа то, что он делал; и Он умертвил его».

И хотя бедный Онан не был виновен непосредственно в том занятии, которому позднее дали его имя, онанизм тоже был объявлен вне закона. Собственно, любое напрасное пролитие семени издревле считалось у иудеев если не преступлением, то проступком. Детей приучали спать на спине, положив руки на одеяло. Запрещено было наблюдать любые сцены, которые могут привести к возбуждению вне брака. Само собой, что половой акт между супругами должен происходить без свидетелей, но и смотреть на совокупляющихся животных или рассматривать вольного содержания картинки тоже не рекомендуется. Запрещена верховая езда без седла и облегающие брюки. Считается, что произвольными поллюциями ведает дьяволица Лилит — губительница новорожденных младенцев и мать бесчисленных демонов, с которой лучше не иметь никаких дел. Мужчина, у которого произошла поллюция, до вечера считается «ритуально нечистым», и от запрета входить на территорию Храма его в наши дни спасает только то, что Храм еще не восстановлен. В Галахе говорится: «Если с человеком случилось, Боже упаси, случайное семяизвержение ночью, то когда он проснется, должен омыть руки и сказать с сокрушенным сердцем: “Властелин мира! Я сделал это ненамеренно, только из плохих размышлений и плохих мыслей. Поэтому по воле Твоей Господь, Бог мой и Бог отцов моих, сотри в милосердии Своем преступление это и спаси меня от этих и подобных плохих размышлений навсегда, амен, и да будет такова Твоя воля...”».

Именно запрет на пролитие семени в иудаизме приводит, по словам И. С. Кона, к тому, что «“верхний”, “активный” партнер в гомосексуальном акте виновен больше “пассивного”, не потому, что он инициировал греховное действие (это надо было еще доказать), а потому что именно он изливает семя в неподобающий “сосуд”».

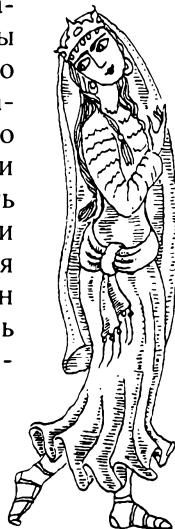
И по той же самой причине лесбийская любовь в иудаизме карается не слишком строго. Ведь в традиционном обществе лесбиянки, чем бы они ни занимались наедине, выходят по воле родителей замуж и рожают детей ничуть не хуже, чем остальные женщины. В Торе о них не сказано ни слова, Талмуд же предлагает побить нарушительницу палками и дать ее мужу право на развод. Девушка, уличенная в лесбийской любви, не может стать женой раввина, а для того, чтобы и соблазна такого не возникало, двум девушкам запрещено спать в одной постели даже одетыми. На мужчин этот запрет не распространяется и они, если уж так сложилось, могут спать вместе (разумеется, безгрешно). Правда, одно время ученые мудрецы пытались и мужчин развести по разным постелям, но поправка не прошла. Маймонид в двенадцатом веке объявил, что мужеложства среди евреев не наблюдается. Потом оно, вероятно, стало наблюдаться, потому что тремя веками позже Иосиф Каро, вздыхая о славных временах Маймонида, пишет: «...В наше время большой распушенности не следует двум мужчинам уединяться или спать в одной постели». Но еще через двести лет очередной законоучитель сообщил, что не понимает этих слов, поскольку в своей общине никаких следов гомосексуализма не видит...

Вопрос остался нерешенным, хотя дальнейшие события показали, что гомосексуализм среди евреев таки да, встречается. На сегодняшний день вопрос о нем стоит в Израиле весьма остро. Некоторые направления иудаизма стали пересматривать свое отношение к «содомитам», декларируя, что осуждают само явление, а не тех людей, которые ему подвержены по своей природе. В рамках реформистского иудаизма, возникшего в начале девятнадцатого века в Германии и затем распространившегося по всему миру, гомосексуализм в конце концов и вовсе был объявлен легитимным. Запрет, содержащийся в Пятикнижии, реформисты отнесли только к однополой проституции, а все, что происходило по любви, разрешили. Вопрос о том, может ли гомосексуалист быть раввином, теперь рассматривался каждой общиной самостоятельно. Кое-где стали заключать однополые браки по древнему еврейскому обычаю — под ритуаль-

ным навесом-хупой. В Тель-Авиве, а потом и в Иерусалиме с большой помпой начали проводить гей-парады. В 2004 году суд Израиля признал право гомосексуалиста на наследство, оставшееся после его партнера, тем самым приравняв это сожителство к браку. Тогда же один из солдат Армии обороны Израиля (ЦАХАЛа) подал протест против депортации из страны его гомосексуального партнера. По закону супруги и невесты военнослужащих ЦАХАЛа действительно не подлежат депортации, и хотя подразумевалось, что супруги должны быть разного пола, но в законе эта тонкость прописана не была, и депортацию «супруга» отменили. В наши дни Всеизраильская ассоциация гомосексуалистов и лесбиянок активно борется за то, чтобы однополым парам разрешили усыновлять детей...

Но надо сказать, что ортодоксальные раввины категорически не приемлют всех новшеств, связанных с легализацией однополый любви. Максимум, на что готовы пойти некоторые из них, это рассмотреть природу гомосексуализма с точки зрения каббалы и признать, что женская душа могла по ошибке вселиться в мужское тело. Однако эту ошибку учителя рекомендуют не реализовать в постели, а исправлять, следуя законам Торы.

Одним из важнейших запретов, которые были даны Израилю еще Моисеем, был запрет на близкородственные связи. Господь запретил иудеям вступать в брак с родственницами, продиктовав Моисею длинный список, в который входили прабабки, бабки, матери, сестры, дочери, внучки, правнучки, мачехи, тетки, тещи, невестки, жены братьев, жены зятьев... Хотя эти законы и были возглашены Моисеем со всей строгостью, надо отметить, что в Пятикнижии описано немало случаев, когда праведники вступали в самые что ни на есть близкородственные связи. Правда, делали они это еще до того, как Моисей объяснил евреям запретность таковых. Так, праведник Лот был близок с обеими своими дочерьми, которые и родили от него сыновей. Но сыновья эти стали родоначальниками языческих народов, моавитян и аммонитян, что лишний раз подчеркивает греховность кровосмесительных связей, да еще и совершенных в состоя-

нии алкогольного опьянения. Впрочем, Лот, несмотря на это, числится праведником.

Даже сам Моисей был рожден от брака Амрама с его родной теткой Иохаведой (Йохевед). Правда, этот союз был заключен до того, как Господь объявил такие браки запретными. Праведник Иаков (Яков) тоже вступил в брак, который Моисей позднее объявил недопустимым: он был женат на двух сестрах сразу. Впрочем, Иаков отнюдь не стремился к полигамии: он честно отработал семь лет у будущего тестя в качестве выкупа за желанную девушку. Но в брачную ночь вместо любимой Рахили (Рахель) ему привели ее старшую сестру Лию (Леа). Поскольку супружеская близость у иудеев традиционно происходит в темноте, подмена открылась только наутро. Правда, через неделю Иаков получил Рахиль в качестве второй жены, но отработывать выкуп ему пришлось заново. Сыновья же Иакова, согласно одному из мидрашсй, были женаты на своих сестрах-близнецах (кроме Иуды (Иехуды) и Иосифа (Йосефа)).

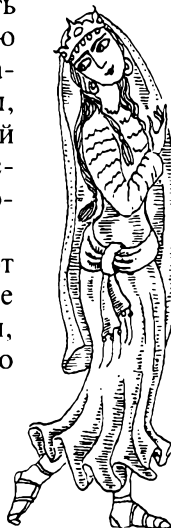
Поскольку уж речь зашла об Иакове и его знаменитом браке с двумя сестрами сразу, затронем вопрос о многоженстве. Оно у иудеев никогда не воспрещалось, но и не слишком приветствовалось. В начале времен Господь сотворил для Адама единственную жену и о второй речи не вел. Лит, о которой в Пятикнижии нет ни слова и которая является лишь в Талмуде (не говоря уже о том, что она не женщина, а демон), можно, пожалуй, в расчет не брать. Тем не менее о запретности вторых и третьих жен Господь Адама тоже не предупреждал (возможно, потому, что в райском саду других женщин, кроме Евы (Хавы), попросту не было). После изгнания из рая в течение некоторого времени люди (народ Израиля из них еще не выделился) соблюдали моногамию. Но уже Ламех (Лемех), живший через шесть поколений после Адама, взял за себя двух жен. Его примеру последовали и другие (впрочем, количество жен, как правило, не превышало трех). Уже упомянутый Иаков, помимо своих двух жен, имел еще двух наложниц, которых, как и первую жену, он получил помимо своей воли. Дело в том, что его жены, соревнуясь в том, кто родит мужу больше детей, подключили к этому состязанию своих служанок, которые

зачинали от Иакова и рожали на колени к своим хозяикам — такие дети считались детьми самой законной жены. Таким образом, задолго до возникновения двенадцати колен Израилевых ни о какой обязательной моногамии речь уже не шла. Господь в ниспосланных через Моисея заповедях не стал ломать сложившуюся традицию и лишь оговорил права детей, рожденных от разных жен. Соломон (Шломо) довел свой гарем до семисот жен и трехсот наложниц.

Но потом полигамия стала понемногу выходить из моды. Из 2800 мудрецов, упоминающихся в Талмуде, двух жен имел только один. На рубеже первого и второго тысячелетий рабби Гершом издал галахическое постановление, ограничивающее полигамию на тысячу лет вперед, и оно было принято всеми евреями, кроме евреев Йемена и горских евреев, живущих на Кавказе. Правда, Маймонид позднее допускал, что женатый иудей может вступить в левиратный брак с бездетной вдовой своего брата. Еще одним законным поводом для того, чтобы взять вторую жену, иудеи по сей день считают бесплодие или тяжелое (например, психическое) заболевание жены первой. В этом случае религиозный суд может дать разрешение на второй брак, особенно если первая жена не возражает. Но это большая редкость, и сегодня на весь Израиль насчитывается около трехсот многоженцев. А для того, чтобы их число не умножалось, перед свадьбой любой жених должен привести в раввинатский суд двух свидетелей, которые подтвердят, что он не женат.

Впрочем, не исключено, что скоро эти строгости будут отменены и у любого еврея появится законная возможность обзавестись гаремом. Дело в том, что запрет на полигамию был провозглашен рабби Гершомом на тысячу лет. Назначенное время истекло, и среди раввинов начались споры, что же имел в виду средневековый мудрец под «тысячей лет» — было ли это символом вечности или конкретно исчисленным сроком. Большинство из них склоняется к первому варианту...

Но вернемся к запрету на близкородственные браки, от которых нас отвлек многоженец Иаков. До Моисея такие браки были не редкостью. Пророк эти вольности запретил, хотя нарушители, конечно, случались во все времена. До

наших дней дошли отголоски знаменитого скандала, разразившегося в начале первого века н.э., когда правитель Галилеи, царь Ирод Антипа, нарушил заповедь: «Наготы жены брата твоего не открывай...» История эта описана у евангелистов, но особенно подробно — у Иосифа Флавия. Суть ее в том, что царь Ирод Антипа (один из тех сыновей Ирода Великого, которые разделили между собой власть после смерти отца), женатый на дочери аравийского царя Ареты, полюбил жену собственного брата Иродиаду. Иродиада была племянницей своего мужа Ирода Филиппа I (такой брак дозволен иудейским законодательством) и жила с ним в Риме (кстати, римляне тоже легализуют такие браки через несколько лет, в правление императора Клавдия). Ирод Филипп I, хотя и был сыном Ирода Великого, не претендовал на власть и предоставил братьям самим хозяйничать в Палестине. Но однажды Ирод Антипа навестил столицу империи и влюбился в невестку. Иродиада ответила ему взаимностью. Влюбленные договорились о том, что преступная жена бежит от мужа и приедет в Галилею к своему возлюбленному. Слухи эти дошли до законной супруги Ирода Антипы. Не дожидаясь прибытия разлучницы, она сама оставила мужа и потребовала от отца, чтобы он покарал изменника. Арета начал войну, и войско Ирода Антипы было полностью уничтожено. Ирод воззвал к Риму, и император Тиберий решил вступить за своего вассала. Назревала серьезная война, которую предотвратила только смерть Тиберия. После чего Ирод Антипа, лишившийся жены, войска и поддержки Рима, все-таки женился на Иродиаде. Новый цезарь Калигула смотрел на прегрешения далекого восточного вассала сквозь пальцы (ибо сам жил с тремя своими сестрами), подданные самого Ирода молчали, и только один человек не переставал обличать преступную пару — Иоанн, по прозвищу Креститель.

Ирод к обличениям Иоанна относился достаточно спокойно. Он заточил его в темницу, однако же, по сообщению евангелиста Марка, «берег его», считая, что он «муж праведный и святой», и «с удовольствием слушал его». Собственно, Ирод слушал в основном советы мудреца. Но Иродиада, в адрес которой поступали не столько советы, сколько

обличения, слушала Иоанна со значительно меньшим удовольствием. Тем более что Ирод действительно «много делал, слушаясь его», и царица не могла не понимать, что рано или поздно это может плохо кончиться для нее самой. Согласно евангелистам, Иродиада подговорила свою дочь от первого брака Саломею, и та, воспользовавшись обещанием царя выполнить любую ее просьбу, потребовала голову Иоанна, что и было исполнено.

Единственным исключением, когда «открыть наготу жены брата» было не только можно, но и должно, являлся левиратный брак. После смерти бездетного мужчины его брат должен был «восстановить семя» его жене (именно это отдался сделать злополучный Онан). Впрочем, его печальная судьба, видимо, заставила иудеев пересмотреть свое отношение к обязательности левиратного брака. Уже в Книге Руфь сообщается, как можно избежать постылого брака, хотя бы ценой позора:

«Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею, и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле. Если же он не захочет взять невестку свою, то невестка его пойдет к воротам, к старейшинам, и скажет: “деверь мой отказывается восстановить имя брата своего в Израиле, не хочет жениться на мне”; тогда старейшины города его должны призвать его и уговаривать его, и если он станет и скажет: “не хочу взять ее”, тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лицо его, и скажет: “так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему”. И нарекут ему имя в Израиле: дом разутого».

Еще один запрет, который с той или иной степенью строгости соблюдали и по сей день соблюдают иудеи, — запрет на браки с иноплеменниками. Моисей говорил: «И не бери из дочерей их жен сынам своим, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блуждение вслед богов своих». Правда, не исключено, что пророк

имел в виду только браки с народами, населявшими Ханаан (по крайней мере, именно так разъясняются эти строки в «Толковой Библии» А. П. Лопухина). Позднее тот же Моисей (который, кстати, сам был женат на «эфиоплянке»), в определенном смысле противореча самому себе, заповедал, что при разделе военной добычи израильтянин вправе выбрать себе «женщину, красивую видом», «войти к ней и сделаться ее мужем». Что евреи и стали делать, тем более что «женщины, красивые видом» совсем не обязательно были жительницами Ханаана.

Впрочем, и с этими, однозначно запретными, женщинами евреи, несмотря на предостережение пророка, вступали в браки, и порой весьма небезуспешно. Так, некто Махлон женился на моавитянке Руфи (Рут), чьим именем была позднее названа одна из канонических книг еврейской Библии. Правда, Махлон вскоре умер, но с его вдовой, «чтобы оставить имя умершего в уделе его», вступил в левиратный брак праведный иудей Вооз (Боаз). Потомком от этого «запретного», с точки зрения Моисея, брака стал знаменитый царь Соломон, который, кстати, известен еще и тем, что ввел в свой гарем женщин множества национальностей.

Особенно участились смешанные браки в период вавилонского пленения. Но затем священник, книжник и реформатор Ездра (Эзра) решил навести в матримониальных делах строгий порядок, а заодно и устранить некоторые противоречия между заповедями Моисея. Как выяснилось, народ Израиля успел за годы плена породниться как с однозначно запретными женщинами хананеев, хеттеев, ферезеев, иевусеев, аммонитян и аморреев, так и с не столь однозначно запретными после истории с Руфью моавитянками и даже с египтянками, которые в случае, если они были захвачены в качестве военной добычи, уж и вовсе под запрет не попадали. Ездра не стал разбираться со степенью запретности и потребовал, чтобы иудеи, которые «сделали преступление» и «взяли себе жен иноплеменных из народов земли», немедленно развелись. Сначала мужья пытались саботировать приказание своего духовного лидера и оттянуть время расставания, ссылаясь на то, что «время теперь дождливое... да и это дело не одного дня и не двух; потому что мы

много в этом деле погрешили». Однако Ездра был неумолим и добился того, что «сделали они заседание... для исследования дела сего». В конце концов был составлен список из нескольких десятков нарушителей, которые «дали руки свои во уверение, что отпустят жен своих, и что они повинны принести в жертву овна за свою вину».

Но печальный пример разведенных и оштрафованных Ездрой мужей ничему не научил остальных. И когда вскоре в Иерусалим прибыл Неемия (Нехемия) — будущий автор одноименной библейской книги и еврейский наместник персидского царя в Иудее, — он застал примерно ту же ситуацию, которую безуспешно пытался исправить Ездра. Неемия сообщает: «...Я видал иудеев, которые взяли себе жен из азотянок, аммонитянок и моавитянок; и оттого сыновья их вполтину говорят по-азотски или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. Я сделал за это выговор и проклинал их, и некоторых из мужей бил, рвал у них волосы и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их и не брали дочерей их за сыновей своих и за себя». Наместник напоминал единоверцам о Соломоне: «Он был любим Богом своим, и Бог поставил его царем над всеми Израильтянами; и однако же чужеземные жены ввели в грех и его». Не известно, оказался ли столь поучительным пример Соломона, или же подействовали силовые методы, во всяком случае, в конце своей книги Неемия с удовлетворением сообщает: «Так очистил я их от всего чужеземного».

Надо отметить, что запрет на смешанные браки был провозглашен Моисеем с единственной целью: предотвратить возрождение язычества среди евреев и оградить молодой народ от поклонения кумирам, каковое неизбежно возникло бы (и возникало) в смешанных семьях. К национализму как таковому, равно как и к ущемлению прав инородцев, это не имело отношения. Тот же Моисей заповедал: «Когда поселится пришлец в земле вашей, не притесняйте его: пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской». Запрет на смешанные браки никогда не был особо строгим — в том смысле, что за него не

призывали карать слишком жестоко (в отличие, например, от инцеста или скотоложства). Тем не менее по букве религиозного закона связь с иноверцем не может расцениваться в иудаизме как брак и встречает осуждение со стороны верующих. В государстве Израиль два свидетеля должны подтвердить в местном религиозном совете, что и жених и невеста — евреи. Только после этого выдается разрешение на брачную церемонию.

Дополнительные ограничения существуют для мужчин — потомков Аарона, коэнов: «Они не должны брать за себя блудницу и опороченную, не должны брать и жену, отверженную мужем своим, ибо они святы Богу своему». При этом для коэна особо напоминает: «девицу из народа своего должен он брать в жену». Впрочем, жениться на вдове коэну тоже не возбраняется.

Разведенной женщине можно вступать в новый брак (если только жених не коэн), но нужно выждать девять месяцев, чтобы точно знать, не беременна ли она. Если беременна, то запрет продлевается на два года — срок, достаточный, чтобы выкормить младенца. Даже если жених молодой матери не возражает, он не может жениться на ней во время ее беременности и кормления — ведь права прежнего мужа на ребенка тоже надо учитывать. Весь период кормления женщина не должна вступать в связь с другим мужчиной, кроме отца ребенка, — считается, что его семя (через молоко) повлияет на личность младенца, который станет в каком-то смысле сыном двух отцов.

Интересно, что, несмотря на такую заботу о правах бывшего мужа, иудаизм ограничивает его права на повторный брак с собственной женой. Если разведенные супруги вовремя одумались, они могут воссоединиться. Но если бывшая жена уже успела побывать замужем, она становится категорически запретной для предыдущих мужей. Во Второзаконии говорится:

«Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, и она выйдет из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа, но и сей

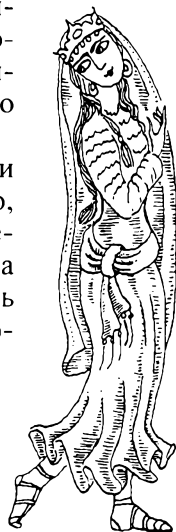
последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жену, — то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену, после того, как она осквернена, ибо сие есть мерзость пред Господом...»

Еще одно ограничение, касающееся разведенных женщин, гласит, что изменившая мужу жена не имеет права выйти замуж за своего соблазнителя. Таковую жену ее муж должен отвергнуть (это не только его право, но и обязанность, даже если он готов все простить), но для вступления в новый брак прелюбодейке придется искать себе кого-нибудь другого — брак с «соучастником» категорически запрещен. Детей, рожденных от этой связи, объявляют «мамзерами» — неполноправными иудеями, которым разрешены браки либо с такими же мамзерами, как они, либо с прозелитами.

Правда, измену еврейской жены доказать достаточно трудно. Во времена Первого Храма этот вопрос решался проще — тогда муж приводил подозреваемую в Храм, с нее срывали головной убор и при стечении народа давали выпить «горькую воду, наводящую проклятие» — святую воду, в которую была добавлена земля из святилища и пепел сожженного свитка с заклинаниями. Священник при этом возглашал:

«Если никто не переспал с тобою, и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невредима будешь от сей горькой воды, наводящей проклятие; но если ты изменила мужу твоему и осквернилась, и если кто переспал с тобою кроме мужа твоего... да предаст тебя Господь проклятию и клятве в народе твоём, и да соделает Господь лоно твое опавшим и живот твой опухшим».

После этого правда должна была выйти наружу: «...если она нечиста и сделала преступление против мужа своего, горькая вода, наводящая проклятие, войдет в нее, ко вреду ее, и опухнет чрево ее и опадет лоно ее, и будет эта жена проклятою в народе своем; если же жена не осквернилась и была чиста, то останется невредимой и будет оплодотворяема семенем».

Если самочувствие и внешность женщины во время испытания не менялись, то подозрения с нее снимались. Ее голову вновь покрывали платком. Ревнивый муж во искупление своей подозрительности должен был купить ей дорогой подарок, кроме того, он навсегда лишился права на развод. Но иногда случалось, что лицо испытуемой покрывалось трупными пятнами, а живот на глазах разбухал, — тогда ее вина считалась доказанной. Однажды преступная жена послала на испытание вместо себя свою сестру-двойняшку. Та была верной женой, и «горькая вода» ей не повредила. Однако когда сестры встретились и поцеловались, на теле неверной жены проявились искомые признаки, как если бы воду выпила она сама.

Процедура эта была достаточно проста, надежна и необременительна, но уже в эпоху Второго Храма люди заметили, что она перестала действовать, — во всяком случае, разоблачения неверных жен прекратились. Это, конечно, могло означать, что все жены отныне были верными, но такое решение вопроса не пришло в голову священнослужителям, которые хорошо знали свою паству. И они объявили, что дело не в безгрешности жен, а в греховности их мужей — на жену мужа-прелюбодея испытание не действует.

С тех пор для того, чтобы доказать супружескую измену, стали требоваться показания двух непосредственных свидетелей грехопадения. Причем косвенные улики во внимание не принимались. Известно, что однажды, уже в наши дни, раввинатский суд отказал в иске мужу, который предъявил видеозапись, на которой его жена лежала в постели с посторонним мужчиной, одетая в нижнее белье. Ведь возлежание еще не есть измена как таковая, а платье можно снять из-за жары...

Впрочем, это не означает, что религиозные нормы дозволяют евреям ложиться в постель с посторонними мужчинами. Наоборот, Галаха — свод законов и правил, управляющий повседневной жизнью евреев, — категорически запрещает женщине даже просто оставаться наедине с посторонним мужчиной в закрытой комнате. И для того, чтобы получить право на развод, мужчине не обязательно доказывать измену жены, достаточно уличить ее в том, что она

не следит за своей репутацией. Если свидетели подтвердят, что женщина своим поведением подает повод для сплетен, муж имеет право на развод, даже если жена и не изменяла ему в прямом смысле этого слова. Еврейская жена — как же-на Гая Юлия Цезаря — должна быть вне подозрений.

К проституции евреи всегда относились негативно, но без фанатизма. С одной стороны, Моисей заповедал: «Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых». Но уже в следующих строках пророк признал, что блудницы и блудники среди дочерей и сынов Израилевых таки есть, причем бороться с ними судебными-административными методами Моисей не призывает, он лишь запрещает принимать от них пожертвования на религиозные нужды. Позднее, начиная с эпохи Второго Храма, то ли еврейские мудрецы стали терпимее относиться к проституции, то ли денег на содержание Храма перестало хватать, но среди законоучителей послышались голоса о том, что запрет на жертвования относится только к женщинам, которые изменяют мужу или вступают в преступные связи с родственниками. Если же незамужняя проститутка зарабатывает деньги, обслуживая посторонних ей мужчин, то эти деньги в Храм таки можно пожертвовать. А если продажная женщина бросит свое ремесло, то ей и женой козна стать не возбраняется. Но это все были вопросы дискуссионные.

Священные книги сохранили истории о блудницах, которые завоевали у иудеев (а с их легкой руки и у христиан) немалую славу. Так, блудница Раав (Рахав), жившая в Иерихоне, пустила к себе в дом двух соглядатаев, посланных Иисусом Навином (Йехошуа бин Нуном) при осаде города. Вообще говоря, блудница, принимающая ночью незнакомых мужчин, может и не задаваться вопросом об их национальности, отношении к военной службе и дальнейших намерениях. Но Раав оказалась женщиной дальновидной и политически грамотной. Когда царь иерихонский потребовал выдать ему ночных гостей, Раав сообщила, что действительно принимала у себя неизвестных ей мужчин, но они покинули ее дом. Сама же «скрыла их в снопах льна,

разложенных у нее на кровле», направив погоню по ложному следу. Раав поступила так не из любви к своим новым знакомцам — она прямо объяснила им, что наслышана о непобедимости иудейского войска, что «все жители земли сей пришли от вас в робость» и что она просит сохранить жизнь ей и ее близким. После чего выпустила лазутчиков наружу из окна в городской стене.

Деяние иерихонской блудницы во все времена и у всех народов именовалось изменой Родине и предательством. Некогда так же точно поступила римлянка Тарпея, открыв ворота родного города воинам сабинского царя Тита Тация. Но сабинцы, воспользовавшись услугой изменницы, потом с презрением погребли ее под грудой щитов (Тарпея попросила в качестве награды то, что сабинский воин носит на левой руке, имея в виду золотой браслет и не предусмотрев, что щит держат в той же руке). Иудеи в данной ситуации оказались людьми менее щепетильными (но и более благодарными). Они не только выполнили свое обещание спасти семью изменницы — самой Раав позволили принять иудаизм и она, согласно мидрашам, стала женой Иисуса Навина и праматерью нескольких знаменитых библейских пророков. Христиане тоже высоко оценили знаменитую предательницу — ей посвятил несколько теплых строк апостол Павел в своем «Послании к Евреям». Род деятельности Раав, конечно, не имел никакого отношения к тому почету, которым окружили ее апологеты обеих религий. Но во всяком случае, ее профессия ничуть не помешала ни возвышению блудницы, ни ее блестящему браку.

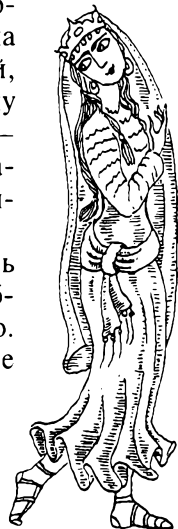
Священное Писание сохранило и упоминание о двух блудницах, которые обратились к царю Соломону с просьбой рассудить, кому должен принадлежать спорный младенец. Эти блудницы ни в каких военно-политических играх замешаны не были, и царь, рассудив их спор, мирно отправил женщин по домам. Во всяком случае, эта история свидетельствует о том, что блудницы могли не только легально жить и работать в Иерусалиме, но и допускались ко двору и могли лично беседовать с царем.

С тех пор и поныне раввины, порицая проституцию как явление, порицая проститутку за их профессию, тем не ме-

нее отстаивали при необходимости юридические и человеческие права самих продажных женщин. Что же касается мужчин, которые пользуются их услугами, то в этом вопросе рекомендуется индивидуальный подход. Если мужчина, имеющий здоровую жену, наведется к проститутке, это приравнивается к супружеской измене. Но если вдовец или муж, чья жена давно и тяжело больна, не могут совладать с голосом пола, к ним отношение иное. По мнению некоторых раввинов, посещение проститутки для них, во всяком случае, меньшее зло, чем онанизм. В критической ситуации можно даже обратиться за благословением на посещение публичного дома к раввину — и иногда такое благословение действительно дается. Но обычно с оговоркой, что вынужденное грехопадение должно совершиться достаточно далеко от дома.

Итак, иудаизм запрещает или, во всяком случае, не рекомендует своим последователям самые разнообразные виды грехопадений, начиная от скотоложства и заканчивая внебрачным сексом. Супружеский секс, напротив, считается делом богоугодным и праведным. Но и здесь существует такое количество правил, ограничений и предписаний, какого нет, наверное, ни в одной религии мира. Конечно, до даосов по тщательной проработанности сексуальных техник иудеям далеко. Но даосские поучения по «искусству внутренних покоев» даже для самого правоверного даоса всегда были желательны, но не обязательны к исполнению. И если какому-то китайцу уж очень хотелось сохранить верность единственной жене, не растягивать половой акт на долгие часы или завершить его благополучной эякуляцией, геенна огненная, равно как и осуждение единоверцев, ему не угрожала. В иудаизме сложилась обратная ситуация — здесь многочисленные сексуальные предписания носят характер строго обязательный, а нарушение их чревато самыми серьезными сакральными последствиями.

Начинаются ограничения уже в день, точнее, в ночь свадьбы. Эту ночь молодые, как бы ни утомила их свадебная церемония, должны увенчать физической близостью. Мужчина, женившийся на девственнице, может наутро не

ходить в синагогу и даже не читать обязательную утреннюю молитву, но увенчать супружество достойным образом обязан. Однако обязан лишь в том случае, если свадебная ночь не пришлась с пятницы на субботу (сутки по еврейскому календарю начинаются с вечера). Вообще говоря, обычно супружеский секс по субботам не только разрешен, но и приветствуется — дело в том, что Лилит, похищающая сперму набожных сынов Израиля, по субботам теряет свою магическую силу, поэтому супруги могут вволю заниматься любовью, а женщины зачинать, не опасаясь козней демонической соперницы. Но первая близость между супругами равносильна тому, что муж «приобретает» свою будущую жену, а приобретение чего-либо в субботу запрещено. Этот запрет в древности стал одной из причин того, что свадьбы по пятницам не играют. Позднее его отменили (только для девственных невест), но традиция осталась. Как мы уже упомянули, на девушках в пятницу не рекомендуется жениться еще и потому, что в таком случае обманутому жениху придется слишком долго дожидаться решения раввинатского суда. Но и те женихи, которые женятся на вдовах или разведенных женщинах, стараются назначить свадьбу на какой-нибудь другой день — первая близость с невестой-вдовой в субботу по сей день считается запретной. Для тех, кто все-таки вступает в брак в пятницу, единственная возможность обойти это правило — вступить в первую близость до наступления ночи, во время недолгого ритуального уединения, которое положено жениху и невесте сразу после венчания. Конечно же, свадьбу, независимо от того, девственна невеста или нет, можно назначать лишь на те дни, когда женщина находится в состоянии ритуальной чистоты — их в каждом месяце чуть больше половины. А кроме того, рекомендуется подгадать свадьбу к полнолунию, дабы семейная жизнь оказалась такой же обильной, как луна.

Но даже если луна будет полной, а до субботы далеко, супружеская близость в первую же ночь молодым, несмотря на настояния законоучителей, не гарантирована. Если по невесты от волнения, от переезда в другой город или еще по каким-то причинам собьется цикл и месячные начнутся прямо на свадьбе, это значит, что по завершении церемонии

молодые не смогут даже взяться за руки. Теперь им придется ждать, пока пройдут и сами месячные, и обязательные семь «чистых» дней, следующие за ними. А для того, чтобы избегнуть соблазна, к молодой паре очень часто приставляют маленькую девочку — обычно сестру или племянницу невесты. Теперь малышка будет не только всюду сопровождать новобрачную, но и спать с ней в одной постели, пока не закончится период нида — ритуальной нечистоты.

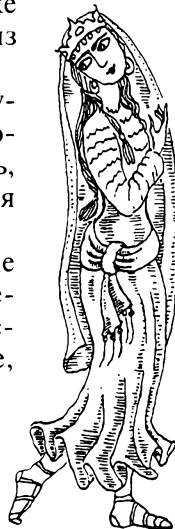
Не только новобрачные, но и все супружеские пары, живущие по законам иудаизма, воздерживаются от супружеской близости в течение недели после прекращения любых кровянистых выделений, но не менее двенадцати дней от начала менструации. Даже если менструация длится три дня, семь «чистых» дней начинают отсчитывать, только когда пройдут пять дней, то есть с шестого. Для молодой пары, только что совершившей дефлорацию, срок сокращается на один день — семь «чистых» дней начинают отсчитывать не с шестого, а с пятого дня (если, конечно, к этому времени кровотечение прекратилось).

В течение всего запретного периода муж и жена должны не только воздерживаться от секса, но и соблюдать множество других достаточно обременительных правил. Например, супругам запрещено наливать друг другу вино и доедать еду из тарелок друг друга. Законы Галахи гласят, что мужу в это время «нельзя смеяться и вести себя легкомысленно» со своей женой.

«Не следует касаться ее даже мизинцем и не следует передавать ей из рук в руки даже длинные предметы; и также не следует ничего брать из ее рук; перебросить что-либо из его рук в ее, а также наоборот, тоже запрещено».

«Не следует есть с ней за одним столом, кроме как в случае, когда в обычное устройство трапезы внесены некоторые изменения, то есть на стол поставлена некоторая вещь, разделяющая его и ее миски, причем это должна быть такая вещь, которую в обычных ситуациях на стол не ставят...»

«Не следует им спать в одной кровати, даже если это не ее специальная кровать. Даже если каждый из них спит одетым, и даже если они не касаются один другого, и даже если каждый спит на своем собственном постельном белье,

и даже если они спят каждый на своей кровати, но эти кровати соприкасаются — все это запрещено. Если же они спят на полу, им не следует спать лицом друг к другу, кроме как в случае, когда они спят на большом расстоянии друг от друга. И тот же закон относится к ситуации, когда они спят на двух кроватях, соприкасающихся длинными сторонами, так что иногда они оказываются спящими лицом к лицу: несмотря на то что кровати не касаются одна другой по-настоящему, это запрещено, если расстояние между кроватями небольшое. И мужу запрещено даже сидеть на кровати, предназначенной лично для жены, даже если она при этом не присутствует; жене же запрещено спать на кровати, предназначенной специально для мужа. Однако нет необходимости запрещать ей сидеть на его кровати».

«Им запрещено сидеть вдвоем на длинной скамье, если она не закреплена неподвижно. Если же между ними сидит кто-то еще — это разрешено. И им не следует ехать в одной повозке или плыть на одном корабле, если они просто прогуливаются, скажем, по садам и т. д. Если же они едут по делу из одного города в другой, им это разрешается, даже если они едут только вдвоем; только они должны сидеть так, чтобы не касаться друг друга».

Правил этих множество. А поскольку менструации у женщин не всегда бывают в одно и то же время, а кроме того, существуют еще и кровотечения по другим причинам, то для определения периода чистоты и нечистоты тоже существует бесчисленное количество правил, включающих не только регулярный самоконтроль, но и консультации у духовных авторитетов. В случае сомнений муж может отнести испачканное белье или ватный тампон раввину, чтобы тот определил, считать ли этот случай кровотечением или нет. Для особо стыдливых супругов в Израиле существует служба, в которой проверку белья выполняют анонимно.

Особые проблемы возникают у женщин, имеющих сокращенный цикл, — ведь супружеская близость разрешается только на двенадцатые-тринадцатые сутки (если менструация началась вечером, прошедший день тем не менее засчитывается). Для женщин, имеющих обычный, 28-дневный цикл, это совпадает с овуляцией. Но у тех, кто имеет цикл

длительностью 21 день, овуляция к этому времени успевает завершиться, и женщина не может забеременеть. В течение многих веков эти абсолютно здоровые женщины считались бесплодными, и только современная медицина смогла наконец определить, в чем же дело. Она же в какой-то мере может прийти на помощь проблемным парам, столкнувшимся с так называемым «галахическим бесплодием». Но нередко раввины, вооруженные современными знаниями об овуляции, в виде исключения и только для того, чтобы зачать ребенка, разрешают сократить отсчет «чистых» дней с семи до трех или пяти.

Но вот, наконец, долгие дни воздержания завершились. Однако это не значит, что супружеская пара может немедленно отправляться в спальню. Сначала жена должна совершить ритуальное омовение в специальном бассейне — микве, наполненном дождевой водой. Традиционно в микву следовало отправляться только вечером. Но у женщины, которая одна выходит из дома в темное время суток, могут возникнуть проблемы. В разное время раввинам приходилось в виде исключения разрешать женщинам своих общин дневные омовения — причины для этого были самые разные, от львов и разбойников, которые выходили на промысел по ночам, до вечерней сырости или комендантского часа. И в конце концов возобладало мнение, что погружаться в микву при необходимости можно и днем. Делать это следует так, чтобы вода омыла все тело целиком, поэтому предварительно женщина снимает с себя не только браслеты и кольца, но и пластыри, и вставные зубы (если их конструкция это допускает). Препятствием для очищения считаются даже лак на ногтях и загрубевшая кожа на ступнях.

Раввин Ариэль Зильбигер писал о ритуальном омовении: «Наступает новый этап. Теперь, когда процессы созидания в организме женщины в основном завершились, она окунается в воды микве — естественные воды, символизирующие природу в том виде, в каком она была создана в семь дней Творения, то есть еще до вмешательства человека. Это действие переводит женщину из состояния “нида” — ритуальной нечистоты — в состояние “таора” — ритуальной чистоты, когда супружеские отношения вновь разрешены. Этот

новый этап можно уподобить лету, когда цветы достигают всей полноты цветения, а плоды — полной зрелости. Настало время радоваться им и наслаждаться ими».

А пока женщина возвращается из миквы домой (стараясь, чтобы ее взор ни в коем случае не упал на что-нибудь некрасивое или неприятное), муж с волнением ожидает ее за накрытым праздничным столом. Долгий период воздержания позволяет супругам в течение многих лет сохранять свежесть чувств. Это тем более важно, что особого разнообразия в постели иудаизм не предусматривает.

Супружеская близость, даже с женой, находящейся в состоянии ритуальной чистоты, по законам иудейских мудрецов разрешается далеко не всюду и не всегда. Она должна совершаться только в темное время суток или в комнате, где нет окон. Включать свет не рекомендуется, но, если все-таки супруги зажгли свечу, она должна быть отгорожена непрозрачным экраном. Второе важное требование — в комнате не должно быть никого, кроме самих супругов, даже домашние животные считаются нежелательными свидетелями. Младенец может спать в родительской спальне в своей кроватке, но и его придется выселить, когда ему исполнится год. Несмотря на то что супружеская близость у иудеев отнюдь не считается греховной уступкой слабостям плоти, а, напротив, приравнивается к богослужению, держать в спальне священные книги тоже не следует. В крайнем случае они должны находиться в закрытом шкафу. Никакие звуки из спальни не должны проникать наружу. Если супруги ночуют в гостях, то им придется либо воздерживаться, либо попросить, чтобы их поселили в достаточно изолированном помещении. Но при всех условиях постельное белье они могут использовать только свое собственное... Запрещена близость и в том случае, если хотя бы один из супругов не вполне здоров или устал, например, после долгого пути. Ребенок должен быть зачат здоровыми и бодрыми супругами, лишь тогда к нему с полным основанием можно будет отнести слова из псалма царя Давида:

«И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет».

Мужу, ложащемуся с женой в постель, следует поторопиться и не откладывать выполнение супружеских обязанностей на поздний час. Если жена уснет, то будить ее или тем более вступать в близость со спящей женщиной запрещено — это приравнивается к насилию. А любое сексуальное насилие иудаизмом категорически запрещено. В уже упоминавшемся каббалистическом трактате «Игерет Акодеш» Рамбан писал:

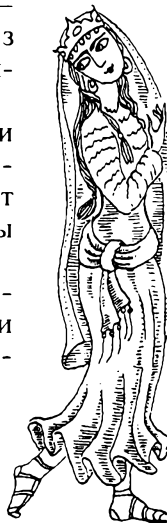
«Муж никогда не должен брать жену силой, ибо Божественный дух не снисходит на того, чьи сексуальные отношения происходят без желания, любви и свободной воли... Талмуд учит нас, что как лев набрасывается и безжалостно разрывает свою жертву, так и невежественный человек бесстыдно набрасывается и спит со своей женой. Лучше согрейте ее сердце приятной беседой и соблазнительными словами...»

Запрещен и утренний секс, сразу после пробуждения. Утренняя эрекция у мужчины вызвана не близостью спящей рядом жены, а сновидениями и ночными фантазиями, посылаемыми злокозненной Лилиг, на провокации которой поддаваться не следует.

Позы тоже разрешены не любые. На этот счет среди мудрецов нет единой точки зрения, но, во всяком случае, преобладает мнение, что классическая, или, как ее называют христиане, «миссионерская», поза является беспроегрешной. Когда палестинского мудреца рабби Достая бен Яная попросили высказаться на эту тему, он ответил: «Почему во время секса мужчина лежит лицом вниз, а женщина — лицом вверх? Потому что каждый из них смотрит на то, из чего он создан: мужчина — на землю, а женщина — на мужчину».

Каббалисты считали, что во время интимной близости супруги должны следовать универсальному закону Вселенной: при передаче любого вида энергии тот, кто сообщает ее, находится выше того, кто ее получает, а лица их должны быть обращены друг к другу.

Поза, при которой женщина находится сверху, запрещена однозначно, ведь именно по этому поводу и возникли в свое время разногласия между первым на земле мужчи-

ной и его первой подругой Лилит. Адам считал, что сверху должен быть он, ибо он глава и мужчина. У Лилит была своя точка зрения, и в результате происшедшей ссоры она сбегала от своего суженого и стала спутницей Сатаны. Для того чтобы не уподобиться злокозненной сопернице, еврейки должны избегать запретной позы. Кроме того, рабби Шломо Ганцфрид, автор популярной книги по еврейскому законодательству «Кицур Шульхан Арух», особо подчеркивает: «Осуществлять половую близость следует со всей возможной скромностью. Если она сверху, а он снизу — это способ наглых».

Несколько менее криминальной считается поза «мужчина сзади». Маймонид против нее протестовал, считая неестественной, но другие авторитеты ее позволяют. Зато многие из них не позволяют другие, достаточно невинные (с точки зрения человека, далекого от иудаизма), вольности. Талмуд сообщает, что рабби Йоханан бен Дахабай предостерегал супругов от четырех возможных ошибок в постели:

«Дети рождаются хромыми оттого, что их родители “переворачивают стол”; немыми, потому что те целуют “это место”, глухими, поскольку те разговаривают во время полового акта, слепыми, если те смотрят на “это место”».

По поводу того, что имел в виду стыдливый мудрец под «переворачиванием стола», сегодняшние комментаторы расходятся во мнениях, но, во всяком случае, это не «миссионерская позиция». С остальными положениями все более или менее понятно. Смотреть на «это место» действительно нельзя, впрочем, в темноте, которая обязательно сопутствует половому акту, его все равно не увидишь. По поводу того, можно ли «это место» целовать, существуют разные точки зрения. Во всяком случае, оральный секс если и допускается, то лишь когда супруги не могут возбудиться как-нибудь иначе, — завершиться половой акт должен традиционно, дабы сперма не попала куда бы то ни было, кроме предназначенного для нее природой места. Поскольку соблюсти все эти правила (а также и многочисленные другие), соблюдая полную немоту, не всегда возможно, то многие законоучители, вопреки Йоханану бен Дахабаю, го-

ворить в постели все-таки разрешают, но лишь о том, что напрямую относится к делу. Некоторые разрешают даже ненормативную лексику, лишь бы она пошла на пользу. А вот думать о чем-то (а главное, о ком-то) постороннем во время акта нельзя. Муж и жена не должны предаваться отвлеченными сексуальными фантазиями и должны полностью сосредоточиться друг на друге.

В целом по поводу четырех запретов, наложенных рабби Йохананом бен Дахабаем, его тезка, палестинский мудрец III века, высказался так: «Все, сказанное выше, — мнение рабби Йоханана бен Дахабая. Однако мудрецы сказали, что закон — не по его мнению! Но как муж желает заниматься любовью с женой, так он и может поступать».

Кстати, вопреки распространенной точке зрения о том, что особо добродетельные евреи занимаются сексом через отверстия в простыне, дабы не видеть и не касаться друг друга, все сексуальные руководства для иудеев сообщают, это не более, чем досужая выдумка. Родилась она, возможно, потому, что ортодоксальные иудеи действительно носят ритуальную нижнюю одежду, скроенную по принципу пончо, — прямоугольник с отверстием посередине. Но одежда эта не имеет к сексу никакого отношения.

Шмулей Ботеах — раввин Оксфордского университета, директор общества «Лехаим» — в своей книге «Кошерный секс» пишет по этому поводу:

«...Еврейский закон не только не оговаривает как обязательное использование простыни, но и даже запрещает это, если пара желает прибегнуть к “простынному” сексу из-за чрезмерного стремления к благочестию. Древние раввины не разрешали мужу и жене иметь на себе какие-либо предметы одежды во время занятий любовью. Секс должен приносить с собой мощную волну эмоций, которая заставляет пару чувствовать близость, и эта волна просыпается тогда, когда тело соприкасается с другим телом. Пара может делать все, что ей хочется, во время любовной прелюдии, чтобы возбудить друг друга — супруги могут использовать французское белье, футбольные шлемы и наколенники, если это разжигает их фантазию. Однако сам половой акт должен проходить без каких бы то ни было предметов одежды,

чтобы на пути близости, которой достигает пара, не было никаких барьеров».

Ботеах подчеркивает, что в этом же ключе рассматривается в иудаизме и использование презервативов. «Презервативы — это барьер для близости», — пишет раввин. Кроме того, иудаизм, поощряя деторождение, к любым контрацептивам относится настороженно, по крайней мере до тех пор, пока в семье не родилось достаточное количество детей. Тем не менее контрацептивы разрешены, но предпочтение отдается таблеткам или спиралям, которые позволяют супругам ощутить максимальный физический контакт.

Надо сказать, что законоучители, настаивающие на сексуальном раскрепощении супругов, не только заботились об их удовольствии, но и проводили мудрую демографическую политику. Иудеи считают, что половой акт, завершившийся оргазмом женщины, приведет к зачатию мальчика. Если же супруг поспешил, то больше, чем на девочку, он рассчитывать не может. Поэтому еврейская традиция, подобно даосской, огромное внимание уделяла удовлетворению женщины. Существовала и точка зрения, что зачатию мальчика способствуют два половых акт за одну ночь.

Иудаизм настаивает на том, что муж должен удовлетворять жену по первому ее требованию (разумеется, если она находится в состоянии ритуальной чистоты). Если же она никаких требований не предъявляет, мудрецы Талмуда сами позаботились об этом вопросе. Они постановили, что материально обеспеченный человек, не занятый физическим трудом, должен радовать жену ежедневно (впрочем, это «ежедневно» относится в лучшем случае к 16 дням из 28). Люди, занимающиеся физическим трудом, должны делать это не реже двух раз в неделю. Погонщики ослов — раз в неделю. И наконец, погонщик верблюдов должен удовлетворять жену ежемесячно. Такая разница между погонщиками ослов и верблюдов не должна удивлять. Ведь осел — животное, предназначенное для коротких расстояний; что же касается верблюжьих караванов, то у тех, кто их сопровождает, не всегда есть возможность вернуться к жене в указанный Талмудом срок... Самое вольное сексуальное расписание предусмотрено для моряков — обязательный один

раз в шесть месяцев. Некоторые послабления сделаны и для евреев, которые хотят полностью посвятить себя изучению Торы. Несмотря на то что они попадают под первую категорию — людей, не занятых физическим трудом, — для них обязателен один половой акт в неделю, лучше всего в субботнюю ночь. И конечно же, для всех иудеев (кроме разве что моряков и погонщиков верблюдов) обязательна близость с женой в ту торжественную ночь, когда она возвращается из миквы. Впрочем, в отсутствие мужа его супруга не посещает микву, приберегая этот ритуал к его возвращению (если женский цикл позволит).

Несмотря на множество мелких запретов и рекомендаций, которые, с точки зрения непосвященного, «приземляют» кошерный секс и делают его слишком рассудочным и контролируемым, супружеские отношения у евреев носят очень эмоциональный характер. Частые периоды воздержания лишь способствуют этому. И не случайно фаллос на иврите может обозначаться тем же словом, что и соловей. Ну а роза во множестве культур мира всегда была символом женского лона. Любовь Соловья к Розе — можно ли найти лучший символ возвышенных супружеских отношений?!

«Наслаждаться совершенно
не дозволяется...»

Христианство

Согласно Библии, прародители человечества, Адам и Ева, никаких сексуальных запретов не знали; напротив, первыми словами, с которыми Бог обратился к первым людям земли, была заповедь «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю». Как именно они должны были это делать, не оговаривается, и, судя по всему, технические и нравственные вопросы оставались на усмотрение самих супругов. Во всяком случае, еще до того, как коварный змей обольстил Еву, в райском саду уже прозвучали слова: «...Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть». Об этом говорится во второй главе Книги Бытия.

Правда, некоторые толкователи Библии считают, что союз Адама и Евы в раю, носил тем не менее платонический характер, а слова «одна плоть» надо понимать в чисто духовном смысле. Они обосновывают свою точку зрения тем, что первое упоминание о плотском контакте прародителей встречается только в четвертой главе Книги Бытия, уже после грехопадения и изгнания из Эдема: «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала...» В этой трактовке секс оказывается непосредственным следствием грехопадения — занятием, которому не было места в раю. Однако было бы странно думать, что люди, получив непосредственно из Божествен-

ных уст столь соблазнительное указание, отложили его на неопределенное будущее, занявшись вместо этого беседами со змеем и поеданием сомнительных плодов. Недаром крупнейший богослов, автор «Толковой Библии», А. П. Лопухин пишет: «...Многие склонны думать, что в раю не существовало общения и что оно возникло лишь со времени грехопадения в качестве одного из его следствий. Но такое мнение ошибочно, так как оно стоит в противоречии с божественным благословением о размножении, преподанном самим Богом первозданной чете еще при самом ее сотворении. Самое большее, что можно предположительно выводить отсюда, это то — что райское состояние, вероятно, продолжалось очень недолго, так что первые люди, всегда поглощенные высшими духовными запросами, еще не имели времени отдать дань физической, низшей стороне своей природы».

Несмотря на то что человечество в лице Адама и Евы получило от Бога самое непосредственное указание стать «одной плотью» и размножаться, первые христиане к сексу, даже и супружескому, относились настороженно. Считалось, что конец света близок, и в этой ситуации деторождение казалось неуместным. Апостол Павел писал: «...Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как неимеющие...» Однако категорического запрета на супружеские отношения апостол не накладывал: «...Будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление... Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я; но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Св. Ефрем Сирийский в четвертом веке считал, что супружеские пары после крещения должны прекратить всякие сексуальные отношения. Его младший современник Блаженный Августин утверждал, что безбрачие гораздо желаннее брака. Живший в третьем веке теолог и один из отцов Восточной церкви Ориген оскотил себя, дабы избегнуть плотского греха.

Иоанн Златоуст в четвертом веке уверял, что у христиан не должно быть потребности в продолжении рода: «Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала

смерть и умиравшие думали, что после здешней жизни они погибают, тогда Бог давал утешение в детях... Когда же, наконец, воскресение стало при дверях и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни, лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишнею...»

Кроме того, у Златоуста имелась своя, оригинальная точка зрения на причины зачатия: «А рождение детей, конечно, происходит не от брака, но от слов, сказанных Богом: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю; это доказывают те, которые, вступив в брак, не делались отцами».

При таких условиях половая жизнь становилась если и не греховной, то, во всяком случае, исполненной тщеты, а по-сему и совершенно избыточной. В «Книге о девстве» Златоуст прямо пишет: «Бог хочет, чтобы все люди воздерживались от брака...» Этот тезис он, пренебрегая формальной логикой, выводит из слов апостола Павла, напрочь игнорируя заповедь «плодитесь и размножайтесь». Впрочем, противореча самому себе, знаменитый богослов тут же сообщает: «...Я не поставляю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его... Запрещаю я блуд и прелюбодеяние, но брак никогда». Сам Златоуст никакого противоречия в своих словах не видит и объясняет, что брак «есть пристань целомудрия для желающих хорошо пользоваться им, не позволяя неистовствовать природе» и дозволен лишь для того, чтобы удерживать «волны похоти» и сохранять людей «в великом спокойствии». Впрочем, не вполне понятно, как должны супруги противостоять «волнам похоти», поскольку Златоуст, разрешая им плотское соитие, тем не менее предупреждает, что «наслаждаться совершенно не дозволяется». Никаких технических указаний, как провести половой акт, избегнув при этом наслаждения, автор не оставил.

У многих других богословов — современников Златоуста — уже была несколько иная точка зрения на секс, более отвечающая требованиям времени. Поскольку на дворе стоял четвертый век, а конца света все еще не наблюдалось, то вопрос с продолжением рода человеческого надо было так или иначе решать, тем более что далеко не все Отцы Церкви разделяли оригинальную точку зрения Златоуста на причины зачатия. Поэтому, помимо проповеди celibата, пасты-

ри все больше внимания начинают уделять регламентации сексуальной жизни христиан.

Святой Василий Кесарийский, известный также как Василий Великий, сравнительно толерантно относился к сексу не только в браке, но даже и вне брака. Конечно, он осуждал внебрачные сожителства, но, понимая их неизбежность, пытался навести в них хоть какой-то порядок. К добрачным связям святой достаточно терпим: «Блуд не есть брак, и даже не начало брака. Посему совокупившихся посредством блуда лучше разлучать, если возможно. Если же всемерно держатся сожития, то да примут епитимию блуда, но да оставятся в сожитии брачном, да не горшее что будет».

Василий Великий категорически осуждал измену жены — он считал, что прелюбодейка не имеет права вернуться к обманутому мужу. Но при этом он вполне лояльно смотрел на измену мужа: «...Соблюдавший не отлучается от сожительства с женою своею, и жена должна принять мужа своего, обращающегося от блуда, но муж оскверненную жену изгоняет из своего дома... Причину сему дати не легко, — признавался святой, — но тако принято в обычай». Отметим, что незадолго до того, в 326 году, император Константин (который примет христианство только через одиннадцать лет) издал закон, воспрещавший женатым мужчинам иметь любовниц. Таким образом, святой Василий в этом смысле оказался даже более толерантным, чем государственные законы Римской империи, которая еще была в значительной мере языческой.

Св. Василия волнует судьба брошенного мужа: «...Жена, оставившая своего мужа, есть прелюбодейца, аще перешла к другому мужу, а муж оставленный достоин снисхождения». Снисхождение святого к брошенному супругу простигается настолько, что даже женщина, «сожительствующая с ним, не осуждается».

А вот к девушке, которая дала обет целомудрия, а потом нарушила его, святой крайне строг. Сохранилось его письмо «К падшей деве», в котором Василий Великий упрекает отступницу в самых резких выражениях. «Где же твоя степенная наружность, — восклицает святой, — где благопристойный нрав, и простая одежда, приличная деве, прекрасный румянец стыда, и благолепная бледность, цветущая от воз-

держания и блдения и сияющая приятнее всякой доброцветности?» Авторы настоящей книги не смогли из текста письма понять, вступила ли нечестивая дева в брак или попросту предалась блуду — судя по всему, этот вопрос мало волновал святого, — так или иначе, бедняжку, впавшую в «бесчестное и нечестивое растление», ожидали «огонь неугасимый, червь бессмертно мучительствующий, темное и ужасное дно адаво, горькое рыдание, необычайные вопли, плач и скрежет зубов». Но надежда на спасение у падшей девы оставалась: «Можно избежать сего ныне. Пока есть возможность, восставим себя от падения; и не будем отчаиваться в себе, если исправимся от худых дел». Святой не предлагает грешнице свершать тяжелые подвиги покаяния: «Тебя ищет добрый Пастырь, оставив заблудших овец. Если отдашься Ему, не замедлит, не погнушается Человеколюбец понести тебя на рамена Своих, радуясь, что нашел овцу Свою изгибшую. Отец восстал и ждет возвращения твоего от заблуждения. Исправься только, и когда еще будешь далеко, Он притечет, падет на выю твою, и в дружеские объятия заключит тебя, очищенную уже покаянием.... И объявит день веселия и радости Своим, и Ангелам и человекам, и всячески будет праздновать твое спасение».

Судя по всему, обеты невинности были не такой уж редкостью среди европейских дев, а увещевания Василия Великого достигали цели. Григорий Турский, епископ, святой и автор «Истории франков», описывая в конце шестого века бракосочетание клермонтского сенатора Иньюриоза с некой богатой и добродетельной девицей, сообщает, что, оказавшись наедине с собственным мужем, она девица категорически отказалась исполнять супружеские обязанности, мотивируя это данным ранее обетом. Почему она не удосужилась сообщить об этом жениху до свадьбы, не вполне понятно. Во всяком случае, теперь молодая жена лила слезы над тем, что «должна была удостоиться участи небесной, а ныне опускается в бездну». Поначалу юноша, не столь твердый на стезе добродетели, пытался спорить. Но никакие доводы о том, что они — единственные дети у родителей, никакие мысли о необходимости продолжения рода не могли смутить чистоту девицы. В конце концов добродетель победила: «По-

сле этого они прожили вместе, поживая на одном ложе, много лет и сохраняли невинность, достойную похвалы».

Отметим попутно, что Русская православная церковь такие подвиги добродетели не приветствует. В двенадцатом веке новгородский епископ Нифонт, отвечая на вопросы ученого и церковного писателя Кирика Новгородца, сказал, что жена вправе оставить мужа (и это при том, что Церковь негативно относится к разводам), если он не исполняет свои супружеские обязанности: «Если муж не лазит на жену свою без совета, то жена не виновата, идучи от него».

В документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятом Архиерейским собором РПЦ в 2000 году, говорится: «Церковь отнюдь не призывает гнушаться телом или половой близостью как таковыми, ибо телесные отношения мужчины и женщины благословлены Богом в браке, где они становятся источником продолжения человеческого рода и выражают целомудренную любовь, полную общность, «единомыслие душ и телес» супругов, о котором Церковь молится в чине брачного венчания...»

Но вернемся к первым христианам, у которых была своя точка зрения на проблему воздержания. Надо отметить, что, несмотря на проповедь целомудрия и аскезы, раннее христианство достаточно терпимо относилось к падшим женщинам. Первые христианские императоры вместо того, чтобы направлять проституток на путь истинный, облагали их налогами, нимало не смущаясь происхождением денег, текущих в казну. Что же касается христианских проповедников, то они прежде всего осуждали супружескую измену и лишь во вторую очередь — грехопадение незамужних женщин. Если же грехопадение завершалось раскаянием, то у вчерашней куртизанки было едва ли не больше шансов оказаться причисленной к лику святых, чем у других подвижниц.

Созданное в седьмом веке «Житие Марии Египетской» повествует о куртизанке, удалившейся в пустыню. Здесь после долгого подвижничества она встретила святого старца Зосимой, который «чуть что не с пелен был взрошен в монастырском обычае и трудах». Мария честно поведала Зосиме о своих прегрешениях:

«При жизни родителей я в двенадцать лет, презрев любовь к ним, ушла в Александрию. Когда я потеряла чистоту и сколь неудержимо и жадно влеклась к мужчинам, я совещусь даже вспоминать, ибо стыд теперь не позволяет мне говорить. Коротко скажу, чтобы ты узнал, как похотлива я была и как падка до наслаждения: 17 лет, да простишь ты мне это, я торговала собой и, клянусь, не ради корысти, ибо часто отказывалась, когда мне предлагали плату. Поступала я так, безвозмездно совершая то, чего мне хотелось, чтобы привлечь к себе большее число желающих. Не думай, что я не брала денег, потому что была богата: мне приходилось просить подавание или прясть, но я была одержима ненасытной и неудержимой страстью пятнать себя грязью. Это была моя жизнь: я почтила жизнью постоянное поругание своего тела».

Но, несмотря на столь бурное прошлое (а может быть, в какой-то степени и благодаря ему), Мария удостоилась высших христианских почестей, искупив свои греховные годы равным количеством лет покаяния. К концу жизни она обрела умение ходить по воде, старец Зосима назвал ее «ангелом во плоти, которого недостойн мир», а лев вырыл для святой могилу своими когтями, что делалось далеко не для всех девственниц.

Византийский текст пятого века «Раскаяние святой Пелагии» рассказывает о том, как будущая святая в бытность свою куртизанкой считалась, и не без оснований, «разубранным пристанищем дьявола». Она проживала в Антиохии под именем Маргарито и считалась «первой из антиохийских танцовщиц». Однако же, когда куртизанка выразила желание принять крещение и стать «честной» женщиной, ее окрестили без проволочек. Единственное дополнительное требование, которое пришлось соблюсти, — «не крестить блудницу без поручителей, чтобы она вновь не впала в тот же грех». Но поручители нашлись, и уже через два дня после крещения вчерашняя грешница одержала замечательную победу над дьяволом.

«Спустя два дня дьявол опять приходит, когда Пелагия спала в опочивальне со своей крестной матерью, и будит рабу Божию и говорит: “Госпожа моя, Маргарито, что я сделал тебе дурного? Разве не одел золотом и перлами? Не осыпал

серебром и золотом? Умоляю, скажи, чем я огорчил тебя? Ответь, и я припаду к тебе и оправдаюсь. Только не покинь меня, дабы я не сделался посмешищем христиан”. А раба Божия, перекрестившись и дунув на него, заставила диавола исчезнуть, сказав: “Да накажет тебя Господь Иисус Христос, исторгший меня из твоей пасти и укrywший в Своем брачном чертоге на Небесах”. Затем, разбудив диаконису Роману, говорит ей: “Молись за меня, матушка, потому что диавол, словно лев, кидается на меня”. А Романа отвечает ей: “Не бойся, дитя, и не страшись его, ибо он отныне трепещет и боится даже твоей тени”».

Если же девушка грешила не по зову плоти, не ради обогащения, а во имя какой-либо достойной цели, это и вовсе не считалось грехом. Так, Амвросий Медиоланский, один из Отцов Церкви, живший в четвертом веке, в своей книге «О девственности» рассказывает о девушке-христианке из Антиохии, которая во время гонений была поставлена перед выбором: принести жертву на алтарь языческих богов или отправиться в lupанарий. Христианка без колебаний предпочла второе, за что и удостоилась Царствия Небесного.

На куртизанок Церковь смотрела более или менее сквозь пальцы в надежде дожидаться от них раскаяния и грядущих подвигов благочестия. Многобрачные христиане подвергались гораздо более жесткой критике. С первых веков христианства новая религия не только наложила запрет на полигамию, но и ограничила последовательные браки. Еще во втором столетии Афинагор писал: «Отступающий от первой жены, хотя бы она и умерла, есть прикровенный прелюбодей. Он преступает распоряжение Божие, ибо в начале Бог сотворил одного мужа и одну жену».

Св. Василий Кесарийский пишет в четвертом веке: «Правило устанавливает один год отлучения от Церкви для тех, кто женится во второй раз. Другие правила даже требуют двух лет. Те, кто женится в третий раз, часто отлучаются в течение трех или четырех лет. И такой союз не называют браком, но многобрачием, или скорее наказуемой внебрачной связью...» Его современник и близкий друг, св. Григорий Назианзин, по прозвищу Богослов, утверждал, что

первый брак «является законным, второй — допустимым, третий — незаконным, а следующий — свинским».

В том, что касается вдовцов, какие-то поблажки все-таки существовали, ибо, что бы ни писал Григорий Богослов о «свинских» браках, апостол Павел в свое время таковые разрешил. Тем не менее, признавая повторные браки, Церковь не всегда соглашалась их венчать. Так, каноны патриарха Никифора запрещали венчание любого брака, кроме первого. Впрочем, венчание для христиан достаточно долго было необязательным. Лишь в шестом веке утвердилась традиция, по которой супружеские союзы императоров получали благословение патриарха. Примерно в восьмом — девятом веках некоторые новобрачные, по желанию, стали получать благословение в церкви: они становились перед алтарем и священник читал короткую молитву. И только на рубеже девятого и десятого веков византийский император Лев VI Мудрый ввел обязательный обряд венчания для всех христиан Византийской империи.

Забегая вперед, скажем, что сегодня Русская православная церковь, хотя и рекомендует христианам церковное освящение браков, невенчаные союзы не обязательно считает греховными. Священник Лев Шихляров, заведующий кафедрой вероучительных дисциплин Российского православного института, пишет: «Совершенно ошибочно считать, что невенчаный брак не является браком и тем более, как часто приходится слышать, является блудом. Люди, любящие друг друга и желающие быть вместе навсегда, нести ответственность друг за друга и осуществить свое единение в детях, участвуют в тайне брака даже тогда, когда они не ведают, Кто является Источником любви и Законодателем брачных отношений».

В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» сказано, что даже браки, заключенные между православными и нехристианами, Церковь, отказываясь их венчать, тем не менее признает «в качестве законных», «не считая пребывающих в них находящимися в блудном сожительстве».

Но такая точка зрения возникла достаточно недавно. В десятом веке православные христиане (церковный рас-

кол к этому времени уже почти завершился) потеряли право на гражданское сожителство. В 920 году был издан так называемый «Томос Единения» — он разрешил вторые браки вдовцов, ограничил третьи и категорически запретил четвертые. Что же касается тех, кто мечтал соединиться новыми узами при жизни прежнего супруга, для них Церковь лезек не оставляла. В конце седьмого века Трулльский собор постановил: «Жена, оставившая мужа, аще поидет за инаго, ест прелюбодейца», «Законно сопряженную себе жену оставляющий, и иную поемлющий... повинен суду прелюбодеяния». Таковым прелюбодеям Церковь предписывала длительное покаяние: «...год быти в разряде плачущих, два года в числе слушающих чтение Писаний, три года в припадающих, и в седмый стояти с верными, и тако сподобитися причащения, аще со слезами каятися будут».

Католическая церковь еще до официального раскола (в 1054 году) имела особую точку зрения на повторные браки: вдовцам разрешалось вступать в новые браки неограниченно. Но в другом вопросе, напрямую связанном с супружеской жизнью, она крайне нетерпима и по сей день: здесь очень осложнен развод и тем более второй брак при жизни супруга. Причем запреты эти существовали еще в те времена, когда в брак вступали без венчания. Западные церкви (как и восточные) в древности считали венчание излишним. После их объединения под сенью Римского престола ситуация долго не менялась — венчание входило в обычай постепенно, прежде всего среди аристократии, и обязательная для католиков форма брака с участием священника была введена только в середине шестнадцатого века (значительно позже, чем в Византии). Но расторжение даже невенчанного брака могло происходить только с дозволения Церкви. Собственно, развода в полном смысле слова Католическая церковь не признает вообще — она допускает лишь «разлучение» супругов, после которого они хотя и могут жить раздельно, но вступать во второй брак не имеют права. Любая связь на стороне при этом, естественно, считается блудом. Единственная возможность расторгнуть постылый брак — это объявить его недействительным, для чего имеется не так уж и мало поводов: выяснившееся дальней родство супру-

гов, их нечаянное кумовство, доказательство того факта, что один из супругов вступил в брак по принуждению, и многие другие. Тем не менее католик имеет очень мало шансов освободиться от брачных уз и вступить в новый союз.

Еще один вопрос, который по-разному решался разными церквями, — вопрос о браке священнослужителей. Западные церкви еще в 306 году, задолго до раскола, пытались на Эльвирском соборе ввести целибат для священников. Позднее, на Вселенском соборе в Никее эту идею отклонили. Но Запад тем не менее внедрял ее постепенно. Поначалу священникам рекомендовалось жить со своими женами в «ангельском» браке. Но поскольку священники, а тем паче их жены все же не ангелы, церковнослужителям рекомендовалось ночевать в домах у своих женатых коллег для контроля их целомудрия. Видимо, результаты проверок были не слишком обнадеживающими, потому что со временем правила ужесточились, и, наконец, на II Латеранском соборе в 1139 г. было утверждено полное и абсолютное безбрачие для всего католического духовенства.

Движение Реформации объявило об отмене целибата, и по сей день большинство протестантских церквей его не признают. Но Католическая церковь в борьбе с Реформацией высоко несла знамя воздержания и вновь утвердила его на Тридентском соборе в 1563 году. Исключения делаются, но в редчайших случаях. Так, например, оставаться женатыми позволяется протестантским пасторам, перешедшим в католичество.

Русская православная церковь браки дьяконов и священников разрешает. Более того, еще недавно в России приходским священником мог быть только женатый человек; овдовевший же терял место. Сегодня этот вопрос решается более гибко, монашеский чин и целибат обязательны только для архиереев (епископов, архиепископов, митрополитов и патриархов). Недаром в Новом Завете говорится, что некоторые апостолы, в том числе апостол Петр, были женаты. Апостол Павел писал в Первом послании к Тимофею: «...епископ должен быть непорочен, одной жены муж...»

Этой линии в основном и придерживается Православная церковь.

Впрочем, христианские священнослужители должны придерживаться в своей семейной жизни некоторых запретов. Еще в древности возник обычай, запрещающий священникам, дьяконам и иподьяконам близость с женами перед совершением литургии. На VI Вселенском соборе в седьмом веке эти традиции были возведены в ранг закона. Позднее они стали обрастать дополнительными местными запретами. Многочисленные поместные соборы принимали меры для того, чтобы блюсти нравственность клира. Например, в середине пятого века Шаапиванский собор Армянской церкви постановил:

«Если священник находится в скверне или блюде или в других дурных делах и дела эти будут выявлены показанием, отстранить его от священничества, оштрафовать на 300 драм и раздать бедным и оставить его в сане чтецов... А если жену иерея или дьякона уличат в блюде, то пусть они выбирают — или церковь и священничество или жену».

Тот же собор определил и меры, которые следует применить за сексуальную невоздержанность к людям светским:

«Итак, если кто пограл благословенную жизнь и наслаждение, полученные от святой церкви в прославление Господа, и осквернил Богом данный благословенный брак, предался блуду и прелюбодеянию и пьянству, такого человека старейшины должны исправлять поркой и назидательными речами и, отлучив от церкви, оштрафовать в пользу церкви и раздать бедным (за то, что он опорочил церковь и осквернил венец благословения)... Канон этот применяется и к мужу и к жене».

«Если же кто-либо до брака находился в блюде, будь то с посторонней или с нареченной, — взыскать штраф за бесчестие, сколько затребуют отец и мать девицы (как и повелел Моисей в законах). Если пожелает он ту же девицу взять себе в жены, сперва оба должны очиститься покаянием».

«Если жена уйдет от мужа, пусть задержат ее и вновь возвратят к мужу».

«Если же муж сам злонравный или блудник или кутила и пьяница, или страдает каким-либо иным пороком, то пусть проучат его поркой и наставлением и примирят их».

«Пусть никто не осмеливается брать в жены близкого родного и сородича или же прелюбодействовать с ней».

Один из параграфов документа, принятого Шаапиванским собором, гласит: «Если же кто, выступая против, скажет — почему же в Никейских канонах не предусмотрены столь тяжелые наказания, то следует знать, что тогда никто не мог предвидеть, сколь много зол и преступлений будет совершаться в мире, не то тогда же без промедления искоренили бы злой корень погибели».

Теперь уже трудно судить, больше ли преступлений против нравственности стало совершаться в христианском мире за сто с лишним лет, которые разделяют Никейский и Шаапиванский соборы. Во всяком случае, из века в век Церковь все активнее контролирует личную жизнь своей паствы, наказывая грешников. Иногда для того, чтобы особо утратить прелюбодеев, государственные законы не заменялись, а дополнялись церковными. Так, в болгарском судебнике второй половины девятого века, названном «Закон судный людям», говорится:

«Монаху, который совершает блуд, следует по светскому закону отрезать нос, а по церковному закону полагается ему пост в течение 15 лет...»

«Если кто возьмет в жены свою куму, то по светскому закону следует обоим отрезать нос и разлучить, а по церковному закону разлучить и в пост на 15 лет отдаются... Такому же наказанию подвергается... также и тот, кто вступит в связь с замужней женщиной».

Надо сказать, что такие крайности, как отрезание носа за женитьбу на куме, для христианского мировоззрения в целом не характерны. Сексуальные взаимоотношения с кумой (будь то в браке или вне онога) Церковью действительно не поощряются (хотя народная мудрость и гласит: «Та не кума, что под кумом не была»). Но и категорического запрета на вступление в брак для кума и кумы, крестивших одного младенца, вопреки устоявшемуся народному мнению, не суще-

ствует. На сайте Санкт-Петербургской церкви Св. Иоанна Предтечи, в подробнейшей статье, посвященной таинству брака, говорится:

«Духовное родство существует между крестным отцом и его крестником и между крестной матерью и ее крестницей, а также между родителями воспринятого от купели и восприемником того же пола, что и воспринятый (кумовство). Поскольку согласно канонам при крещении требуется один восприемник того же пола, что и крещаемый, второй восприемник является данью традиции и, следовательно, нет канонических препятствий для заключения церковного Брака между восприемниками одного младенца. Строго говоря, по той же причине между крестным отцом и его крестницей и между крестной матерью и ее крестником также не существует духовного родства. Однако благочестивый обычай запрещает такие браки, поэтому во избежание соблазна в таком случае следует испросить специальных указаний от правящего архиерея».

Духовное родство, которое становится неодолимым препятствием к заключению брака, возникает только между восприемником ребенка и его родителями. Если таковое родство возникло уже после заключения брака, брак может быть расторгнут. Так, франкский король Хильперик I, живший в середине шестого века, имел законную жену, королеву Аудоверу, и любовницу Фредегонду. Когда в отсутствие мужа Аудовера родила дочь, коварная служанка посоветовала королеве не утруждать себя поисками крестной матери и окрестить ребенка самостоятельно. Аудовера не была сильна в богословии и стала крестной матерью королевской дочери — а соответственно и кумой собственного мужа. Когда Хильперик вернулся домой, ничего уже нельзя было поделать, и брак был признан недействительным.

Запрещает Церковь и браки между родственниками. Эти запреты в основном были сформулированы на Трулльском соборе, но потом разные церкви неоднократно их пересматривали. В X—XI веках Католическая церковь разрешала браки с родственниками не ближе восьмого колена, при этом из числа возможных претендентов исключались все вплоть до шестияродных кузенов. По подсчетам фран-

цузского историка Жана-Луи Фландрена это означало, что средний француз лишался права вступать в брак примерно с одиннадцатью тысячами людей, то есть едва ли не со всеми, с кем он общался в рамках своего социального круга. Ситуация становилась абсурдной, и в 1215 году на IV Латеранском соборе ограничения на брак были сужены до родственников четвертого колена.

Русская православная церковь сегодня запрещает браки до четвертой степени родства. Запрещены браки и между людьми, которые связаны близким свойством — то есть породнились через брак своих родственников. Для определения степени свойства существуют достаточно сложные правила, но однозначно запретными друг для друга считаются, например, теща и зять, невестка и свекр, шурыя и свояченицы...

Запреты, которых должны придерживаться супруги, прежде всего касаются воздержания в определенные дни. Так, александрийский патриарх Тимофей I, автор авторитетных канонических правил, в четвертом веке рекомендовал супругам «удаляться» от телесной близости в ночь перед причастием, а также в субботу и воскресенье, «зане в та дни духовную жертву возносити к Богу».

Уже упоминавшийся Кирик Новгородец, живший в двенадцатом веке, сообщает вычитанную им точку зрения, что если ребенка зачнут в воскресенье, в субботу или в пятницу, «то будет или вор, или блудник, или разбойник». Правда, его собеседник, епископ Нифонт, в ответ на это сказал, что «такие книги... нужно сжечь». Но зато Нифонт предупреждает о том, что половая близость запрещена в течение восьми дней после начала менструации или после родов. «Если же сблудит до 8 дней, дать за то епитимью 20 дней. А если очень не терпится, то 12 дней».

Наш современник, иерей Иаков Коробков, в статье «О супружеском воздержании во время поста» пишет:

«С древних времен Церковь призывала своих чад положить себе правилом и нормой воздержание во дни всех четырех постов, накануне великих праздников, перед участием в таинстве Евхаристии, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года. Апостол Павел так писал

об этом: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7, 5). Такое воздержание — настоящий подвиг, который люди брали на себя ради Бога по обоюдному согласию, и от которого получали великую пользу. Нарушение этих норм опасно не только для родителей, но и для их потомков. Как-то преподобный Леонид Оптинский принимал у себя супругов, имевших психически больного сына. Святой разъяснил, что эта болезнь есть кара Господня за их сексуальное невоздержание накануне больших церковных праздников. Преподобный Серафим Саровский говорил, что из-за несоблюдения нравственной чистоты супружеских отношений в посты и постные дни дети могут появиться на свет мертворожденными. А жены нередко умирают в родах, если не почитают церковные праздники и воскресные дни».

Раньше некоторые особо ретивые священники отказывались крестить детей, которые, по их подсчетам, были зачаты в постные дни. Но встречались и пастыри, которые с пониманием относились к сексуальным запросам своих духовных чад. Записанная на Руси в тринадцатом веке «Заповедь ко исповедующимся сынам и дочерям» гласит: «Во святой великий пост хорошо бы воздержаться молодоженам от близости, а если не могут, то в первую неделю и последнюю неделю поста да сохранятся».

Сегодня многие священники, трактуя слова апостола Павла, делают акцент не на идее воздержания во время поста, а на словах «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию». Рекомендуя воздержание, они тем не менее советуют супругам не делать из него культа, если это может привести к разладу в семье. Но близость в Великий пост, во всяком случае, не приветствуется.

Известный афонский подвижник двадцатого века, схимонах Паисий Святогорец, писал: «Супружеские отношения есть тема, которая не может быть четко определена, поскольку все люди не могут жить по одному шаблону (...). Есть такие, кто, заключив брачный союз, родили одного, двоих, троих детей, а затем живут в чистоте. Другие вступают в супружескую близость лишь на время деторождения,

а остальное время живут, как брат и сестра. Иные воздерживаются лишь в период постов, а затем имеют близкие отношения. Некоторым и того не удастся исполнять. Есть имеющие общение в середине недели, чтобы быть в чистоте три дня перед Божественным Причастием и три дня после Божественного Причастия. Некоторые и тут спотыкаются...»

Преподаватель Калужской духовной семинарии, кандидат богословия, протоиерей Димитрий Моисеев придерживается иной точки зрения: «...Три дня после Причастия воздерживаться нет необходимости. Тем более, если мы обратимся к древней практике, то увидим: супружеские пары перед венчанием причащались, в этот же день венчались, и вечером была близость. Вот вам и день после. Если в воскресенье утром причастились, день посвятили Богу. А ночью можно быть вместе с женой». Кроме того, Димитрий Моисеев напоминает супругам, что в православии не разрешается супружеская близость в критические дни. Что же касается воздержания во время длительного поста, он считает, что супруги должны соизмерять силы друг друга, потому что «если жена будет строго поститься, а мужу будет невтерпех до такой степени, что он любовницу себе заведет, — последнее будет горше первого». Но, нарушив воздержание, даже и по инициативе мужа, женщина должна совершить покаяние.

О том, что дозволено между супругами в постели и что не дозволено, в разные времена и у разных христианских народов имелись разные точки зрения. Весьма популярна была традиция, согласно которой супруги даже в постели не раздевались и порой до конца жизни не видели друг друга обнаженными. На рубеже тринадцатого—четырнадцатого веков итальянский куртуазный писатель Франческо да Барберино упоминает некоего Иоанна де Брансильву: «...Жена его после кончины мужа, превознося его похвалами, сказала, что она видела лишь его шею, руки, лицо и изредка ноги».

Католическая традиция осуждает некоторые позы, например такую, при которой мужчина находится сзади.

В православии дискутируется вопрос о том, можно ли вступать в супружеские отношения в комнате, где есть иконы, и не надо ли их завешивать. По этому поводу Кирик за-

писал ответ епископа Нифонта: «Если в комнате иконы висят и честный крест, можно ли в ней с женой лежать, не грех ли? Рече: своя жена положена [...] и в комнате, где иконы и крест, тут же лежи с женою. А крест с себя снимать ли? Ответ: если со своею женою, то нет».

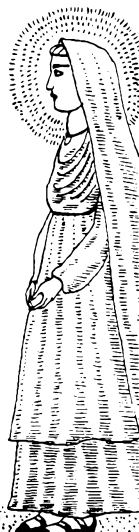
Списки и подробные описания основных, в том числе и сексуальных, грехов можно найти в специальных пособиях для священников, принимавших исповеди. Многие из них сохранились в списках IX и X веков, автором их часто значится живший в шестом веке константинопольский патриарх Иоанн Постник. Возможно, некоторые из этих пособий действительно частично принадлежат ему, хотя при их составлении использовались тексты, восходящие еще к Василию Великому. Позднее они легли в основу покаянного устава Русской православной церкви. Цитаты из одного такого «Номоканона Иоанна Постника» авторы настоящей книги предлагают вниманию читателей.

В «Номоканоне» даются подробные описания самых разнообразных грехов. Священнику надлежало, не дожидаясь, признания от самого верующего, развернуть перед ним живописную картину возможных преступлений против нравственности, дабы грешнику было легче вспомнить, что из этого он делал и что нет.

На первое место в списке всех возможных грехов человечества автор «Номоканона» выносит малакию (рукоблудие). О ней сказано:

«Есть два вида малакии: первый есть тот, который совершается своей рукой, который мы знаем из исповеди многих, и который известен всем. Другой знают очень немногие и совершается рукой постороннего, как я слышал о ней от делавших эту злую страсть, ибо гнушаясь мерзостно собственной рукой делать, призвав иных услуживающих им свободных или рабов, руками их производят злое и блудное изливание...»

Несмотря на столь яростное обличение малакии, автор сообщает, что первые христиане наказания за нее не накладывали, «так как среди многих вновь обращенных, даже выдающихся, страсть та была сильно развита». Но потом «святые отцы не оставили без внимания эту страсть» и определили за нее сравнительно легкую епитимию: соро-

кадневное воздержание от причастия плюс «ежедневно 50 коленопреклонений, трижды “помилуй мя”, 100 “Господи помилуй”, 50 “Господи, очисти мя грешного” и 50 “Господи, согреших, прости мя”».

Автор «Номоканона» был любителем четких определений:

«Блуд различается: падение с вдовой и блудницей. Блудницей же называется не единожды падшая, или дважды и более, или по насилью заблудившаяся, но намеренно и наглостно совершающая грех... О прелюбодеянии. Прелюбодеем называем падшего с замужней женой или падшую с женатым мужем, точно так же и схимника, монаха или монахиню, если падут...»

Блуд в представлении древнего моралиста был примерно в два раза менее тяжким преступлением, чем прелюбодеяние: за них полагалось соответственно семь и пятнадцать лет отлучения от причастия.

За мужеложство виновные получали пятнадцать лет, несмотря на то что оно, с точки зрения автора, «имеет 3 различия: ибо иное пострадать от другого, или по молодости, или ради бедности, или через насилье, и эти суть грехи более легкие...». Особо отмечается, что существует «женское мужеложство, в котором мужья, помраченные и ослепленные врагом, оставив естественное дело, в задний проход блудят с несчастными женщинами...» Для таковых покаяние назначается «много больше и тяжелее... сравнительно с другими мужеложниками».

Автор отмечает и «другой грех, который больше малакии, но меньше мужеложства, когда двое мужчин без женщины в седалищную кость или бёдра, или две женщины без мужчины исполняют». За этот грех причиталось семь лет покаяния.

Раствление детей наказывалось не слишком строго: двенадцать лет за соращение девочки (меньше, чем за мужеложство) и шестнадцать — за мальчика.

Грех скотоложства автор разделяет на категории: «Скотоложство и птицеложство по-видимому имеет один вид, но в нем два вида, ибо мне от многих доводилось узнавать на исповеди, что оно бывает как с самками, так и с самцами». Впрочем, такое разделение ничего не меняет в судьбе само-

го грешника, ибо за скотоложство, «будет ли то с животными или с птицами» и, по-видимому, независимо от пола крылатого или четвероногого партнера, причиталось пятнадцать лет отлучения — меньше, чем за растление мальчика, но больше, чем за соvrащение девочки, невинность которой оценена автором «Номоканона» ниже, чем невинность курицы.

«Блуды со своими родственниками», по утверждению автора, «многовидны и многообразны», поэтому он сам предупреждает читателя, что «почитается невозможным все письменно поведать». Впрочем, те блуды, о которых он все-таки поведал (включая приводимый им случай «злого и противного природе мужеложства», когда «три брата одного отца и одной матери соблудили между собой»), тоже достаточно многообразны, хотя и наказываются достаточно однотипно: разными сроками отлучения. Максимальный (вплоть до пожизненного) причитается за многократные сношения с собственной матерью или дочерью. Минимальный — семь лет — за связь с вдовами не слишком близких родственников. Для сравнения можно отметить, что за разные виды невольных и умышленных убийств назначается покаяние от десяти до тридцати лет (конечно, покаяние, наложенное на исповеди, никак не заменяет возможного уголовного наказания).

Правда, автор «Номоканона» сообщает, что в последнее время (к IX и X веку) святые отцы смягчили наказания за некоторые виды сексуальных преступлений: «...Если кто в неестественные грехи впадет — в скотоложство или мужеложство и подобные, или со своими родными впадет: с невесткой — женой брата, или женой брата отца, или другими подобными родными, и поспешно оставит, не упорствуя в этом деле, придет в раскаяние искреннее и исповедует грехи свои, отлучается на три или четыре года от причастия». Кроме того, некоторая скидка причиталась грешникам, не достигшим тридцатилетия, «так как до 30 лет неразумие и волнение страстей сильно захватывает человека».

На Руси «епитимийники» — своеобразные «вопросники» для исповедей — приводят примерно тот же список основных грехов. Причем блуд как таковой считается грехом не слишком тяжким. Написанные в тринадцатом веке «Два

правила монахам» сообщают, что «если чернец засмеется в монастыре, то это как блуд сотворил». «Если чернец берет за лоно или глядит на него, то это как блуд сотворил».

«Вопрошанье-исповеданье» четырнадцатого века порицает тех, кто «сзади блуд створил», «помыслил с похотью на чужую жену», затеял с кумом или с ближним «игру до сего мени», «был с женою, а умыться забыл», «руку втыкал или сквозь порт блуд творил блуднице или своей жене», «целовал, язык затолкнув в рот», «вступил на ногу с похотью», «тыкал в лоно жене сквозь одежду рукою», — всем им причитается разное количество дней или недель «сухояста» — еды всухомятку. Очень скромное наказание полагается «вознамерившемуся совершить кровосмешение — до вечера пост».

Отдельным списком идут «великие грехи», наказание за которые исчисляется уже не днями, а годами: «Содомский грех — 3 года. Мужеложство — 3 года. Ручной блуд в свою или в чужую жену — 3 года. Многие есть, которые со своими женами нелепство сотворяют в задний проход, или обычаем злым, или в подпитии — от года. А иные на себя жен впускают, понуждая их, — 7 лет... А иные с присными своими родственниками беззаконье сотворяют в рот — 5 лет. Кто соромные уды дает лобызати женам своим и сами лобызают соромные уды жен своих — 2 года сухо есть. Которые со скотом, и со свиньями, и со псы, и со птахами блудят — лето едино сухо есть. С черницами блуд творящие — 2 года сухо есть. Со схимницами — 5 лет. Со вдовами, и с замужними женщинами, и с девицами — 5 лет».

В требнике четырнадцатого века из библиотеки Чудова монастыря предлагаются вопросы женам: «А на подругу возлазила ли, или подруга на тебе творила, как с мужем, грех? А на мужа на пьяна или на трезва на спяща возлазила ли? В задний проход или сзади со своим мужем?... Сама своею рукою в свое лоно пестом или чем тыкала ли, или вошаным сосудом, или стеклянным сосудом?»

Другой требник того же времени сообщает: «Всякий, кто кроме только деторождения... блудит, сей дьяволу жертвует свое семя без потребы. Так же точно и свое семя в противоземных грехах растрчивает. И тем людям повелеваем, что им не достоин причащаться четыре года и больше...»

Сегодня разные христианские конфессии по-разному относятся к вопросу о растрачивании семени «кроме деторождения», в том числе к вопросу о противозачаточных средствах. В целом их не одобряют, но с разной степенью категоричности. Так, Епископат Элладской православной церкви декларировал: «Что касается противозачаточных средств, каких бы то ни было, настоятельно требуем полностью отказаться от них... Многие вынуждены искать какой-то выход из своих сложных ситуаций. Но единственно приемлемым для христианина выходом может быть супружеское воздержание».

Католики рекомендуют «периодическое воздержание, методы регулирования рождаемости, основанные на самонаблюдении и использовании периодов неплодности...» А «всякое действие, которое в предвидении супружеского акта или во время него, или во время развития его естественных последствий ставит себе целью сделать невозможным зачатие, или служит для этого средством», с их точки зрения, «по сути своей порочно». Даже супругам, один из которых болен СПИДом, Ватикан до самого последнего времени не разрешал пользоваться презервативами. Когда католическая церковь в Испании разрешила презервативы людям, которые «не могут уступить искушению и вступают в сексуальную связь, не дающую полной гарантии от СПИДа», Ватикан выразил решительный протест. Протест этот трудно назвать обоснованным хотя бы потому, что католические священники, дающие обет безбрачия и полного воздержания, не могут похвастаться близким знакомством с предметом. Видимо, поэтому в 2006 году по инициативе Папы Римского была создана специальная комиссия, которой поручили разобраться с вопросом о допустимости презерватива. Комиссия заседала долго. В 2009 году Папа Римский Бенедикт XVI, посетив Африку — континент, где эпидемия СПИДа приняла страшные размеры, — высказался против использования презервативов африканцами, чем вызвал бурю негодования во всем мире. И только в 2010 году Папа, наконец, признал, что столь нелюбимый ему кондом — все-таки меньшее зло, чем СПИД, и очень осторожно высказался за допустимость его использования проститутками, прежде всего гомосексуальными. Впрочем, посколь-

ку таковые (как и их клиенты), по мнению Церкви, так или иначе обречены геенне огненной, не вполне понятно, почему именно об их здоровье проявлена особая забота. Что же касается добродетельных католиков, их, насколько известно авторам настоящей книги, нововведения еще не коснулись.

Русская православная церковь решает вопросы контрацепции и предохранения от СПИДа значительно мягче. Конечно, контроль рождаемости не слишком поощряется, и в «Основах социальной концепции РПЦ» сказано: «Намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом». Но в этом же документе говорится и следующее: «Религиозно-нравственной оценки требует также проблема контрацепции. Некоторые из противозачаточных средств фактически обладают abortивным действием, искусственно прерывая на самых ранних стадиях жизнь эмбриона, а посему к их употреблению применимы суждения, относящиеся к аборту. Другие же средства, которые не связаны с пресечением уже зачатой жизни, к аборту ни в какой степени приравнять нельзя».

Митрополит Антоний Сурожский в двадцатом веке писал, что супруги вправе прибегнуть к контрацепции, если они не смогут обеспечить ребенку счастливую жизнь. В этом случае «законно прибегнуть к контрацепции, то есть не дать ребенку родиться в такие обстоятельства, где он встретит только страдание, изуродование жизни, смерть, в жизни которого ничего не будет светлого...».

Кроме того, Русская православная церковь не считает деторождение единственной целью брака. Поэтому она благословляет близость между супругами даже в том случае, если они не могут иметь детей или же по какой-то причине воздерживаются от деторождения, и вопрос о «растрачивании семени» сегодня не поднимается.

Еще один достаточно злободневный вопрос, который решался и решается разными церквями и разными пастырями по-разному, — это вопрос о гомосексуальных связях. В 390 году император Феодосий I, ненадолго объединивший под эгидой христианства распавшуюся Римскую империю

и активно насаждавший новую нравственность, издал закон, по которому пассивная гомосексуальность в борделях наказывалась сожжением заживо. Через полвека император Восточной Римской империи Феодосий II распространил эту кару не только на профессионалов, но и на любителей. Юстиниан в середине шестого века велел подвергать смертной казни всех гомосексуалистов, независимо от сексуальной позиции, объявив, что «из-за таких преступлений возникают голод, землетрясения и мор». Но уже в восьмом веке Папа Римский Григорий III, имевший свою точку зрения на причины землетрясений, карал однополые сексуальные контакты скромным сроком покаяния: 160 дней для женщин и один год для мужчин. Видимо, такая кара мало кого пугала, потому что в начале двенадцатого века архиепископ Ансельм Кентерберийский сетовал: «Этот грех стал таким распространенным, что почти никто даже не краснеет из-за него...»

С появлением святой инквизиции содомитов начинают приравнивать к еретикам, и в большинстве европейских стран наказание за однополые связи резко ужесточается. Теперь гомосексуалистов сжигают, кастрируют и подвешивают за ноги, обезглавливают... Заодно преследуют и тех, кто занимается нетрадиционным сексом с представителями противоположного пола. Так, в конце пятнадцатого века в Венеции одного рыбака казнили за «частую содомию с собственной женой». Из 30 тысяч дел, расследованных португальской инквизицией, 900 касались гомосексуальных связей. Впрочем, по этим обвинениям сожжено было только пятьдесят человек, к остальным, прежде всего подросткам, проявили снисхождение.

С наступлением Ренессанса отношение к содомитам начинает меняться, а законы, преследующие их, смягчаются. Живший в шестнадцатом веке великий скульптор Бенvenuto Челлини дважды привлекался к суду за связи с мальчиками. Первый раз вина его не была доказана, но во второй раз художника вынудили признаться. Однако приговорили его не к смерти, а всего лишь к штрафу и четырем годам тюрьмы, в которую он, кстати, так и не попал. Вместо этого он продолжал выполнять церковные заказы и пользовался покровительством высоких духовных особ. Когда его

враг и соперник Баччо Бандинелли публично назвал Челлини содомитом, тот ответил: «...Дал бы Бог, чтобы я знал столь благородное искусство, потому что мы знаем, что им занимался Юпитер с Ганимедом в раю, а здесь на земле им занимаются величайшие императоры и наибольшие короли мира. Я низкий и смиренный человек, который и не мог бы, и не сумел бы вмешиваться в столь дивное дело».

Примерно в те же годы в Англии был обвинен в содомии с собственными учениками директор знаменитой школы в Итоне священник Николас Юдалл. Но его наказание ограничилось годом тюремного заключения, после чего Юдалл был назначен приходским священником в Брэйнтри, а впоследствии — директором Винчестерской церковной школы.

Сегодня среди разных христианских конфессий отношение к гомосексуализму колеблется от полного неприятия до столь же полного прития. Католическая церковь, признавая, что гомосексуалисты чаще всего не виноваты в своих наклонностях, тем не менее призывает их если не к смене ориентации (что иногда невозможно), то по крайней мере к полному воздержанию. Папа Римский Бенедикт XVI сравнил распространение гомосексуализма с экологическим бедствием. Для того чтобы спасти от этого бедствия хотя бы клир, Конгрегация по вопросам католического образования издала инструкцию, согласно которой священнический сан запрещен для людей, имеющих «настоящие глубокие гомосексуальные наклонности» или поддерживающих «так называемую “гей-культуру”» в течение последних трех лет с момента вступления в семинарию. Но, несмотря на то, что Папа непогрешим и мнение Ватикана обсуждению не подлежит, у некоторых католических священников имеется своя точка зрения на вопрос, и они ее публично высказывают. В основном они выступают за то, чтобы если и не венчать однополые браки, то по крайней мере признавать моральную допустимость однополых партнерств.

В отличие от Ватикана, многие протестантские церкви ничего против гомосексуализма не имеют. Так, Евангелическая лютеранская церковь в Америке, Евангелическая церковь Германии, Протестантская церковь Нидерландов не только признают допустимость однополых союзов, но

и позволяют своим служителям состоять в таковых. Церковь Швеции венчает однополые браки наравне с традиционными. Список этот можно продолжить.

Либеральные христиане считают гомосексуалистов группой, которая подвергается незаслуженной общественной дискриминации. Лауреат Нобелевской премии мира, бывший англиканский архиепископ Кейптауна Десмонд Туту сравнил гомофобию с апартеидом и назвал ее «преступлением против человечества». Он сказал:

«Мы боролись против апартеида в Южной Африке, поддерживаемые людьми всего мира, потому что чернокожие считались существами порицаемыми и созданными для страданий за нечто, с чем мы ничего не могли поделать: такова наша природная кожа. То же самое происходит с сексуальной ориентацией. Это нечто данное... Мы относимся к ним как к париям и выталкиваем их из наших сообществ. Мы заставляем их сомневаться в том, что они тоже дети Бога, и это необходимо приравнять близко к крайнему богохульству. Мы обвиняем их за то, что они таковы, каковы есть».

В России, несмотря на то что церковные нравственные нормы оказывали серьезное влияние на законодательство, уголовного наказания за содомию до восемнадцатого века не предусматривалось. Конечно, она считалась тяжелым грехом. Недаром в шестнадцатом веке преподобный Максим Грек писал, обращаясь к содомитам: «Познайте себя, окажнные, какому скверному наслаждению вы предались!.. Постарайтесь скорее отстать от этого сквернейшего вашего и смраднейшего наслаждения, возненавидеть его, а кто утверждат, что оно невинно, того предайте вечной анафеме, как противника Евангелия Христа Спасителя и развращающего учение оного. Очистите себя искренним покаянием, теплыми слезами и посильною милостынею и чистою молитвою... Возненавидьте от всей души вашей это нечестие, чтобы не быть вам сынами проклятия и вечной пагубы».

Тем не менее наказание за содомию грозило лишь душе грешника, а не его телу; покаяние налагалось священником лишь после признания на исповеди и исполнялось добровольно. Законы против гомосексуализма стали появ-

ляться в России лишь начиная с петровских времен, причем не под влиянием Церкви, а под влиянием Запада. Впрочем, и в этом вопросе Россия, как всегда, несмотря на тяготение к европейским ценностям, шла своим путем: в то время как Запад, в том числе и западные церкви, понемногу смягчал свое отношение к гомосексуалистам, воинский устав Петра I предусмотрел для них сожжение на костре (впрочем, закон этот просуществовал только десять лет).

Сегодня позиция Русской православной церкви по отношению к гомосексуалистам сформулирована в ее «Основах социальной концепции». Здесь говорится, что Церковь «считает гомосексуализм греховным повреждением человеческой природы, которое преодолевается в духовном усилии, ведущем к исцелению и личностному возрастанию человека». Содомитам рекомендуется врачеваться «таинствами, молитвой, постом, покаянием, чтением Священного Писания и святоотеческих творений, а также христианским общением с верующими людьми, готовыми оказать духовную поддержку». Церковь относится к таковым грешникам «с пастырской ответственностью», но в то же время «решительно противостоит попыткам представить греховную тенденцию как “норму”, а тем более как предмет гордости и пример для подражания».

В 2009 году Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил, что хотя он и против уравнивания гомосексуальных отношений с естественными отношениями между мужчиной и женщиной, но он тем не менее выступает «против любой дискриминации людей нетрадиционной сексуальной ориентации». «Мы принимаем любой выбор человека, в том числе в сфере сексуальной ориентации, — сказал патриарх, — это личное дело человека».

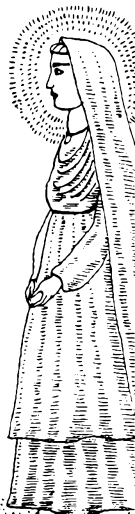
Другие вопросы, касающиеся сексуальной жизни христиан, Русская православная церковь сегодня тоже решает достаточно либерально. И хотя некоторые священники порицают своих прихожан, например, за оральный секс или «содомские отношения» с женой, но все чаще звучит мнение: «То, что происходит между мужем и женой в постели, — вне компетенции священника».

Преподаватель Калужской духовной семинарии, кандидат богословия, выпускник Московской духовной академии протоиерей Димитрий Моисеев сказал в интервью: «...Для обычного духовника есть постановление Св. Синода, запрещающего вмешиваться в частную жизнь. То есть священники могут дать совет, но не имеют права принуждать людей к исполнению своей воли. Это категорически запрещено, во-первых, св. Отцами, во-вторых, специальным постановлением Св. Синода от 28 декабря 1998 года, который лишний раз напомнил духовникам об их положении, правах и обязанностях. Следовательно, священник может порекомендовать, но его совет не будет обязательным для исполнения».

Правда, Димитрий Моисеев все же не рекомендует супругам увлекаться изучением сексуальных техник:

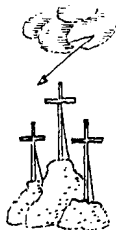
«Дело в том, что основой супружеской близости должна быть любовь между мужем и женой. Если ее нет, то никакая техника в этом не поможет. А если любовь есть, то никакие приемы здесь не нужны. Поэтому для православного человека заниматься изучением всех этих техник, я считаю, бессмысленно. Потому что наибольшую радость супруги получают от взаимного общения при условии любви между собой... В конце концов, любая техника надоедает, любое удовольствие, не сопряженное с личным общением, приедается, и потому требует все большей и большей остроты ощущений. И эта страсть бесконечна. Значит, стремиться нужно не к совершенствованию каких-то техник, а к совершенствованию своей любви».

Священник Лев Шихляров, заведующий кафедрой вероучительных дисциплин РПУ им. Святого апостола Иоанна Богослова, высказывает еще более решительную точку зрения: «Священник должен очень осторожно, с духовной, а не с “сексопатологической” стороны подходить к брачным проблемам, а монаху, кроме исключительных случаев особой духовной опытности, вообще не следует заниматься этими проблемами — это не его “сфера”. В этом вопросе некоторые церковные писатели прошлого явно выходили за пределы своей компетенции: так, например, в женском исповедальнике начала века можно встретить вопрос “не ложились ли на мужа?”, исходящий из предрассудка, что только

положение “муж на жене” дозволяется православной нравственностью. Рискнем в связи с этим коснуться следующего вопроса: какие формы половых отношений и ласк между супругами можно считать нравственно допустимыми, так как сейчас вновь получили огромное распространение орально-генитальные и другие виды отношений? Ответ таков: допустимы те формы отношений, которые помогают супругам лучше выразить свою взаимопомощь в интимно-любовной сфере и не оскорбляют обоюдных чувств. На практике это означает, что молодые супруги определенный период времени, часто и греша, “экспериментируют” в половых отношениях, приспособляясь друг к другу и узнавая пределы. С возрастом в нормальном браке эксперименты прекращаются, уступая место более глубокому чувству родства».

Выступая на форуме православной молодежи в Пензе в 2010 году, митрополит Илларион сказал: «Иногда Церковь и ее учение воспринимают как систему нравственных запретов: верующему человеку нельзя чего-то, что можно другим людям. Это совершенно неправильное представление. Действительно, существуют определенные запреты или, скорее, рекомендации, которые дает Церковь человеку, — например, воздерживаться от того, от чего обычно не воздерживаются люди, живущие в миру. Но эта система запретов или рекомендаций направлена исключительно на то, чтобы человек, в конечном итоге, жил счастливее, лучше, чтобы жизнь его была полноценной, чтобы он понимал, зачем живет... Те запреты и рекомендации, которые Православная церковь очень твердо хранит, несмотря ни на какие веяния времени, направлены не на то, чтобы ограничить человека и сделать его несчастным, а на то, чтобы дать ему полноценную жизнь».

Гейсы, законы и декреты

Светская Европа

Нравы, царившие в Центральной и Северной Европе до того, как туда пришло христианство, известны не слишком хорошо. Кое-какие упоминания о них оставили античные авторы. Например, Геродот в пятом веке до н.э. писал о фракийцах: «Целомудрия девушек они не хранят, позволяя им вступать в сношение с любым мужчиной. Напротив, верность замужних женщин строго соблюдают и покупают себе жен у родителей за большие деньги».

О сексуальных традициях ирландцев можно почерпнуть кое-какую информацию в сагах, которые начали складываться на рубеже эр. В целом ирландцы не слишком отличались в этом вопросе от других европейцев, но были у них и специальные запреты и предписания (которые, впрочем, совсем не обязательно относились к сексу) — так называемые «гейсы». Гейсы у каждого ирландца были свои — их назначали человеку при наречении имени, при бракосочетании, при вручении некоторых даров... Отец мог заповедать гейс своему ребенку. Судя по всему, гейсы нередко назначались друидами, но еще чаще их происхождение непонятно. У любого, по крайней мере знатного, ирландца гейсов было несколько, причем самых, с точки зрения современного человека, неожиданных. Так, гейсы короля Кормака, в числе всего прочего, запрещали ему слушать прорезную

арфу музыканта по имени Круйтине и пускать своих коней через ясеневое ярмо... Королю Конайре нельзя было обходить собственную столицу справа налево... Кухулин обязан был есть пищу с любого очага, кто бы ему ее ни предложил, но при этом воздерживаться от собачьего мяса, на чем герой и пострадал, когда злокозненные ведьмы предложили ему отведать жареной собачатины. Человек, нарушивший свой гейс, должен был умереть (скорее всего, в ближайший Самайн), а если нечестивец был королем, то и всю его страну ожидали самые разнообразные катаклизмы вроде неурожая и вражеских нашествий. Но взаимоисключающие гейсы встречались редко; как правило, эти сакральные запреты и рекомендации были вполне исполнимы, и каждый здравомыслящий ирландец их свято соблюдал.

Соблюдал свой гейс и король Конхобар, которому было предписано проводить первую брачную ночь со всеми девушками государства. Делал он это не из сладострастия и не по праву первой брачной ночи, а единственно по требованию гейса, и его подданные мирились с такой необходимостью, поскольку понимали: нарушь король ритуальное предписание — наказание постигнет всю страну. Проблема возникла, когда в брак решил вступить герой Кухулин — он не желал делиться с королем. Король и сам был бы рад не гневить знаменитого племянника, но интересами государства пренебречь не мог. В конце концов всем миром было решено, что невеста проведет первую ночь с королем, но тот не тронет ее девственности — для контроля в спальню делегировали двух свидетелей.

Никакие другие гейсы, имеющие сексуальную направленность, авторам настоящей книги не известны, хотя, надо думать, они имелись. Но гейсы носили характер сугубо индивидуальный. В целом же создается впечатление, что ирландцы ни на защите нравственности, ни на ее поправлении заиклены не были. Ирландские саги, повествующие о событиях, происходивших на рубеже эр, рассказывают о женщинах, которые свободно вступали в добрачные связи. Например, Дехтире, мать знаменитого героя Кухулина, забеременела еще в девушках. Правда, случилось это по самой невинной причине — она выпила воду, в которой заклю-

чалось семя некоего бога. Вообще, ирландские женщины, если верить сагам, довольно часто беременели от того, что неосмотрительно выпили или проглотили что-нибудь сомнительное. Но в случае с Дехтире никто не догадался, что все дело в выпитой воде, и ирландцы долго гадали, от кого же понесла сестра короля Конхобара. Некоторые сходились на мысли, что виновником был ее родной брат. Но ни криво-толки, ни беременность не помешали личному счастью Дехтире — вскоре к ней посватался знатный житель Ульстера — Суалтам. Правда, сама Дехтире «стыдилась взойти к нему на ложе, будучи беременной» и избавилась от плода, после чего родила сына — героя Кухулина — уже от законного мужа.

Сам Кухулин придерживался иных взглядов на невинность: он объявил, что «никогда бы не согласился взять в жену ту, которая знала мужа до меня». Но уже факт, что это требование было объявлено специально и что невесту для Кухулина долго искали по всей Ирландии, говорит о вольных нравах кельтских девушек.

Ближайшие соседи ирландцев, жители Британии, тоже, судя по всему, придерживались некоторой свободы нравов. Во всяком случае, один из древнейших сводов законов, принятый на рубеже шестого и седьмого веков кентским королем Этельбертом, весьма терпимо относится к соблазнительям чужих жен. Этельберт издавал свои законы в те времена, когда в стране активно внедрялось христианство; под давлением своей жены принял новую веру и сам король. Тем не менее толерантный король смотрел на прегрешения своих подданных сквозь пальцы:

«Если свободный вступит в связь с женой свободного, пусть заплатит он свой вергельд (сумма денег, которую по закону полагалось выплатить в возмещение за убийство. — *О. И.*) и приобретет мужу на свои деньги другую жену и приведет ее к нему домой».

«Если свободная, носящая локоны (девушка), совершит что-либо непристойное, пусть уплатит 30 шиллингов».

Закон не уточняет, что имеется в виду под «непристойностью». Во всяком случае, прелюбодеяние каралось достаточно мягко. Это следует хотя бы из того, что «нечестную»

невесту не наказывали, а попросту отправляли обратно домой:

«Если кто-либо приобретет за свои средства девушку для вступления в брак, пусть покупка считается совершенной, если не было обмана; если же она оказалась нечестной, пусть она будет отправлена домой, а ему вернут его деньги».

Потом нравы стали строже. В начале одиннадцатого века датский король Кнут Великий, завоевавший Англию, постановил:

«Если кто-либо нарушает супружескую верность, то да искупит он это, смотря по тому, что было сделано.

Дурно то нарушение супружеской верности, когда женатый человек сожительствует с незамужней, но гораздо хуже, когда он сожительствует с женой другого или с монахиней.

Если при жизни мужа женщина сожительствует с другим мужчиной и это станет явным, пусть она станет для всех людей предметом отвращения, а ее супруг пусть получит все, чем она владела, и пусть она лишится носа и ушей».

Правда, назначив наказание преступной жене, Кнут так и не разъяснил, как надлежит поступить со столь же преступным мужем.

Скандинавы поступали с прелюбодейками мягче. Шведское городское право «Бьёркёарэттен» (сохранившееся в рукописи четырнадцатого века, но составленное раньше) гласило: «...Никто не привлекает женатого мужчину или замужнюю женщину к ответственности за прелюбодеяние, кроме как супруги друг друга».

Другой шведский свод законов, вошедший в историю под названием «Вестгёталаг» и созданный приблизительно в то же самое время, отражает уже реалии победившего христианства:

«Если человек лежит со своей дочерью, то это дело должно быть разрешено поездкой из ланда (область Вестергётланд, на которую распространялось действие «Вестгёталага». — *О. И.*) в Рим. Если отец и сын обладают одной женщиной, если два брата обладают одной женщиной, если сыновья двух братьев обладают одной женщиной, если сыновья двух сестер обладают одной женщиной, если мать и дочь обладают одним мужчиной, если две сестры обла-

дают одним мужчиной, если дочери двух сестер или двух братьев обладают одним мужчиной, это мерзкое дело».

Впрочем, запреты на кровосмешение у большинства народов существовали и до христианства. Что же касается скандинавского законодательства в целом, то оно относится к нарушителям нравственности не по-христиански терпимо. Правда, убийство мужем любовника, застигнутого с поличным, кое-где разрешалось. Но чаще нарушитель отделялся штрафом.

Правивший в тринадцатом веке норвежский король Магнус, прозванный «Исправителем законов», постановил:

«...Если женщина ложится с другим мужчиной, а не со своим мужем или расходится с ним вопреки божьим законам и людским, в таком случае она лишается своего свадебного дара. И если муж предлагает ей жить вместе, а она не хочет, он должен хранить и распоряжаться всеми частями имущества, пока она жива. А потом ее ближайший наследник забирает приданое, но не свадебный дар».

На острове Готланд примерно в то же время (или раньше) был издан свод законов «Гуталаг». Здесь большинство вопросов, связанных с прелюбодеянием, тоже предлагалось разрешать по возможности мирно:

«Если мужчина совершит прелюбодеяние, то пусть заплатит 3 марки тингу (народному собранию. — *О. И.*) и 6 марок истцу. Если мужчина, ученый или неученый, совершит двойное прелюбодеяние, то пусть заплатит 12 марок стране и другие 12 истцу. Если женатый мужчина совершит прелюбодеяние с незамужней женщиной, то он должен дать ей хогсл (материальное возмещение. — *О. И.*). Если женщина, будучи в законном браке, совершит прелюбодеяние с неженатым мужчиной, то он не должен давать ей хогсл. Если мужчина, ученый или неученый, будет схвачен с женой другого мужчины, то он должен отдать 40 марок или жизнь, и истец пусть решает, что он больше хочет, его добро или его жизнь».

Особая статья закона посвящалась любителям потискать посторонних женщин. Она так и называлась: «О хватании женщин»:

«О хватании женщин этот закон. Если ты собьешь с женщины шапку или платок, и это будет сделано не случайно,

ее голова обнажится до половины, плати тогда 1 марку пеннингов. Если вся голова обнажится, то плати 2 марки. Пусть у нее будет слово доказательства со свидетелями, которые это видели, обнажена ли была вся голова или половина. Но несвободная женщина получает штраф за удары и не более.

§ 1. Если ты сорвешь с женщины крючок или петлю, то плати 8 эртугов. Если сорвешь и то и другое, то плати половину марки. Если это упадет на землю, то плати марку.

§ 2. Если ты сорвешь шнурки с женщины, то плати полмарки за каждый, вплоть до высшего штрафа. И отдай ей все обратно. Она свидетельствует сама, когда все будет отдано.

§ 3. Если ты толкнешь женщину так, что ее одежда придет в беспорядок, то плати 8 эртугов. Если поднимется до половины голени, то плати полмарки. Если поднимется так, что будут видны коленные чашечки, то плати одну марку пеннингов. Если поднимется так высоко, что будет видно бедра и стыд, то плати 2 марки.

§ 4. Если ты схватишь женщину за запястье, то плати полмарки, если она захочет привлечь к суду. Если возьмешь ее за локоть, плати 8 эртугов. Если ты возьмешь ее за плечо, то плати 5 эртугов, если ты возьмешь за грудь, то плати 1 эре. Если возьмешь за лодыжку, плати полмарки. Если возьмешь между коленом и икрой, то плати 8 эртугов. Если возьмешь сверху колена, то плати 5 эртугов. Если возьмешь еще выше, то это стыдный захват и называется захватом глупца; тогда никакие штрафы недействительны...»

В основном все эти законы, хотя и были изданы уже во времена победившего христианства, отражали традицию, существовавшую задолго до того, как скандинавы стали жить под сенью христианских нравственных норм.

Точно так же судебники королевства Кастилия, составленные в двенадцатом—тринадцатом веках, сложились, по мнению ученых, на основе обычного кастильского права, но под влиянием римско-вестготского и обычного германского. Впрочем, испанцы и тогда уже были людьми горячими и к преступлениям против нравственности относились не так терпимо, как северяне: «Всякий, кто свою жену обна-

ружит с другим в постели и убьет ее, не платит за убийство и не становится врагом, если убьет с нею и любовника...» Таким образом, убийство любовника в этой ситуации законом поощрялось. Поощрялось и убийство жены: если муж убивал или ранил любовника, но жену оставлял невредимой, он должен был заплатить штраф.

Распутных женщин испанские законодатели не жаловали; наказание тем, кто убьет такую женщину, было невысоким, причем закон дает вполне четко определение, какую женщину следует считать распутной: «...если действительно алькальды выяснят расследованием, что от двух до трех мужчин с ней сходились». О том, к какой категории следует отнести женщин, согрешивших с большим количеством мужчин, закон умалчивает.

Особое внимание уделено сексуальным преступлениям мансебо — наемных работников. Почему законники посчитали бедных мансебо особо склонными к нарушению нравственности, авторам настоящей книги не известно. Тем не менее испанские законы рассматривают самые разнообразные варианты их грехопадений, причем наказание варьируется от убийства до изгнания из дома:

«Если мансебо, получающий плату, или пастух, или волопас, или огородник, своему господину наставит рога, господин убивает его с женой согласно фуэро (здесь: закону. — *О. И.*); или пусть его убивает прилюдно согласно фуэро, если сможет доказать это со свидетелями; и если не сможет этого доказать, пусть обвинит их в предательстве и они отвечают в поединке...

...Если мансебо, получающий плату, вступит в связь с дочкой господина, то он теряет плату, которую заслужит, если господин сможет это доказать со свидетелями, и становится он врагом всех родственников господина навсегда...

...Если мансебо, получающий плату, вступит в связь с кормилицей своего господина и из-за этого случая молоко будет испорчено и ребенок умрет, то мансебо становится врагом навечно и платит штрафы за убийство...

Если мансебо, получающий плату, будет иметь какую-либо связь с ключницей своего господина, и он (господин) сможет это доказать со свидетелями, то мансебо теряет

плату, которую заслужит, и выгоняют его из дома без какого-либо штрафа».

Впрочем, связь не только с ключницей, но даже и с женой господина каралась испанцами сравнительно мягко по сравнению с другими «грехами»:

«Всякого, кто будет уличен в содомском грехе, надлежит сжечь; и всякий, кто скажет другому: “я тебя е... в зад”, если может быть доказано, что тот грех является правдой, то надлежит сжечь обоих; если нет, пусть сожгут того, кто сказал о таком грехе».

И, предвосхищая грядущие костры инквизиции, испанские законодатели издают законы, направленные против соединения христианок с «неверными»:

«Также всякого мавра, которого обнаружат с христианкой, надлежит сбросить, а ее сжечь; и если он будет отрицать, говоря, что не совершал этого, пусть это доказывается с двумя христианами и с одним мавром, которые знают правду или которые его (мавра) видели, и пусть будет исполнен приговор, как выше сказано...

...Всякого еврея, которого обнаружат с христианкой, надлежит сбросить и ее сжечь; и если будет он отрицать, говоря, что он не совершал этого, пусть это доказывается с двумя христианами и с одним евреем, которые знают правду или которые его (еврея) видели, и пусть будет вынесен приговор, как выше сказано».

К этому времени христианство уже успело победить по всей Европе, и насаждаемые им запреты начинают понемногу становиться определяющими не только в религиозном, но и в светском законодательстве. Хотя, конечно, такие крайние законы, как процитированные выше, к счастью, были редкостью. Впрочем, к собственно христианству они прямого отношения не имеют, из текста Библии не вытекают и являются, скорее, местной инициативой.

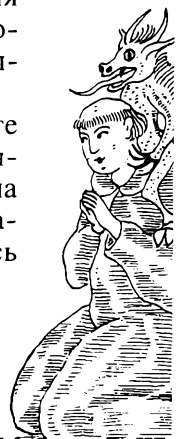
Светские законы, ограничивающие сексуальные свободы, существовали по всей Европе. В некоторых германских городах в Средние века женщин за измену мужьям закапывали живыми в землю или топили. За смягчение этого закона выступил в конце шестнадцатого века палач города

Нюрнберга Франц Шмидт — он настоял на том, чтобы прелюбодеек обезглавливали. Впрочем, возможно, это было вызвано не столько требованиями гуманности, сколько какими-то профессиональными соображениями. А профессионалом Франц Шмидт был высококвалифицированным и уважаемым. Он унаследовал свою профессию от отца, обучался ей сызмальства, и его, как мастера, часто приглашали в другие города; а когда Франц, отдав любимому делу тридцать четыре года жизни, скончался, родной город Бамберг устроил ему пышные похороны, которые почтило своим присутствием немало знатных особ. Франц был человеком образованным и не чуждым литературных талантов. Он оставил дневник, в котором описал свою нелегкую работу и поделился секретами ремесла.

Нередко Францу приходилось казнить преступников, обвиненных в сексуальных преступлениях. Так, он казнил некую Анну Пеленштайн, которая обвинялась по нескольким очень тяжелым статьям сразу. Анна изменила своему супругу, причем с двумя мужчинами, которые к тому же были женаты. Вина усугублялась еще и тем, что ее любовники приходились друг другу отцом и сыном. Но преступнице в определенном смысле повезло: к тому времени, когда ее должны были казнить, Франц уже добился замены прежних наказаний на более гуманное отсечение головы. Интересно, что муж преступницы тоже понес наказание за попустительство: его изгнали из города.

Однажды Францу Шмидту довелось обезглавить человека, который изнасиловал шестнадцать девочек — это были ученицы школы, которую преступник содержал вместе со своим отцом... Случилось ему казнить человека, обвиненного в содомском грехе с четырьмя коровами, двумя телятами и овцой. Пострадала от рук палача и одна из коров — ее сожгли вместе с телом обезглавленного преступника.

Помимо религиозных и светских законов по защите нравственности, особо ретивые граждане порой проявляли дополнительную инициативу. Например, несмотря на то, что Католическая церковь разрешала повторные браки вдовцов, во Франции такие браки одно время считались

аморальными. Здесь были популярны так называемые «шаривари» — кошачьи концерты и хулиганские выходки возле церквей, где венчали вдовцов, или возле домов таких новобрачных.

Еще одна традиция, существовавшая в Европе вопреки церковным и даже вопреки нравственным законам, — это «право первой ночи». Историки до сих пор спорят о нем, поскольку ни одно известное нам законодательство его не подтверждает. Скорее всего, «права» как такового не было, но это не мешало желающим феодалам проводить ночи с невестами слуг и вассалов, оправдывая свои притязания традицией. Власти же, напротив, пытались с этим неписанным правом бороться. В 1486 году испанский король Фердинанд Католик издал указ, гласящий: «...господа не могут также, когда крестьянин женится, спать первую ночь с его женой... Не могут также господа пользоваться против воли дочерью или сыном крестьянина, за плату или без платы». Тем не менее три века спустя Бомарше, прекрасно знавший испанские нравы, описывает, как граф Альмавива по доброй воле отказывается от права первой ночи, причем не из уважения к указу давно усопшего короля, а из любви к собственной жене. Судя по всему, в Испании, как и в России, строгость законов искупалась необязательностью их исполнения. Впрочем, как раз в России с правом, точнее, с бесправием первой ночи боролись. Например, в 1855 году был судим и оштрафован некто Кшадовский, воспользовавшийся этим неписанным правом.

Начиная с одиннадцатого века в Европе становится популярна куртуазная любовь между рыцарем и «прекрасной дамой». Поскольку любовь эта не сводилась к простому чувству и его столь же простому удовлетворению, а была обставлена сложнейшими правилами и ограничениями, их надлежало кодифицировать. На рубеже двенадцатого и тринадцатого веков в Париже Андре Капеллан пишет трактат «О любви», в котором обобщает опыт своих предшественников и подробно разъясняет, что можно и должно, а чего нельзя делать тем, кто хочет преуспеть в куртуазной любви. Автор трактата был клириком, сам трактат написан на ла-

тыни и претендует на всестороннее научное освещение вопроса.

Андре Капеллан рассматривает, «что есть любовь, и откуда ее название, и каково ее действие, и меж кем может быть любовь, и как достигается любовь, удерживается, умножается, умалется, кончается...». Автор сразу накладывает ограничения, сообщая, что «дано ей быть лишь между лицами разного пола: между двумя мужчинами или между двумя женщинами любовь себе места не имеет, ибо думается, что два лица одного пола нимало не приспособлены к любовной взаимности и к естественным любовным действиям; а в чем естеством отказано, того и любовь устыжается». Даются и указания по подбору достойного любовника:

«...Непросвещенная любовница простого звания полагает, что в любовнике ничего не надобно, кроме лишь пригожего вида и лица и ухоженного тела. Осуждать такую любовь я не упорствую, но и восхвалять ее не почитаю основательным... Разумная женщина изыскивает себе такого любовника, который достохвален доблестью нрава, а не такого, который женственно умащается или украшает тело уборами...»

Мужчине тоже надлежит искать себе возлюбленную, которая не слишком увлекается «всяческим притираниями», ибо ведомо, «что женщина, на телесные румяна уповающая, не почасту бывает добронравием украшена». Андре Капеллан четко указывает: «Не отвергнет ученый любовник или ученая любовница того, кто видом некрасив, но обилует добрыми нравами». Впрочем, предпочтение, отдаваемое добронравным и ученым любовникам, имеет, с точки зрения автора трактата, прежде всего практический смысл: «Разумный с разумным солюбовником любовь свою всегда сокрыть сумеют с легкостью». Что же касается «любовников неосторожных и неразумных», их отношения недолго останутся тайной — «разглашенная любовь не украшает любовника, а лишь пятнает его честь дурною молвой».

Будучи клириком, Андре Капеллан особо останавливается на том, разрешена ли любовь служителям Церкви. С одной стороны, автор признает, что «не подобает клирику пребывать в служении любовном, а повинен он всякое плотское наслаждение отринуть и от всякого телесного

осквернения охранять себя незапятнанным перед Господом...». Но с другой стороны, понимая, что «едва ли кому надо прожить без плотского греха», и особо упирая на то, что «клирики житьем их продолжительным во праздности и в изобильной пище предо всеми прочими людьми естественно предрасположены к искушению телесному», Андре Капеллан дает клирику (и, судя по всему, себе самому) наставление: «...Да принадлежит и он к любовному воинству».

Но утех, которые либерально настроенный автор дозволяет служителям Церкви, оказываются, с его точки зрения, запретными для монахинь. Правда, Андре Капеллан сообщает, что он был «небезведом в науке обольщать монахинь». Тем не менее близость с монахиней он считает «несказуемым грехом».

По целому ряду вопросов Капеллан ссылается на мнение знаменитой королевы Алиеноры Аквитанской, двор которой славился традициями куртуазной любви. Так, королева осудила даму, которая, отдаваясь своему любовнику, его «с равной взаимностью не любила», однако же пыталась удержать возле себя. Осудила она ее, естественно, не за то, что дама (вероятно, замужняя) отдалась рыцарю, а за то, что она его «с равной взаимностью не любила». Осудила королева и даму, которая из двух претендентов — юноши, «никакими достоинствами не отмеченного», и «пожилого рыцаря, приятного всеми качествами» — предпочла первого. Алиенора сочла, что «неразумно поступает женщина, в любви предпочитая недостойного, а тем паче, когда ищет любви ее муж доблестный и душевным вежеством сияющий».

Строгий приговор вынесла королева и даме, которая приняла подарки от влюбленного в нее рыцаря, однако же «в любви от этого не смягчилась и в отказе своем ему упорствовала». Алиенора постановила: «Пусть та женщина или отвергнет подарки, поднесенные с любовным усмотрением, или отдарит их любовным снисхождением, или же претерпит, что причтут ее к продажным женщинам».

Куртуазная любовь существовала, как правило, между рыцарем и замужней знатной дамой. Измена мужу, согласно принятым правилам игры, не возбранялась, какого бы

мнения ни придерживалась по этому поводу Церковь. И королева, осуждая даму за воздержание, прямо предписывала ей внебрачную связь. Но с некоторыми другими религиозными и светскими законами Алиенора, а вслед за ней и Андре Капеллан все-таки призывали считаться. Так, автор трактата рассказывает о некоем рыцаре, который «по неведению соединился любовью с родственницей, а узнав о таком грехе, стал искать уйти от нее». Дама же «стремилась удержать его в любовном повиновении, утверждая, что грех им не вменяется, ибо приступили они к любви, не зная вины». Приговор королевы по этому поводу был строг: «Женщина, под любым покровом заблуждения ищущая скрыть кровосмесительность любви своей, явственно поступает против права и пристойности».

Описывает Андре Капеллан и обратный случай: «Некоторая дама, узами достойнейшей любви связанная, вступив впоследствии в почтенное супружество, стала уклоняться от солюбовника и отказывать ему в обычных утехах». Поведение это дамы автор называет «недостойным». Он ссылается в своем приговоре на мнение виконтессы Нарбоннской, которая сказала: «Не справедливо, будто последующее супружество исключает прежде бывшую любовь, разве если женщина вовсе от любви отрекается и впредь совсем не намерена любить». А вот любовь между разведенными супругами та же виконтесса признать отказалась: «Кто был связан любого рода супружеским союзом и затем любого рода разлучен разъединением, то любовь между ними мы решительно полагаем нечестивою».

Андре Капеллан, вслед за знатными дамами, осуждает женщину, изменившую своему любовнику во время его долгого отсутствия, когда «все уже отчаялись в его прибытии». Суд графини Шампанской был таков: «Неправо поступает любовница, отрекаясь от любви за долгим отсутствием любовника, если только он первым не отпал от любви или явно не нарушил любовную верность...» Осуждению подверглась и дама, любовник которой «потерял в бою свой глаз или иное телесное украшение». Дама эта отказала увечному «в обычных объятиях», за что и снискала приговор виконтессы Нарбоннской.

Еще одно дело о нарушении правил куртуазной любви было рассмотрено графиней Шампанской «в собрании шестидесяти дам». К женскому суду прибегнул рыцарь, чья возлюбленная изменила ему с его же наперсником, которого он просил быть посредником в любовных делах. Дамы вынесли преступникам суровый приговор: «...Да будут они отлучены от чьей бы то ни было любви, да не будет вхож ни тот, ни та в рыцарский сход или дамский свет, ибо он попрапал верность, свойственную рыцарскому сословию, а она попрапала женский стыд, позорно преклонясь к любви наперсника».

В конце своего трактата Андре Капеллан приводит список правил, которых должны придерживаться куртуазные любовники. Список этот содержит более тридцати пунктов, некоторые из них авторы настоящей книги предлагают вниманию читателей:

«Супружество не есть причина к отказу от любви».

«Что берет любовник против воли солюбownika, в том вкусу нет».

«Мужской пол к любви не вхож до полной зрелости».

«О скончавшемся любовнике пережившему любовнику памятовать двумя годами вдовства».

«Без довольных оснований никто лишен любви быть не должен».

«Не пристало любить тех, с кем зорно домогаться брака».

«Всякий любовник перед взором, солюбownым ему, бледнеет».

«Кто терзается любовным помыслом, тот мало спит и мало ест».

«Любовь любви ни в чем не отказывает».

«Любовник от солюбownika никакими утехами не насыщается».

«Одну женщину любить двоим, а двум женщинам одного отнюдь ничто не препятствует».

О сексуальных традициях дохристианской Руси информация сохранилась достаточно скудная. Одним из первых упоминаний можно считать записки арабского писателя Ибн

Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах. Автор сообщает о русах:

«Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атыле (Волге. — *О. И.*), — а это большая река, — и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается их в одном таком доме десять и двадцать, — меньше или больше. У каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ними сидят девушки-красавицы для купцов. И вот один из них сочетается со своей девушкой, а товарищи его смотрят на него. А иногда собирается целая группа из них в таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет ее, пока не удовлетворит своей потребности».

Рассказывает Фадлан и о царе русов, который круглые сутки проводит время в «очень высоком замке» в окружении четырехсот мужей «из числа богатырей, его сподвижников». Царь возлежит на ложе, инкрустированном драгоценными самоцветами. «И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников... И этот поступок они не считают постыдным». При каждом из сподвижников тоже имеются две девушки: одна для услуг и вторая, которой «он пользуется как наложницей в присутствии царя».

Вообще говоря, сделать из этого текста уверенные выводы о вольных нравах, царивших среди славянских торговцев и при дворе русских князей (царей тогда, естественно, еще не было), достаточно трудно хотя бы потому, что не вполне понятно, кого путешественник имел в виду под «русами». Скорее всего, скандинавов. Впрочем, поскольку скандинавские купцы и дружины на Руси были не редкостью, то сообщение арабского путешественника, во всяком случае, имеет к русской истории достаточное отношение. Тем более что похожие сообщения о нравах русских князей имеются и в других источниках.

При жизни Владимира на Руси стал создаваться первый летописный свод, который позднее неоднократно перерабатывался и в начале двенадцатого века, в своей оконча-

тельной версии, стал называться «Повесть временных лет». Здесь о самом князе Владимире говорится:

«Был же Владимир побежден похотью. Были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, и наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлевая девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц».

«Повесть временных лет» вкратце упоминает и сексуальные традиции некоторых славянских народов:

«Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, сли все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по стовору с ними; имели же по две и по три жены».

Упоминается в «Повести» и скифское племя «гилий». Правда, к тому времени никаких скифов на свете уже не было, но память о них, видимо, продолжала волновать умы: «Другой закон у гилий: жены у них пашут, и дома строят, и мужские дела совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые вовсе своими мужьями и не стыдясь...»

Так или иначе, создается впечатление, что жители Древней Руси не стесняли себя слишком обременительными

ограничениями в области секса. Традиции, идущие из глубины веков, достаточно долго не могло разрушить даже христианство. В начале шестнадцатого века игумен одного из псковских монастырей жаловался на празднества, устраиваемые в «день Рождества Иоанна Предтечи» (на Ивана Купала): «...И тогда во святую ту ночь мало не весь град взмется и взбесится... стучат бубны и глас сопелей и гудят струны, женам же и девам плескание и плясание... всескверные песни, бесовские угодия свершаются, и хребтам их вихляние, и ногам их скакание и топтание, тут есть мужам и отрокам великое прельщение и падение, то есть на женское и девическое шатание блудное воззрение, также и женам замужним беззаконное осквернение и девам расчленение».

Церковь диктовала пастве свои сексуальные ограничения, подробно изложенные в «епитимийниках». Священники выпытывали у прихожан постельные подробности и налагали покаяния. Однако написанный в шестнадцатом веке «Чин свадебный», детальнейшим образом описывая правила проведения и свадьбы, и брачной ночи, в интимные дела не вмешивается, утверждая, что в постели «жених с невестой что хотят, то и делают».

Достаточно лояльным было на Руси и отношение к невинности девушек. Церковь запрещала добрачные отношения, но в реальности в русских деревнях, особенно на Севере, большого значения девственности невест не придавали. Утром после свадьбы молодому мужу подавали яичницу-глазунью. Если он съедал желток целиком, значит, жена ему досталась «честная», если разбивал его ложкой, значит, кто-то опередил жениха. Таким деликатным способом муж уведомлял своих родственников о положении дел. После чего вопрос обыкновенно считался исчерпанным.

Этнографы девятнадцатого века сообщают, что в Архангельской области девушка, родившая ребенка, имела больше шансов на замужество. Здесь бытовала пословица: «Девушка не травка, вырастет не без славки». В книге, посвященной этнографии Вологодской губернии, говорится, что «в большей части деревень девичьему целомудрию не придается строгого значения». А в некоторых деревнях

«девка, имевшая ребенка, скорее выйдет замуж, чем целомудренная, так как она, знают, не будет неплодна». Крестьяне говорили этнографам: «Редкая из наших девок не гуляет до замужества». Парни вступали в первые связи с пятнадцати лет и до свадьбы успевали сменить нескольких подружек. По сообщению врача из Рязанской губернии, в деревнях нельзя было найти девушки старше 17–18 лет, которая сохранила бы невинность.

Подобные традиции существовали у многих народов, населявших европейскую часть России. У карел и вепсов, как и у других финно-угров, века до тринадцатого, а по некоторым данным и до шестнадцатого существовал групповой брак. А когда такая форма брачных отношений устарела, карелы, обгоняя время и предвосхитив достижения двадцать первого века, стали широко практиковать пробный брак. Правда, такие вольности искупались строгими ограничениями, которые колдун, он же главный свадебный распорядитель — патьвашка, налагал на молодых после свадьбы. Злые духи, как известно, особо падки до молодоженов, единственным препятствием для них могут служить специальные обереги. Но исполнять супружеские обязанности, не сняв обереги, возбраняется. Поэтому первые несколько ночей жениху и невесте приходилось воздерживаться от радостей плоти, терпеливо ожидая, пока духам надоест их караулить. И лишь после того, как патьвашка удостоверился, что опасность миновала, собственноручно снимал с молодых обереги, обрабатывал постель своим посохом и запирали дверь клетки на замок, супруги могли приступить к своим прямым обязанностям.

Надо отметить, что сексуальные вольности, которые существовали в деревнях, хотя и имели древние традиции, правительством Российской империи не поощрялись. Другое дело, что невинность или греховность крестьянских девок, как правило, попросту не попадала в сферу внимания властей. Но в тех редких случаях, когда греху давалась огласка, дело могло кончиться уголовным разбирательством.

В архивах города Бежецка сохранились так называемые «блудные дела». Одно из них относится к 1757 году. Воеводской канцелярией по обвинению в блуде была арестована

крестьянская девка Марина Федотова дочь, бывшая в услужении у купца Федора Пономарева. На следствии она показала, что имела связь со своим работодателем и что он обещал на ней жениться. Купца призвали к ответу. Связь он признал и принес за нее «всенижайшее и рабское извинение» — правда, не обманутой девушке, а на высочайшее имя, но жениться категорически отказался. Судья не стал разбираться, кто виноват, и в простоте приговорил обоих любовников к наказанию плетью, что и было исполнено. Но урок не вразумил ни любострастного купца, ни его служанку. Не вполне понятно, кто и как сумел добыть доказательства их повторного падения, тем не менее документы сообщают, что через три недели «они, купец Пономарев и девка Федотова, по освобождении ее из Бежецкой канцелярии из-под следствия по прежде бывшему о блуде делу вторично между собою полюбовное блудожительство подлинно имели». Купца снова наказали плетью и приговорили к штрафу, а Марину отослали в воеводскую канцелярию.

Иностранцы, навещавшие Россию, нередко оставляли полные изумления заметки о быте и нравах русских. Не избежал этого соблазна и англичанин Самуэль Коллинс, который «девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича». За эти годы он так и не смог привыкнуть к своим новым соотечественникам. «Русские ни в чем не сходны с другими народами, — пишет Коллинс в Англию. — Их безумие так велико, что никакая антикирская чемерица* не может от него избавить». Англичанин остался недоволен многим — и тем, как русские едят: «на коленях, хотя бы стол и стоял перед ними»; и тем, как они шьют: «Они шьют, обратя к себе иглу острием, и продевают ее средним пальцем, а потому должны быть плохими портными»; и тем, как собирают горох: «вырывают его с корнем»; и тем, что не знают слово «рогоносец», а про обманутого мужа говорят, что «он лежит под лавкою»... Придирчивый Коллинс не оставил без внимания и сексуальные

* Чемерица — растение, применявшееся как средство против психических заболеваний. Очень много чемерицы вывозили из Антикиры — города в Северной Африке.

традиции: «...Они считают большим грехом для русского возлежать с датской или английской женщиной, но не считают грехом, когда продажная пикадилло — русская проститутка — продает себя иностранцу, так как ее потомство будет образовано в истинной древней вере, и русский получит неограниченного ребенка от иностранца...»

Значительно подробнее описал сексуальную жизнь русских немецкий ученый-энциклопедист Адам Олеарий, посетивший Россию с торговым посольством в тридцатые годы семнадцатого века. Надо сказать, что ни страна, ни ее население чистоплотному и законопослушному немцу категорически не понравились. Ему не понравились женщины, которые «все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску». Не понравились дети — «не умеющие назвать ни Бога, ни отца, ни мать, уже имеют на устах это: “е... твою мать”». Не понравилось, что «русские вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не имеют никакой охоты заниматься ими...». Не понравились «ссоры и бабьи перерядяги» на улицах. Не понравилось, что «на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных» и что «никто из них никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было». «В общем они живут плохо», — сообщает автор.

Можно, конечно, сделать вывод, что злонамеренный немец попросту решил оклеветать чуждый ему по духу народ, и тогда все его свидетельства оказываются не слишком достоверны. Если же принять, что в писаниях Олеария содержится некоторая доля истины, то можно обратиться к той части его книги, где он рассказывает о сексуальных традициях столь нелюбезного ему народа:

«Прелюбодейание у них не наказывается смертью, да и не именуется у них прелюбодейанием, а просто блудом, если женатый пробудет ночь с женою другого. Прелюбодеем называют они лишь того, кто вступает в брак с чужою женою.

Если женщиною, состоящею в браке, совершен будет блуд, и она будет обвинена и уличена, то ей за это полага-

ется наказание кнутом. Виновная должна несколько дней провести в монастыре, питаясь водою и хлебом, затем ее вновь отсылают домой, где вторично ее бьет кнутом хозяин дома за запущенную дома работу...

...Насколько русские охочи до телесного соития и в браке и вне его, настолько же считают они его греховным и нечистым. Они не допускают, чтобы при соитии крестик, вешаемый при крещении на шею, оставался на теле, но снимают его на это время. Кроме того, соитие не должно происходить в комнатах, где находятся иконы святых; если же иконы здесь окажутся, то их тщательно закрывают.

Точно так же тот, кто пользовался плотскою утехою, в течение этого дня не должен входить в церковь, разве лишь хорошенько обмывшись и переодевшись в чистое.

Более совестливые в подобном случае, тем не менее, остаются перед церковью или в притворе ее и там молятся. Когда священник коснется своей жены, он должен над пупом и ниже его хорошенько обмыться и затем, правда, может прийти в церковь, но не смеет войти в алтарь».

Не обходит дотошный немец и тему гомосексуальных связей:

«Они так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомиею; при этом употребляют не только *pueros muliebria pati assuetor* (как говорит Курций) (мальчиков. — *О. И.*), но и мужчин, и лошадей. Это обстоятельство доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно. Подобные гнусные вещи распеваются кабацкими музыкантами на открытых улицах или же показываются молодежи и детям в кукольных театрах за деньги».

Возможно, невзлюбивший Россию Олеарий несколько сгустил краски, но кое в чем он все-таки оказался прав. В отличие от большинства стран Европы, где гомосексуальные связи в той или иной мере преследовались, на Руси первый закон, направленный против мужеложства, был введен Петром I в 1706 году. «Противоестественный блуд» согласно воинскому уставу, написанному по шведскому образцу, карался сожжением на костре. Впрочем, через десять

лет Петр, видимо, понял, что всех не сожжешь, и заменил костер наказанием более мягким:

«Артикул 165. Ежели смешается человек со скотом и безумною тварию, и учинит скверность, оного жестоко на теле наказать.

Артикул 166. Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложствует, оные яко в прежнем артикуле помянуто, имеют быть наказаны. Ежели же насильством то учинено, тогда смертью или вечно на галеру ссылкой наказать».

Кроме того, устав предусматривал строгие наказания за изнасилование («голову отсечь, или вечно на галеру послать, по силе дела»), за прелюбодеяние, за двоеженство и за кровосмешение. Отдельно сообщалось: «Никакия блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутся, имеют оныя без рассмотрения особ, чрез профоса раздеты и явно выгнаны быть».

Разумеется, все это, касалось только людей военных. «На гражданке» тоже существовало уголовное наказание за изнасилование, но за гомосексуальные связи штатские содомиты несли ответственность только перед своим духовником. И лишь в 1832 году в российском уголовном кодексе появилась статья, по которой мужеложство наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на четыре-пять лет.

После Октябрьского переворота гомосексуализм в Российской Советской Республике довольно долго не преследовался (хотя в некоторых других республиках Советского Союза соответствующие статьи имелись), за что первое в мире социалистическое государство удостоилось похвалы на Копенгагенском конгрессе Всемирной лиги сексуальных реформ в 1928 году. Сегодня об этой Лиге большинство россиян знает только из романа «Золотой теленок» — именно туда Остап советует обратиться Паниковскому, который жалуется, что его не любят девушки. Некоторые читатели (как когда-то и авторы настоящей книги) по наивности думают, что Остап попросту пошутил над бедным «сыном лейтенанта Шмидта». Но это не так — Всемирная лига сексуальных реформ действительно существовала в первой половине двадцатого века и внесла немалый вклад в дело грядущей сексуальной революции.

Однако похвалы сексуальных реформаторов оказались преждевременными. Прошло всего лишь пять лет, и в Советском Союзе была введена уголовная ответственность за мужеложство, которое объявили продуктом разложения эксплуататорских классов, а позднее — проявлением «морального разложения буржуазии».

Справедливости ради надо признать, что «эксплуататорские классы» Европы действительно отдали немалую дань увлечению гомосексуализмом. Но и карали их за это немало. Статьи за мужеложство существовали в большинстве европейских стран до второй половины и даже до конца двадцатого века. Например, знаменитый английский писатель Оскар Уайльд за связь с юным поэтом лордом Альфредом Дугласом был приговорен к двум годам каторжной тюрьмы. В Германии на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков с законами против гомосексуализма безуспешно боролись Август Бебель, Карл Каутский, Альберт Эйнштейн, Герман Гессе, Томас и Генрих Манны, Райнер Мария Рильке, Стефан Цвейг... В программной декларации нацистов в 1928 году говорилось: «Те, кто допускает любовь между мужчинами или между женщинами, — наши враги, потому что такое поведение ослабляет нацию и лишает ее мужества». Придя к власти, фашисты резко ужесточили наказание за гомосексуальные связи, причем под статью теперь попадали и «похотливый взгляд», и совместное купание обнаженных мужчин. За годы нахождения Гитлера у власти общее число немцев, осужденных за однополые связи или их попытку, составило более пятидесяти тысяч человек.

Легализация однополых любви в Европе и в Америке началась лишь во второй половине двадцатого века. Сегодня существует несколько стран, в которых геи и лесбиянки имеют право на полноценный брак, — среди них Голландия, Бельгия, Испания, Канада... Во многих странах узаконены «однополые партнерства», практически приравненные к браку. Кстати, Америка в этой ситуации значительно отстает от Европы — законодательство некоторых штатов до сих пор запрещает не только мужеложство, но и любые анальные и даже оральные контакты. Впрочем, законы эти существуют уже скорее в качестве музейной редкости и уго-

ловных дел по ним давно не возбуждается. А недавно и американская армия официально признала за геями право на военную службу (раньше они могли служить, но при условии исполнения нехитрого правила «Don't ask, don't tell» — «Не спрашивай, не говори»).

В Исландии закон, разрешающий однополые браки, был единогласно принят парламентом в 2010 году. Теперь юридическое определение термина «брак» подразумевает союз не только между мужчиной и женщиной, но также между двумя мужчинами или двумя женщинами. Премьер-министр Исландии Йоханна Сигурдадоттир стала первым в мире руководителем государства, открыто заявившим о своей нетрадиционной ориентации. Первый брак премьера был гетеросексуальным, в нем у Йоханны родились двое сыновей (кроме того, у нее есть приемный сын). Но позднее она вступила в незарегистрированный брак с журналисткой Йониной Леосдоттир — этот союз был узаконен в 2010 году, вскоре после того, как парламент легализовал однополые браки.

Советский Союз, а потом и Россия в вопросе сексуального реформирования, как и в некоторых других вопросах, шли своим путем, пугая мир революционными прорывами, скатываясь в махровую контрреволюцию и в конце концов с небольшим опозданием перенимая завоевания Запада.

Ленин, как сообщает Клара Цеткин, говорил: «Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции». Правда, в той же самой беседе вождь победившей социальной революции о предсказанной им революции сексуальной выразился туманно, сообщив, что «избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во время революции это скверно, совсем скверно». После чего порекомендовал молодежи «здоровый спорт, гимнастику, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода...» В этой связи не вполне понятно, как именно видел Ильич грядущие сексуальные преобразования и в чем должна была заключаться их рево-

люционность. Но плохая проработанность теоретической базы была с избытком восполнена инициативой победившего пролетариата на местах.

В марте 1918 года на улицах Саратова появился расклеенный на домах и заборах документ следующего содержания:

Декрет

Настоящий декрет провозглашается свободным объединением анархистов. В соответствии с решением Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, отменяется частное владение женщинами. Социальное неравенство и законный брак, существовавшие в прошлом, служили орудием в руках буржуазии. Благодаря этому орудию лучшие образцы всего прекрасного были собственностью буржуазии, что препятствовало подобающему воспроизводству человеческой расы. Настоящим декретом устанавливается:

1. С 1 марта право частного владения женщиной в возрасте от 17 до 32 лет отменяется.

2. Возраст женщины устанавливается по свидетельству о рождении, по паспорту или по показаниям свидетеля. В случае отсутствия документов возраст определяется Черным Комитетом, который будет судить по внешности.

3. Декрет не распространяется на женщин, имеющих детей.

4. Прежние владельцы сохраняют право пользования женщинами вне очереди.

5. В случае сопротивления бывшего мужа, предыдущий параграф на него не распространяется.

6. Настоящим декретом все женщины исключаются из частного владения и объявляются всенародной собственностью.

7. Распределение и управление изъятых из частной собственности женщин находится в ведении Клуба Анархистов Саратова. В трехдневный срок по издании этого декрета все женщины, передаваемые для всенародного использования, должны явиться по указанному адресу и представить требуемые сведения.

8. Каждый гражданин, заметивший женщину, уклоняющуюся от исполнения декрета, обязан сообщить о ней по указанному адресу, сообщив адрес, полное имя и имя отца женщины-нарушителя.

9. Граждане мужского пола имеют право пользоваться одной и той же женщиной не чаще трех раз в неделю по три часа, при соблюдении нижеприводимых правил.

10. Каждый мужчина, желающий воспользоваться общественной собственностью, должен представить справку заводского комитета, профессионального союза или совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, удостоверяющую, что он принадлежит к рабочему классу.

11. Каждый работающий обязуется вносить отчисление в 2 процента от своей заработной платы в общественный фонд...

12. Граждане мужского пола, не принадлежащие к рабочему классу, для того, чтобы пользоваться теми же правами, обязуются платить 100 рублей в месяц в общественный фонд...

14. Все женщины, объявляемые настоящим декретом общественной собственностью, получают выплату из фонда в 238 рублей в месяц...

16. Рожденные дети в возрасте 1 месяца помещаются в учреждение, где они образуются до 17 лет за счет общественных фондов...

18. Все граждане, мужчины и женщины, обязуются следить за своим здоровьем и раз в месяц делать анализ крови и мочи. Обследования проводятся ежедневно в лаборатории народного здравоохранения «Здоровье Поколения».

19. Виновные в распространении венерических заболеваний подлежат строгому наказанию...

22. Все отказывающиеся исполнять данный декрет считаются саботажниками, врагами народа и контранархистами и подлежат строгой каре.

Пояснения к декрету

Местный Комиссариат Надзора гарантирует каждой девушке, достигшей возраста 18 лет, полную неприкосновенность личности. Любой, покусившийся на девушку 18 лет оскор-

бительным языком или попытавшийся изнасиловать ее, будет ответственен по всей мере революционной законности перед Революционным Трибуналом. Всякий, изнасиловавший девушку, не достигшую 18 лет, считается государственным преступником и приговаривается к 20 годам тяжелой каторги, если он отказывается жениться на пострадавшей. Пострадавшая, обесчещенная девушка имеет право жениться на насильнике, если она того желает. По достижении 18 лет девушка считается государственной собственностью... Зарегистрировавшись в Бюро Свободной Любви, девушка получает право выбрать из мужчин в возрасте от 19 до 50 лет мужа-сожителя. Примечания: (1) Согласие мужчины в этом случае не требуется. (2) Мужчина, на которого падает выбор, не имеет права протестовать. Мужчинам также предоставляется право выбирать из девушек, достигших возраста 18 лет. Возможность выбора мужа или жены предоставляется раз в месяц...

Документ этот, как утверждает в своей статье доктор исторических наук, профессор Алексей Велидов, был фальсификацией — его сфабриковал владелец саратовской чайной, некто Михаил Уваров, желая дискредитировать то ли анархистов, то ли советскую власть, то ли всех сразу. Но каково бы ни было происхождение декрета, он был напечатан достаточным тиражом и вызвал в городе бурные волнения. Чайная Уварова была разгромлена разъяренными анархистами, ее хозяин убит. Однако история декрета на этом не окончилась, и текст его пошел гулять по революционной России. Его перепечатали многие газеты. В различных вариантах он стал появляться в разных городах страны, где победивший пролетариат охотно подхватывал саратовскую инициативу.

Власти города Владимира объявили, что «после 18-летнего возраста всякая девица объявляется государственной собственностью. Если она не вышла замуж, то обязана встать на учет в бюро свободной любви». В Пермской губернии советские органы в 1918 году выдавали мандаты следующего содержания: «Настоящим удостоверяем, предьявитель сего... уполномочивается на право приобретения себе барыш-

ни, и никто ни в коем случае не может сопротивляться, на что даются ему широкие полномочия...»

Обобществление женщин было все-таки местной инициативой, шедшей «снизу», из недр народной жизни, но и центральные власти внесли свою лепту в грядущую сексуальную революцию. Одними из первых декретов победившей революции были декреты о гражданском браке и о свободе разводов. Теперь вступать в брак и разводиться можно было неограниченное количество раз, причем для развода не нужны были никакие другие причины, кроме желания одного из супругов.

С легкой руки советских лидеров стала популярна так называемая теория «стакана воды», согласно которой вступить в случайную половую связь и удовлетворить мимолетное желание следовало с той же легкостью, с какой человек утоляет жажду. Но, отвергая буржуазные нравственные и сексуальные запреты, коммунисты очень скоро поняли, что такую важную сферу, как секс, нельзя пускать на самотек. Вопросы любви и половой жизни начинают обсуждаться на комсомольских и партийных собраниях. А в 1924 году врач и бывший психоаналитик, а теперь яростный противник Фрейда и столь же пламенный строитель социализма А. Б. Залкинд пишет статью «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата» и публикует ее в брошюре «Революция и молодежь», выпущенной издательством Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова.

Вчерашний фрейдист возмущается «современным половым хаосом» и выдвигает поистине новаторский лозунг: «Чисто физическое половое влечение недопустимо с революционно-пролетарской точки зрения». Но поскольку какое-то влечение победившие пролетарии все-таки испытывать должны, Залкинд рекомендует: «Основной половой приманкой должны быть основные классовые достоинства, и только на них будет в дальнейшем создаваться половой союз».

Но и приманив своими классовыми достоинствами соответствующего партнера, пролетарий должен помнить, что половая жизнь допустима «лишь в том ее содержании, кото-

рое способствует росту коллективистических чувств, классовой организованности, производственно-творческой, боевой активности, остроте познания...». Впрочем, даже и такую половую жизнь следовало ограничивать: «...Рабочий класс должен быть чрезвычайно расчетлив в использовании своей энергии, должен быть бережлив, даже скуп, если дело касается сбережения сил во имя увеличения боевого фонда. Поэтому он не будет разрешать себе ту безудержную утечку энергетического богатства, которая характеризует половую жизнь современного буржуазного общества...»

Сексолог-новатор приводит в пример «отдельные, смелые, крепкие группки», которые «пытаются уже связать себя определенными твердыми директивами в области половой жизни», действуя в контакте с местными партийными и комсомольскими ячейками, профсудом, партколлективом и контрольной комиссией. Особые надежды автор возлагает на пионеров: «Наши дети — пионеры — первыми сумеют довести дело полового оздоровления до действительно серьезных результатов. С них и надо начать».

Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата

1. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата...

2. Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (то есть 20—25 лет)...

3. Половая связь — лишь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви.

Чисто физическое влечение недопустимо. Половое влечение к классово-враждебному, морально-противному, бесчестному объекту является таким же извращением, как и половое влечение человека к крокодилу, к орангутангу...

4. Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих...

5. Половой акт не должен часто повторяться...
6. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия...
7. Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена, один муж)...
8. При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения ребенка — и вообще помнить о потомстве...
9. Половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевания. Половая жизнь рассматривается классом как социальная, а не как узколичная функция, и поэтому привлекать, побеждать в любовной жизни должны социальные, классовые достоинства, а не специфические физиологически-половые приманки, являющиеся в своем подавляющем большинстве либо пережитком нашего докультурного развития, либо развившиеся в результате гнилых воздействий эксплуататорских условий жизни...
10. Не должно быть ревности...
11. Не должно быть половых извращений...
12. Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая...

Так наметившаяся было сексуальная революция оказалась подавлена на корню, и если буржуазные нравственные нормы и были искоренены, то свободы от этого отнюдь не прибавилось. В 1944 году закон отменил существовавшую ранее равноценность фактического и зарегистрированного браков. В паспортах появилась графа о семейном положении. Была сильно ужесточена процедура развода. У детей, рожденных вне брака, в графе «отец» теперь ставили прочерк, заведомо объявляя таких детей неполноценными. Половые отношения вне брака стали вновь считаться аморальными, о «стакане воды» было давно забыто. В 1947 году был принят указ, запрещающий браки с иностранцами. Супру-

жеская неверность становилась предметом обсуждения на партийных и профсоюзных собраниях...

Некоторые послабления в области секса принесла в страну хрущевская «оттепель», тем более что она совпала с европейской и американской сексуальной революцией, отзвуки которой докатились и до Советского Союза. Но окончательную победу сексуальная революция, о которой так долго говорили большевики, одержала в России только с падением советской власти. Это, конечно, не означает вседозволенности и отмены любых моральных и законодательных норм. Тем не менее по статистике сегодняшняя москвичка меняет за жизнь в среднем четырех половых партнеров, а москвич — девятих. В 1993 году в России вне брака родилось 250 714 детей, в 2003 году их количество удвоилось. Опять таки, это не означает, что дети обязательно растут без отцов, просто очень многие пары не регистрируют свои отношения, поскольку ни моральные, ни юридические нормы этого сегодня не требуют. Интересно, что самая высокая внебрачная рождаемость в России — в Коми-Пермяцком, Чукотском, Корякском автономных округах и Туве (51,2–62,7 процента). Это значительно выше, чем даже в странах Европы, и свидетельствует лишь о том, что люди, живущие по законам традиционных обществ (а таких немало, например, среди чукчей), вступают в брак согласно своим национальным обычаям, не считая нужным обращаться в загсы.

Что же касается российских законов, регулирующих сексуальные отношения, они сегодня достаточно необременительны. Уголовный кодекс РФ не предусматривает наказания за множество прегрешений, которые раньше считались противозаконными. Так, не существует уголовной ответственности за скотоложство — она может наступить только в случае жестокого обращения с животным. Не является преступлением и добровольная сексуальная связь между совершеннолетними родственниками. Отменена ответственность за однополые связи. Возраст сексуального согласия в России — шестнадцать лет. Это означает, что с теми, кто перешагнул этот рубеж, можно вступать в сексуальные связи (даже и незарегистрированные), не опасаясь преследо-

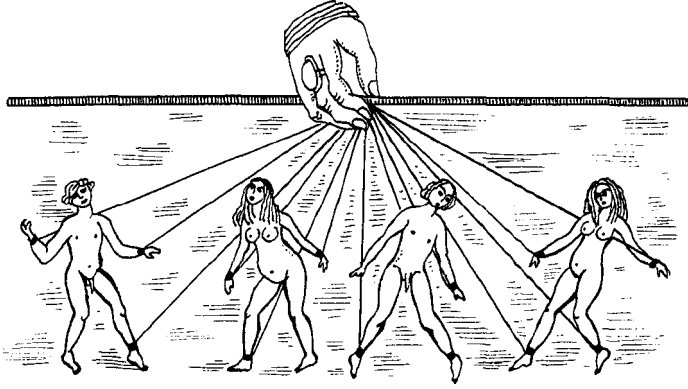

вания закона. Что же касается тех, кто хочет свои отношения зарегистрировать, им надо ждать до восемнадцати лет. Впрочем, для особо нетерпеливых в ряде областей этот возраст понижают до шестнадцати, пятнадцати и даже до четырнадцати лет. А в Новгородской и Орловской областях возраст брачующихся, в случае особых обстоятельств, понижают неограниченно.

Кстати, брак браком, но возраст сексуального согласия региональные власти изменять не вправе. И если следовать букве закона, то мужья и жены, юные супруги которых не достигли шестнадцати лет, не имеют права вступать с ними в сексуальные отношения. Тем более что российское законодательство брак и половую жизнь напрямую не связывает. В некоторых странах обязанность сексуально удовлетворять своего супруга прописана в законодательстве. В России такого закона нет, поэтому и супружеских обязанностей нет, а есть только права, и права не для всех, а для тех, чьи жены и мужья достигли шестнадцатилетия... Впрочем, пока, насколько известно авторам настоящей книги, за половую жизнь с собственным супругом никого к ответственности не привлекли. Известно ведь, что строгость российских законов искупается необязательностью их исполнения.

Понемногу о разном

Сексуальные запреты и предписания у разных народов мира столь многочисленны и разнообразны, что рассказать обо всех невозможно. Поэтому авторы настоящей книги, вдохновившись афоризмом бессмертного Козьмы Пруткова о том, что «никто не обнимет необъятного», решили ограничить свой труд рассказом о нескольких крупнейших цивилизациях Евразии. Но сексуальные обычаи многих других народов ничуть не менее интересны, поэтому авторы сочли необходимым хотя бы вкратце остановиться на некоторых из них.

В пятом веке до н.э. Геродот, посетив Северную Африку, так описывал свадебные традиции местного племени насамонов: «Когда насамон женится в первый раз, то, по обычаю, молодая женщина должна в первую же ночь по очереди совокупляться со всеми гостями на свадьбе. Каждый гость, с которым она сходится, дает ей подарок, принесенный с собой из дома».

Подобную практику в первом веке до н. э. описывает и Диодор Сицилийский, рассказывая о населении нынешних Балеарских островов: «Есть у них и весьма странный брачный обычай. Во время свадебного пира родственники и друзья, сначала самый старший, затем следующий по воз-

расту и все прочие в порядке старшинства соединяются с невестой, причем последним удостоивается этой чести жених».

Вообще европейское представление о том, что девственность невесты представляет особую ценность для жениха, разделяют далеко не все народы. И. С. Кон пишет: «Дефлорация — довольно сложная и не всегда приятная процедура. Многие народы считают ее тягостной как для женщины, так и для мужчины. Больше того, она считается опасной для мужчины, так как вместе с кровью в него может проникнуть злой дух. Поэтому в некоторых обществах ее заменяют специальной хирургической операцией. У многих народов — тибетцев, японцев, уйгуров, жителей Кампучии, Индонезии, Филиппин и др. — существовал обычай ритуальной дефлорации девушек жрецами. Это должно было совершаться обязательно в определенном возрасте и предшествовать выходу девушки замуж, иначе она и ее родители считались опозоренными. У некоторых других народов, прежде чем муж осуществит свои супружеские права, это публично делают все остальные мужчины деревни. Этнографы обычно считают это своеобразной формой выкупа, который жених платит своим товарищам по мужскому союзу. Но его можно рассматривать и как частный случай класса древних обрядов, связанных с освоением нового. Желая избежать связанной с этим опасности, первобытные люди в таких случаях пропускают вперед кого-то менее ценного (например, в новый дом сначала пускают кошку) или того, кто имеет больше возможностей избежать влияния злых духов (например, колдуна)».

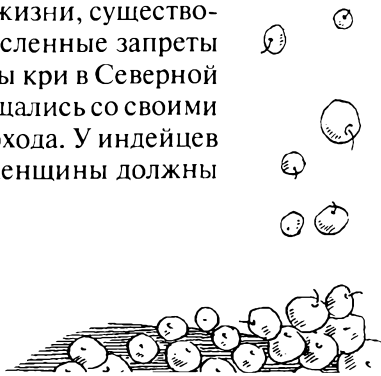
Зигмунд Фрейд упоминает, что у некоторых австралийских племен дефлорацию девушек, достигших брачного возраста, совершала пожилая женщина, а иногда к ним специально приглашали белых мужчин (это прекрасно согласуется с тезисом И. С. Кона о том, что для лишения девушек невинности могли использовать тех, кого не жалко). Фрейд пишет: «У закаев (Малайские острова), у баттов (Суматра) и альфуров (на Целебесе) дефлорация производится отцом невесты. На Филиппинских островах имелись определенные мужчины, специальностью которых была дефлорация невест в том случае, если плева не была еще в детстве разрушена старой женщиной, которой это специально поручалось. У неко-

торых эскимосских племен лишение невинности невесты представляется ангекоку (колдуну. — *О. И.*) или шаману.

На многих островах Микронезии девушка, прежде чем выйти замуж, должна была не меньше месяца провести в «мужском доме» — чем-то вроде закрытого мужского клуба, отдаваясь всем желающим. Без такой практики шансы ее на замужество были очень невелики. На острове Палау, расположенном чуть севернее Австралии, такое служение было единственным временем, когда женщина обитала под одним кровом со своими сексуальными партнерами. После замужества островитянки Палау могли жить только с родственниками или с членами своего женского союза. Спать в одном доме с мужем считалось неприличным, а для супружеских встреч существовали специальные культовые домики.

В традиционной культуре чукчей тоже известны мужские союзы с обобществлением женщин. Но здесь общими считались не невесты, а жены. Конечно, каждая жена жила в чуме своего главного мужа и вела его хозяйство, но, если кто-то из членов союза приезжал в гости, муж уступал ему место на супружеском ложе. Отказать «члену союза» женщина могла в единственном случае: если было известно, что этот чукча для того и ездил по гостям, чтобы спать с чужими женами. Мужчины, заключившие между собой союз, становились побратимами. В случае гибели одного из них оставшиеся в живых вместе воспитывали его детей, а кто-то брал в жены вдову. Может быть, именно этой, дошедшей до наших дней, традицией объясняется тот факт, что на Чукотке огромный процент детей рождается в незарегистрированных браках. Женщина, за спиной которой стоит целый мужской союз, чувствует себя достаточно защищенной на случай вдовства или развода и не видит необходимости упрочивать свое положение штампом в паспорте.

У народов, ведущих традиционный образ жизни, существовали (и по сей день существуют) многочисленные запреты на секс перед войной или охотой. Индейцы кри в Северной Америке и родственные им племена не общались со своими женами по три дня до и после военного похода. У индейцев гайда на островах Королевы Шарлотты женщины должны

были воздержаться от измен мужьям, вступившим на тропу войны. Если жена оскверняла супружеское ложе, возростала вероятность того, что муж будет убит. А если верность мужу нарушала индейка из племени мохос в Боливии, ее обманутому супругу грозила опасность от ягуара или ядовитой змеи. Индейцы нутка перед тем, как отправляться в море на китобойный промысел, соблюдали недельное воздержание. А индейцы карриер в Британской Колумбии перед тем, как ставить ловушки на медведей, расставались с женами на целый месяц. Немного легче им приходилось перед охотой на куниц — для такого мелкого зверя хватало и десятидневного воздержания.

В некоторых регионах России такие запреты существовали вплоть до двадцатого века. Мужчины коми, отправляясь на охоту, не должны были не только брать с собой жен, но даже думать о них. Под запрет попадало и само слово «женщина» — его заменяли эвфемизмами. Из тех же соображений и русские охотники на соболя вместо запретного слова «баба» говорили «белоголовка», имея в виду белый головной убор замужней женщины.

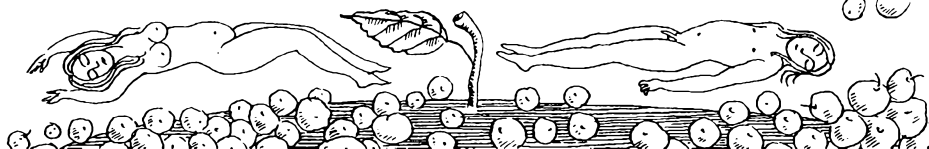
Запреты на секс возникают и тогда, когда людям предстоит заняться особо важной работой. Индейцы пипилы в Центральной Америке традиционно воздерживаются от общения с женами за четыре дня до сева. Кстати, это имеет не только сакральный, но и практический смысл: во время самого сева половой акт станет обязательным и для него надо накопить сил... Масаи, живущие в африканских саваннах, соблюдают обязательное целомудрие в то время, когда они готовят медовую брагу. Варить ее должны обязательно мужчина и женщина вместе; все восемь дней, что длится процесс, жить им предписывается в одной хижине, а вот вступать в половую связь категорически нельзя — брага получится неудачной... Люди народности бепенде в Заире должны соблюдать воздержание, когда они строят дома нового поселка. Если хоть одна пара нарушит табу, строительство бросают и выбирают для селения новое место.

Встречаются, хотя и достаточно редко, народы и конфессии, чей сексуальный кодекс предусматривает связи, которые едва ли не во всем мире и во все времена считались

предосудительными. Так, древние зороастрийцы поощряли близкородственные браки, назвав этот обычай «хваэтвадатою» и включив его в свой символ веры. Возникла такая необычная традиция не на пустом месте. Последователи Заратустры верили, что миром управляют два начала — доброе (Ахурамазд, или Ормузд) и злое (Ангра-Манья, или Ахриман). Поскольку воинство Ахурамазды надо было умножать, а обращение иноверцев — дело хлопотное и не всегда благодарное, первые зороастрийцы решили увеличить число своих приверженцев самым простым, доступным и приятным способом: они стали размножаться. Персидские цари ежегодно давали гражданам награды за многодетность и поощряли многоженство. Но, живя в окружении иноверцев и не желая с ними родниться, первые последователи Заратустры нередко сталкивались с тем, что им негде было брать достаточное количество жен. Ксанф Лидийский, современник Геродота, писал о мужчинах-зороастрийцах, что они «сожительствуют со своими матерями. Они также могут вступать в связь с дочерьми и сестрами». Причем поощрялось не просто сожительство, но именно брак. Многие цари персов были женаты на своих сестрах.

Впрочем, современные зороастрийцы категорически отрицают свою приверженность к кровнородственным бракам и утверждают, что обычай хваэтвадаты следует понимать исключительно в духовном смысле. А вот у некоторых аборигенов Австралии инцест поощрялся до самого последнего времени. Считалось, что половая связь с собственной матерью придает воину мужество и способствует его благоденствию.

Законы, запрещающие зоофилию, существуют во многих странах мира. Во избежание соблазна старый перуанский закон запрещал одинокому мужчине не только использовать, но даже и просто держать в качестве домашнего животного самку ламы. А там, где на этот счет нет закона (как, например, в России), зоофилия строго осуждается традицией. Однако некоторые культуры поощряют сексуальные контакты с животными, считая, что лучше уж с ними, чем с чужими женами. Например, в Колумбии мальчикам рекомендовали снимать сексуальное напряжение с помощью ослиц.

Ну а кое-где встречаются и совсем экзотические законы, ограничивающие сексуальную жизнь граждан. Удивительно, что самые причудливые из них можно встретить не у дикарей в джунглях Африки или в делях Амазонки, а в Соединенных Штатах Америки. Так, закон Эймса (штат Айова) запрещает мужчине ложиться в постель с женщиной, если он выпил больше трех глотков пива. В Вашингтоне запрещены любые позиции, кроме «миссионерской»; кроме того, здесь же возбраняется заниматься сексом с девицами, причем никаких оговорок по поводу первой брачной ночи в законе не предусмотрено. В Харрисбурге (Пенсильвания) запрещен секс с шофером в кабине грузовика. В Боземане (Монтана) жители не имеют права после захода солнца предаваться любви без одежды возле своих домов. В Кингсвилле (Техас) свиньям запрещено заниматься сексом на территории аэропорта. В графстве Вентура (Калифорния) к четверногим любовникам относятся лояльнее — здесь существует закон, закрепляющий право на секс за собаками и кошками... Этот список можно продолжить — едва ли не каждый штат или крупный город Соединенных Штатов издавал подобные законы. Сегодня многие из них существуют только на бумаге — трудно представить, что жители Вашингтона, насчитывающего (с пригородами) около 5,4 миллиона человек, все как один занимаются любовью в «миссионерской» позе, а для первой брачной ночи покидают город. Но некоторые законы, несмотря на свою экзотичность, безусловно, актуальны и по сей день — надо думать, что свиньям никогда не разрешат предаваться любовным играм в аэропортах штата Техас.

Библиография

«А се грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.). М., 1999.

Амсель Н., рабби. Гомосексуализм и ортодоксальный иудаизм. Интернет-публикация:

<http://www.lookstein.org/russian/galaha/homosexualism.php>.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Пер.: В. Г. Борухович. Л., 1972.

Апулей. Апология. Пер.: С. П. Маркиш // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1956.

Аревшатян С. Шаапиванские каноны — древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал. 1959, № 2–3 (5–6).

Аристотель. Политика. Пер.: С. А. Жебелев // Аристотель. Сочинения. Том IV. М., 1983.

Артемидор. Онейрокритика. Пер. под ред. Я. М. Боровского. СПб., 1999.

Артхашастра, или Наука о политике. Пер.: В. И. Кальянов. М., 1993.

Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт. Пер.: В. Чемберджи // Античный роман. М., 2001.

Барберино Ф. да. Комментарий к «Предписаниям любви». Пер.: А. С. Бобович, М. С. Мейлах // Жизнеописания трубадуров. М., 1993.

Бессмертный Ю. Н. К изучению матримонального поведения во Франции XII–XIII вв. // Одиссей. 1989. М., 1989.

Библия. Синодальный перевод.

Бикмурзина Э. Достойное имя как повод для гордости // Вокруг света. 2010, № 9.

Ботеах Ш. Кошерный секс. Пер.: И. Ревякина.
Интернет-публикация сайта <http://www.sem40.ru>.

Валенсен Ж. Кошерный секс. Евреи и секс. Пер.: Н. Хотинская, А. Дикарев, А. Василькова. М., 2000.

Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Пер.: А. А. Павлов // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 3. Сыктывкар, 2008.

Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять. Часть 2. Пер.: И. Алексеев. СПб., 1772.

Ван Гулик Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае. Пер.: А. М. Кабанов. СПб., 2000.

[*Василий Великий, св.*] Правила Святого Василия Великого. Интернет-публикация: <http://krotov.info/acts/canons/0370vasi.html>.

[*Василий Великий, св.*] Святитель Василий Великий. Письма. М., 2007.

Васильев Л. С. История религий Востока. М., 2006.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.

Велидов А. Декрет о национализации женщин (1919 г.) // Московские новости. 1990, № 8.

Властины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. Пер.: С. Н. Кондратьев. М., 1992.

Военной устав с Артикулом военным, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерцициею, церемониями, и должностями полковых чинов. СПб., 1848.

Геродот. История. Пер.: Г. А. Стратановский. Л., 1972.

Гесиод. Теогония (Происхождение богов). Пер.: В. В. Вересаев // Эллинские поэты. М., 1999.

Гомер. Илиада. Пер.: В. В. Вересаев. М.—Л., 1949.

Гомер. Одиссея. Пер.: В. В. Вересаев. М., 1953.

Грамм М. И. Занимательная энциклопедия мер, весов и денег. Челябинск, 2000.

Григорий Турский. История франков. Пер.: В. Д. Савункова. М., 1987.

Гусева Н. Р. Многоликая Индия. М., 1987.

Дерягин Г. Б., Сидоров П. И., Соловьев А. Г. Социально-психологические аспекты женских сексуальных действий с животными // Российский психиатрический журнал. 1999, № 5.

Дикарёв А. Секс не пройдет? // Азия и Африка сегодня. 1993, № 4.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1979.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека). Пер.: О. П. Цыбенко. М., Лабиринт, 2000.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Том I. Пер. под ред. И. Л. Маяк. М., 2005.

Добросельский П. В. Супружеские отношения и грань греха. М., 2009.

Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории. 1952, № 3–4.

Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. 1990. М., 1990.

Ефимов С. В., Рымша С. С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. I. СПб., 2009.

Житие Марии Египетской. Пер.: С. Полякова // Жития византийских святых. СПб., 1995.

Законы вавилонского царя Хаммурапи.

Интернет-публикация исторического факультета МГУ:
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>.

Законы Гулатинга в редакции короля Магнуса Исправителя Законов 1274 г. Пер.: М. В. Панкратова. Интернет-публикация переводчика: <http://norse.ulver.com/src/other/landslov/index.html>

Законы Ману. Пер.: С. Д. Эльманович. М., 1992.

Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви. Том II. М., 1990.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Часть I. Запреты на охоте и иных промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии. Том VIII. Л., 1929.

Зубкова Е. В круге ближнем // Родина. 2008, № 7.

Ивик О. История разводов. М., 2010.

Ивик О. История свадеб. М., 2009.

Илларион, митрополит. Христианство — религия сильных духом // Церковь и время, № 50 (январь—март 2010 г.).

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1979.

Иоанн Златоуст. Беседа 18 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского [тт. I–XII, 1898–1906]. Том III, ч. 1.

Иоанн Златоуст. Книга о девстве // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского [тт. I–XII, 1898–1906]. Том I, ч. 1.

Ирландские саги. Пер.: А. А. Смирнов. Л., 1929.

История государства и права зарубежных стран. Под ред. Крашенинниковой Н. А. и Жидкова О. А. Часть I. М., 1998.

Камасутра. Пер.: А. Я. Сыркин. М., Наука, 1993.

Каменский А. Б. Девиантное поведение в русском городе XVIII в. // Одиссей. 2005. М., 2005.

Капеллан А. О любви. Пер.: М. Л. Гаспаров // Жизнеописания трубадуров. М., 1993.

Кеничи Инуи Накаяма. Правовой контроль над проституцией в Японии // Правоведение. 1990, № 2.

Китайский эрос. М., 1993.

Кирик Новгородец. Литературное наследие // Библиотека русской классики. Выпуск первый. Электронное издание.

Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. Пер.: Л. А. Игоревский. М., 2003.

Кицур Шульхан Арух. Пер.: А. Кутуков. М., 1999.

Коллинс С. Нынешнее состояние России... Интернет-публикация: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text2.phtml?id=716>.

Кон И. С. Вкус запретного плода: сексология для всех. М., 1997.

Кон И. С. Лунный свет на заре. М., 1998.

Кон И. С. Любовь небесного цвета. СПб., 2001.

Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1999.

Коптев А. В. Брак Гая Силия и Валерии Мессалины в изложении Корнелия Тацита. Интернет-публикация: <http://ancientrome.ru/publik/koptev/koptev05.htm>.

Коробков И., иерей. О супружеском воздержании во время поста. Интернет-публикация Саратовской епархии: http://www.eparhia-saratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5105&Itemid=64.

Котлярский М., Люкимсон П. Тайны еврейского секса. Ростов-на-Дону, 2008.

Котлярский М., Люкимсон П. Евреи и секс. Культура. Традиции. Современность. СПб., 2005.

Крамер С. Н. Мифология Шумера и Аккада. Пер.: В. А. Яacobсон // Мифологии древнего мира. М., 1977.

Крачковский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Крупа Т. Н. Женщина в свете античной эротики: традиционные взгляды и реальность. Интернет-публикация: <http://www.archaeology.ru/ONLINE/Крупа/woman.html>.

Крюков М. В., Решетов А. М. Система личных имен у китайцев // Системы личных имен у народов мира. М., 1989.

Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М. История Японии. М., 1988.

- Кычанов Е. И.* Правовое положение наложниц в средневековом Китае (VII–X в.). (По материалам Танского кодекса) // Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1978.
- Лао Цзы.* Дао дэ цзин. Пер.: Ян Хин-шун. СПб. — Калининград, 2005.
- Левин Е.* Еврейская Кама Сутра // Еврейская старина. № 19, 4 июля 2004 (<http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer19/Starina19.htm>).
- Левин Е.* Секс в талмудической традиции // Лехаим. 2008, № 6.
- Леквиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2005.
- Ливий Т.* История Рима от основания Города. Пер. под редакцией М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе. М., 2001.
- Лукиан.* Две любви. Пер.: Н. П. Баранов // Лукиан. Сочинения. Том II. СПб., 2001.
- Лукиан.* Диалоги гетер. Пер.: В. Б. Казанский // Лукиан. Сочинения. Том I. СПб., 2001.
- Лукреций Кар Т.* О природе вещей. Пер.: Ф. А. Петровский. Л., 1945.
- Лю Сян.* Жизнеописания знаменитых женщин // Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 6.
- Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. DVD-издание. 2007.
- Малявин В. В.* Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М., 1997.
- Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2003.
- Малявин В. В.* Конфуций. М., 1992.
- Манухина О.* Процесс изменения семейного права в Китае (1911–2001 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 6.
- Марциал.* Эпиграммы. Пер.: Ф. Петровский. М. — Харьков, 2000.
- Мифы народов мира. В 2 томах. Энциклопедия. М., 1997.
- Насекин Н. А.* Корейцы Приамурского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1904, № 3.
- Население и общество. Электронная версия: <http://demoscope.ru>.
- Нижник Н. С.* Институт семьи и брака: трансформации в контексте государственно-правовой эволюции в первые годы Советской власти // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора. Ч. 3. Эволюция государственных институтов как фактор развития политической и правовой культуры: историческая перспектива и региональный аспект. Великий Новгород, 2006.
- Нихон Сёки. Том I. Пер.: Л. М. Ермакова, А. Н. Мешеряков. М., 1997.
- Номоканон св. Иоанна Постника. Интернет-публикация: <http://krotov.info/acts/canons/postnik.htm>.

- Овидий Назон П.* Метаморфозы. Пер.: С. В. Шервинский. М., 1977.
- Овидий Назон П.* Наука любви. Пер.: М. Л. Гаспаров // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973.
- Овидий Назон П.* Фасты. Пер.: Ф. Петровский // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973.
- Овчинников В. В.* Ветка сакуры. М., 1971.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Пер.: А. М. Ловягин. М., 2003.
- Очерки из прошлого и настоящего Японии. Сост.: Т. Богданович. СПб., 1905.
- Памятники права средневековой Испании. М., 2004.
- Пандей Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды. Пер.: А. А. Вигасин. М., 1990.
- Пара Э.* Инцест // Психология любви и сексуальности. М., 2006.
- Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Том II, годы 51–46. Пер.: В. О. Горенштейн. М. — Л., 1950.
- Платон.* Законы. Пер.: А. Н. Егунов. М., 1999.
- Платон.* Пир. Пер.: С. К. Апт // Платон. Избранные диалоги. М., 1965.
- Плиний Младший.* Панегирик императору Траяну. Пер.: В. С. Соколов // Письма Плиния Младшего. М., 1983.
- Плутарх.* Древние обычаи спартанцев. Пер.: М. Н. Ботвинник // Плутарх. Моралии. М. — Харьков, 1999.
- Плутарх.* Изречения спартанских женщин. Пер.: М. Н. Ботвинник // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.
- Плутарх.* Римские вопросы. Пер.: М. Л. Гаспаров, Н. В. Брагинская // Плутарх. Моралии. М. — Харьков, 1999.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 2 томах. М., 1994.
- Повесть временных лет. Пер.: О. В. Творогов // Библиотека литературы Древней Руси. Том I: XI–XII века. СПб., 1997.
- Полонский П.* Евреи и христианство. Интернет-публикация: <http://psylib.org.ua/books/polon01/index.htm>.
- Похищение быка из Куальнге. Пер.: Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев. М., 1985.
- Почагина О.* Новая редакция закона КНР о браке // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 3.
- Предания и мифы средневековой Ирландии. Пер.: С. В. Шкунаев. М., 1991.
- Рамбан.* Игерет Акодеш: «Письмо святости». Пер.: П. Зидман. Иерусалим, 2010.

- Раскаяние святой Пелагии. Пер.: С. Полякова // Жития византийских святых. СПб., 1995.
- Редько Т. И.* Прозаическое творчество Ихара Сайкаку // История всемирной литературы: В 8 томах. Том IV. М., 1987.
- Роллестон Т.* Мифы, легенды и предания кельтов. М., 2004.
- Рыбаков В. М.* Иерархия внебрачных связей по законам периода Тан // Петербургское востоковедение. Вып. 2. СПб., 1992 г.
- Сайкаку Ихара.* Пять женщин, предавшихся любви. Пер.: Е. Пинус, В. Маркова. СПб., 2005.
- Светоний Транквилл Г.* Жизнь двенадцати цезарей. Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1991.
- Семенов Ю. И.* Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение, 1996, № 1.
- Сенека Л. А.* Нравственные письма к Луцилию. Пер.: С. А. Ошеров. М., 1977.
- Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. СПб., 2000.
- Синицын А.* Самураи — рыцари Страны восходящего солнца. История, традиции, оружие. СПб., 2001.
- Среднеассирийские законы. Интернет-публикация исторического факультета МГУ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/assyrg.htm>.
- Страбон.* География. Пер.: Г. А. Стратановский. Л., 1964.
- Тацит П. К.* Анналы. Пер.: А. С. Бобович // Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003.
- Толковая Библия Лопухина. Интернет-публикация: <http://www.lopbible.narod.ru>.
- Торчинов Е. А.* Тексты по «искусству внутренних покоев» (эротология Древнего Китая); [перевод с китайского:] Гэ Хун. «Мудрец, объемлющий первоизданность» (Баопцу-цзы); Эротологический трактат «Десять вопросов» (Ши вэнь) // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993.
- Успенская Е. Н.* Раджпуты: Традиционное общество. Государственность. Культура. СПб., 2003.
- Флавий Иосиф.* Иудейские древности. Пер.: Г. Генкель. М., 2007.
- Фоменкова А. В.* Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1999.
- Фрезер Дж.* Золотая ветвь. Пер.: А. М. Рыклин. М., 1980.
- Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Пер.: М. В. Вульф. М., 1989.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.

Цапенко П. А. Влияние реформы Мэйдзи на развитие и взаимодействие буддизма и синтоизма в Японии. Курсовая работа. МГУ. М., 2005.

Цеткин К. Из записной книжки // Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955.

Цицерон М. Т. О государстве. Пер.: В. О. Горенштейн // Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М., 1994.

Цицерон М. Т. Речь в защиту Марка Целия Руфа. Пер.: В. О. Горенштейн // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том II (62–43 гг. до н.э.). М., 1962.

Чумакова Т. В. «В человеческом жительстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001.

Шихляров Л., священник. Христианство и проблемы половых отношений. М., 1994.

Элиан К. Пестрые рассказы. Пер.: С. В. Полякова. М. — Л., 1963.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. DVD-издание.

Эратосфен. Хронография. Пер.: О. П. Цыбенко // Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991.

Ювенал. Сатиры. Пер.: Д. С. Недович, Ф. А. Петровский. СПб., 1994.

Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Пер.: Р. В. Котенко, А. А. Мищенко // Книга самурая. СПб., Евразия. 2000.

Quintilian's Institutes of oratory or education of an orator. London., 1909.

Материалы сайтов:

«Википедия (Интернет-энциклопедия)»: <http://ru.wikipedia.org>.

«Все об иудаизме»: <http://phlijnet.org>.

«Загадочная Япония»: <http://leit.ru>.

«Православная книга»: <http://pravkniga.ru>.

«Тора онлайн»: <http://www.toraonline.ru>.

«Электронная еврейская энциклопедия»: <http://www.eleven.co.il>.

Сайт отдела внешних церковных связей Русской православной церкви: <http://www.mospat.ru/ru>.

Сайт Санкт-Петербургской духовной академии: <http://spbda.ru>.

Сайт церкви Св. Иоанна Предтечи (Чесменской): <http://www.liturgy.ru>.

Сайт храма Покрова Пресвятой Богородицы города Красный Сулин: <http://pokrovhram.org>.

<http://www.jewish.ru>.

Сайты газет и новостных агентств.

Содержание

От авторов	5
Клинописные запреты. Древний Ближний Восток	7
Под властью Эроса. Древняя Греция.	26
Между Вестой и Венерой. Древний Рим	52
Под эгидой «Камасутры». Индия	84
«Отклонение от этого означает хаос». Китай	108
От гейш до бурсэра. Япония	157
По законам нида. Иудаизм	173
«Наслаждаться совершенно не дозволяется...».	
Христианство	208
Гейсы, законы и декреты. Светская Европа	237
Понемногу о разном	269
Библиография	275

- Ивик О.**
И17 История сексуальных запретов и предписаний / Олег Ивик. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 288 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-083-3

Сексуальные запреты и предписания пронизывают всю историю человечества. Священнослужители и законодатели, мыслители и революционные деятели извели многие тонны глины, папируса, пергамента и бумаги, пытаясь объяснить людям, как, с кем, когда, для чего и в каких условиях можно или нельзя заниматься сексом. Причем то, что считалось нравственным у одних народов, отвергалось категорически другими. В Вавилоне жрицы Милитты предлагали себя за деньги первым встречным, а римляне в это же время живьем зарывали в землю жриц Весты, осмелившихся нарушить обет девственности. Предписания, как вести сексуальную жизнь, существовали повсюду и во все времена: всевластные китайские императоры могли предаваться любовным утехам лишь под контролем евнухов и не дольше, чем требовал ритуал, в средневековой Европе даме могли «указать» вступить во внебрачную связь, коль скоро того требовал куртуазный обычай, а большевики пытались навязать народам СССР «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата»...

УДК 930.85

ББК 03.3(0)3-4

История. География. Этнография

Олег Ивик

История сексуальных
запретов и предписаний

Редактор В. Петров

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 22.02.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 18. Тираж 3000 экз. Заказ № 5024.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13

Тел. (495) 637-45-49

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

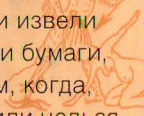
Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rф

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Олег Ивик
История
сексуальных
запретов
и предписаний

Священнослужители и законодатели извели тонны глины, папируса, пергамента и бумаги, пытаясь объяснить людям, как, с кем, когда, для чего и в каких условиях можно или нельзя заниматься сексом. Причем то, что считалось нравственным у одних народов, категорически отвергалось другими. В Вавилоне жрицы Милитты торговали собой, а римляне в это же время живьем зарывали в землю жриц Весты, осмелившихся нарушить обет девственности. Предписания существовали во все времена: всевластные китайские императоры могли предаваться любовным утехам лишь под контролем евнухов и не дольше, чем требовал ритуал, а большевики пытались навязать народам СССР «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата»...

Ранее в издательстве «Ломоносовъ» вышли книги Олега Ивика «История человеческих жертвоприношений» и «Женщины-воины: от амазонок до куноити».

ISBN 978-5-91678-083-3

9 785916 1780833